

Беседы на послание к Филиппийцам святитель Иоанн Златоуст

Беседа [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#) [13](#) [14](#) [15](#)

1. Филиппийцы были жители македонского города «Филиппы», так названного по имени основателя города – колонии (римской), по словам Луки ([Деян. 16:12](#)). Здесь обратилась «женщина, торговавшая багрянницей», женщина весьма богобоязненная и внимательная ([Деян. 16:14](#)); здесь уверовал начальник синагоги; здесь Павла вместе с Силою били палками ([Деян. 16:23](#)); здесь начальники, испугавшись, просили их удалиться из города ([Деян. 16:38–39](#)). Блистательно было здесь начало проповеди! В похвалу Филиппийцев сам (Павел) говорит много великого, называя их своим Венцом и много пострадавшими: «Потому что вам, – говорит он, – дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» ([Фил.1:29](#)). Писал же он к ним тогда, как был в узах, – потому и говорит: «Так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим» ([Фил.1:13](#)), называя судищем (πραιτόριον) дворец Нерона. Впрочем, от этих уз он был освобожден, что и объяснил в послании к Тимофею, говоря: «При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! Господь же предстал мне и укрепил меня» ([2Тим. 4:16, 17](#)). Следовательно, он указывает на те узы, в которых находился прежде этого ответа. А что тогда не было с ним Тимофея, ясно из слов: «При первом моем ответе никого не было со мною». Это именно он и объясняет в послании. Если бы (Тимофей) знал это обстоятельство, то (апостол) и не написал бы ему. Когда же он писал настоящее послание (к Филиппийцам), тогда Тимофей был при нем, что показывают следующие слова: «Надеюсь же в Господе Иисусе вскоре послать к вам Тимофея» ([Фил.2:19](#)); и еще: «Итак я надеюсь послать его тотчас же, как скоро узнаю, что будет со мною» ([Фил.2:23](#)). Он освобожден был от уз, и опять заключен был после того, как приходил к ним. А слова: «Но если я и соделываюсь жертвой за жертву и служение веры вашей» ([Фил.2:17](#)) – не то значат, будто бы это уже случилось, но то, что хотя бы это и случилось, я радуюсь, говорит он, утешая их через это в скорби об узах его. И что тогда надеялся остаться в живых, это видно из слов его: «Я уверен в Господе, что и сам скоро приду к вам» ([Фил. 2:24](#)); и еще: «И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами» ([Фил.1:25](#)). Филиппийцы между тем посылали к нему Епафродита, чтобы он отнес ему деньги и узнал о его обстоятельствах, потому что они весьма любили

его. А что действительно посылали, об этом послушай, что он сам говорит: «Я получил все, и избыточествую; я доволен, получив от Епафродита посланное вами» (Фил.4:18). Итак, они посылали для того, чтобы и утешить его и узнать. А что они посылали с намерением и узнать о его обстоятельствах, это он показывает в самом начале послания, где пишет о себе так: «Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования» (Фил.1:12); и еще: «Надеюсь же в Господе Иисусе вскоре послать к вам Тимофея, дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом» (Фил.2:19). Слова – "дабы и я" явно означают следующее: как вы для совершенного удостоверения послали узнать о моих обстоятельствах, так и я (пошлю), «я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом». А так как они долгое время не посылали к нему, но (послали только) тогда, – это именно он выражает словами: «Вы уже вновь начали заботиться о мне» (Фил.4:10), – и тогда только услышали, что он в узах, – ведь если они услышали о болезни Епафродита, человека не столь знаменитого, как Павел, то тем более (услышали бы) о Павле, – и так как им естественно было беспокоиться, то он в начале послания много распространяется в утешении относительно уз, показывая, что не только не надобно беспокоиться, но надобно еще радоваться. Потом дает совет касательно единомыслия и смиренномудрия, внушая им, что это составляет величайшую их крепость, и что таким образом они удобно могут побеждать врагов. Для учителей ваших не то прискорбно, что они в узах, но то, что ученики не единокорны. Первое служит даже к распространению Евангелия, а последнее к расстройству.

2. Преподав таким образом увещание к единокорности, и показав, что единокорность происходит от смиренномудрия, он затем сильно нападает на иудеев, которые под предлогом христианства всюду вредили учению, называет их псами и злыми делателями, и увещевает беречься их; показывает, к кому должно быть внимательными, много рассуждает о нравственных предметах, настраивает и ободряет их словами: «Господь близко» (Флп.4:5); вспоминает с свойственным ему благоразумием и о присланном от них, – и таким образом много утешает их. Видно, что он пишет к ним с особенным почтением, и нигде не употребляет ничего укорительного, а это было знаком их добродетели, – то именно, что они подали учителю повод написать к ним все послание не в тоне порицания, а в тоне увещания. И как я в начале сказал, так и теперь повторю, что город этот проявил великую готовность к вере. Например, темничный страж, – а вы знаете, что эта должность сопряжена со всяким нечестием, – от одного

чуда тотчас прибегнул (к Павлу), и крестился со всем домом своим. Совершившееся чудо видел он один, а пользу получил не один, но с женой и со всем домом. Да и сами начальники, бывшие Павла, сделали это более вследствие общего смятения, нежели по злобе, как видно из того, что тотчас послали и отпустили его, и после испугались. Впрочем он свидетельствует не только о вере их и опасностях, но и о благотворительности, когда говорит: «В начале благовествования... и раз и два присылали мне на нужду» (Фил.4:15, 16), тогда как никто другой этого не сделал: "Ни одна, – говорит, – церковь не оказала мне участия подаением и принятием». Опушение же он приписывает более неблагоприятным обстоятельствам, нежели преднамерению: не то, чтобы вы не заботились о мне, говорит он, «но вам не благоприятствовали обстоятельства» (Фил.4:10). Этим он выражает великую свою к ним любовь. А что он весьма любил их, это ясно: «Ибо я не имею никого, – говорит, – равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас» (Фил.2:20); и еще: «Потому что я имею вас в сердце в узах моих» (Фил.1:7).

3. Зная это и имея такие образцы любви, покажем и мы себя достойными таковых примеров готовностью пострадать за Христа. Но ныне нет гонения. Будем в таком случае подражать им, если не в другом чем, то по крайней мере в усерднейшей их благотворительности, и не будем думать, что все сделано нами, как скоро дадим раз или два. Делать это надобно во всю жизнь, – не однажды надобно угождать (Богу), а непрестанно. Состязающийся в беге, если, пробежав десять кругов, отстал на последнем, все потерял: и мы, если начав добрые дела, впоследствии ослабеем, то все погубим, все испортим. Выслушай следующее весьма полезное увещание: "Милость, – сказано, – и истина да не оставляют тебя" (Притч.3:3). Не сказано: сделай однажды, дважды, трижды, десять, сто раз, – но постоянно: «Да не оставляют тебя», сказано. И не сказано: ты не оставляй, но – они пусть не оставляют тебя, чем показывается, что мы имеем в них нужду, а не они в нас, и внушается, что мы все должны делать, чтобы удержать их при себе. «Обвяжи ими, – сказано, – шею твою" (Притч.3:3). Как дети богачей имеют на шее золотое украшение, и никогда не снимают его, в знак благородства, так и нам всегда должно возлагать на себя милостыню, чтобы показать, что мы дети Милосердного, Который «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми» (Мф.5:45). Но неверные не верят этому? Вот именно, если мы будем поступать так, то через это они уверятся. Если они увидят, что мы ко всем милосердны, и наставником (в этой добродетели) признаем Его, то будут заключать, что

мы это делаем из подражания Ему. И не кое-как должно это делать, но со вниманием и неукоризненно, потому что сказано: милостыня и вера "истинная" да будет в тебе. Хорошо сказано: истинная, – не от хищения, не от воровства хочет (ее Бог). Это уже не вера, не истинная милостыня. Вору необходимо лгать и божиться, а ты, сказано, не так, но с милостыней имей и веру. Возложим на себя это украшение. Сделаем душе золотое ожерелье, то есть, милостыню, доколь мы здесь. Ведь когда пройдет этот век, тогда уже не придется нам ею пользоваться. Почему? (Потому что) там нет бедных, там нет денег, там нет нищеты. Пока мы дети, не лишим себя этого украшения, потому что как с детей, достигших возмужалости, снимают прежний наряд, и надевают другой, – так и с нами. Там милостыня будет уже не из денег, а какая-то другая, гораздо большая. Поэтому, чтобы нам не остаться без нее, постараемся украсить ею душу. Милостыня – это великая красота и драгоценность, великий дар, или лучше, великое благо. Если мы научимся презирать деньги, то научимся и прочему. Смотри, сколько добра происходит отсюда: подающий милостыню, как должно давать, научается презирать деньги; научившийся презирать деньги исторг корень зол. Потому-то он делает добро не столько другим, сколько себе; не только потому, что милостыне предлежит воздаяние и награда, но и потому, что душа делается любознательной, высокой и богатой. Дающий милостыню приучается не дорожить ни деньгами, ни золотом, а приучившийся к этому сделал весьма великий шаг к небу и уничтожил бесчисленные предлоги к вражде, ссоре, зависти и печали. Вы знаете, сами вы знаете, что все зло от денег, и что из-за денег бесчисленные брани. А кто научился презирать их, тот поставил себя в тихом пристанище, и уже не боится лишений: этому научила его милостыня. Он уже не желает принадлежащего ближнему: как в самом деле (может поступать так) тот, кто отказывается от своего и отдает? Он уже не завидует богатому: как в самом деле (может завидовать) тот, кто желает быть бедным? Он очищает око души своей. И это здесь; а скольких благ он сподобится там, и сказать нельзя. Он не останется вне (чертога) с юродивыми девами, но, имея горящие светильники, войдет с мудрыми и с женихом. Через милостыню станет даже выше потрудившихся в девстве тот, кто не испытал трудов этого рода. Такова сила милостыни! Она с великим дерзновением ведет своих питомцев. Она знакома небесным привратникам, охраняющим двери брачного чертога, и не только знакома, но и в чести у них; тех, кого она признает своими почитателями, введет с большой смелостью, и никто не будет противоречить, но все уступят. Если она и Бога низвела на землю и преклонила сделаться человеком, то тем

более человека сможет возвести на небо. Велика ее сила! Итак, если по милосердию и человеколюбию Бог стал Человеком, и благоволил сделаться рабом, то тем более Он введет рабов в дом Свой. Возлюбим эту добродетель, возжелаем ее не на один день и не на два, но навсегда, чтобы она признала нас. Если она признает нас, то и Господь признает; а если она не признает, то и Господь не признает, и скажет: «Не знаю вас» (Лк.13:25). Но да не услышим мы этот голос, а услышим следующий блаженный: «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф.25:34), – какового царствия и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу (и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Фил.1:1–2. Павел и Тимофей, рабы Иисуса Христа, всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Названия епископа, пресвитера и диакона вначале были общие. – При совершении добродетели действует Бог и мы вместе с Богом. – Побуждение к милостыне.

1. Здесь (апостол) пишет как бы к равночестным себе, и выставляет не учительское свое достоинство, но другое, и при том великое. Какое же именно? Называет себя рабом, а не апостолом, потому что быть рабом Христовым, быть, а не называться только, действительно великое достоинство и высшее благо. Кто раб Христов, тот без сомнения свободен от греха, а раб истинный не согласится быть рабом ни у кого другого. Иначе он был бы рабом Христовым только на половину. Так и Римлянам он писал: «Павел, раб Иисуса Христа» (Рим. 1:1); а в послании к Коринфянам и к Тимофею называет себя апостолом. Почему же он это делает? Не потому, чтобы они были лучше Тимофея, нет; но потому, что он почитал и уважал их более всех, к кому писал. Этим свидетельствует о великой их добродетели. Сверх того, в других (посланиях) он имел намерение сделать многие постановления, почему и ставил на вид свое апостольское достоинство; а здесь он повелевает им только то, что они и сами по себе знали. «Всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах». Так как прилично было и иудеям называть себя "святыми" на основании древнего пророчества, в котором они назывались народом «святым, избранным», то он присовокупил: «Святым у Иисуса Христа» (Втор.7:6, 14:2). Они одни святые, а те уже сделались нечистыми.

«С епископами и диаконами». Что это? Ужели в одном городе было много епископов? Нет; (апостол) так назвал пресвитеров. Тогда названия эти были еще общие; епископ назывался даже диаконом. Потому в послании к Тимофею и пишет: "Совершай (διαχονίαν) дело благовестника, служение твое» (2Тим. 4:5), хотя он был епископ. И так как он был епископ, то говорит ему: «Рук ни на кого не возлагай поспешно» (1Тим. 5:22); и в другом месте: (дарование) «которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства» (1Тим. 4:14). А пресвитеры не могли рукополагать епископа. Также и в послании к Титу говорит: «Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал: если кто непорочен,

муж одной жены» (Тит. 1:5,6). Это говорит о епископе. И сказав это, тотчас присовокупил: «Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец» (Тит. 1:7). Итак, в древнее время, как я сказал, и пресвитеры назывались епископами и Диаконами Христовыми, и епископы – пресвитерами. Потому-то и ныне многие епископы пишут: сопресвитеру и содиакону. А впоследствии каждому присвоено особенное имя: епископа или пресвитера. «С епископами и диаконами, – говорит, – благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа». Здесь может быть иной спросит: почему он ни в каком другом послании, ни в Рим, ни в Коринф, ни в Ефес не пишет клиру, но вообще всем святым, или верным, или возлюбленным, а здесь пишет клиру? Потому что (клир) писал, благоволит и посылал к нему Епафродита. «Благодарю Бога моего при всяком, – говорит, – воспоминании о вас» (Флп. 1:3). В другом послании говорил: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая» (Евр. 13:17). Если же неисправность учеников производить (в учителе) воздыхание, то успех их – радость. Потому слова (апостола) имеют такой смысл: когда только вспоминаю о вас, (всегда) хвалю Бога. А это делает потому, что знал в них многие добродетели. И хвалю, говорит, и молюсь, потому что вы успели в добродетели; я не перестану молиться, но постоянно молюсь о вас. "Благодарю, – говорит, – Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою» (Флп. 1:3,4). Всегда, а не только тогда, когда молюсь. Хорошо прибавил: «с радостью», потому что можно делать это и с печалью, как он в другом месте говорит: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам. Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, – чтобы не сказать много, – и всех вас» (2Кор. 2:4,5).

2. Здесь (апостол) говорит в похвалу их (Филиппийцев) много, даже весьма много, сколько иной сказал бы об апостолах и евангелистах. Вы, говорит, не об одном вверенном вам городе имеете попечение, но все делаете, чтобы разделять со мною мои труды, везде присутствуете и содействуете и соучаствуете в моей проповеди. И в течение не одного, или двух, или трех лет, но всегда с того времени, как вы приняли веру, даже донныне сохраняете ревность апостольскую. Посмотри, как римляне оставили его; послушай, что он говорит: «Ты знаешь, что все Асийские

оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген» (2Тим.1:15)? И еще: «Димас оставил меня» (2Тим.4:10). И опять: «При первом моем ответе никого не было со мною» (2Тим.4:16). А они (Филиппийцы) и в отдалении от него участвовали в его скорбях, посылали к нему мужей, служили ему по силам, и вообще ни в чем не оставляли его. И делаете вы это, говорит, не только ныне, но и всегда, всяким способом помогая мне. Помогать же (апостолу) значить участвовать в благовествовании. Когда он проповедует, а ты служишь проповедующему, то участвуешь и в его венцах. И во внешних состязаниях венец принадлежит не одному борцу, но и его наставнику, и прислуживающему, и всем вообще заботящимся о борце, потому что те, которые укрепляют его и ободряют, по справедливости могут быть участниками и в победе. И в сражениях не один отличившийся, но и все служащие ему по праву могут присваивать себе трофеи и разделять славу, насколько своими услугами участвовали в его подвиге. Оказывать услуги святым – дело не маловажное, а великое: это делает нас общниками уготованных им наград. Например, иной оставил для Бога великие стяжания, всегда полагается на Бога, много подвизается в добродетели, наблюдая великую строгость во всем, даже в словах и мыслях; а ты и без такой строгости можешь участвовать в наградах, уготованных ему за таковые подвиги. Каким образом? Если послужишь ему и словом и делом; если утетишь его доставлением нужного для него, и услугой всякого рода. Ведь этим ты трудный путь сделаешь для него легче. Потому, если вы удивляетесь живущим в пустынях, избравшим жизнь ангельскую и подвизающимся в церквях подобно им; если удивляетесь и жалеете, что вы очень отстаете от них, – то вам можно сделаться их участниками другим образом – через услуги, через усердие. И это дело человеколюбия Божьего, что Он даже тех, кто менее ревностен и не в состоянии проводить жизнь суровую, трудную и строгую, иным путем возводит на ту же степень. Вот что Павел называет общением! Они, говорит, сообщают нам плотское, а мы сообщаем им духовное (Рим. 15:27). И если Бог за малое и ничтожное дарует царство, то и рабы Его за малое и чувственное воздают духовное; или лучше, через них сам (Бог) дает и то и другое. Ты не можешь поститься, жить уединенно, спать на земле, проводить в бдении целые ночи? Но тебе возможно получить за все это награду иным образом: если будешь усердствовать подвизающемуся в этом, если постоянно будешь успокаивать и ободрять его, если будешь облегчать труд его. Он стоит на сражении, он и раны получает; а ты послужи ему, когда он возвратится с поля битвы, прими его с распростертыми объятиями, осуши пот его, успокой, утети, обласкай,

ободри утружденную душу. Если мы с таким усердием послужим святым, то будем участниками наград их. Об этом и Христос говорит: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк. 16:9). Видишь ли, как они сделались участниками? «От первого дня, – говорит, – даже доньше». Поэтому я «с радостью, – говорит, – за ваше участие», и радуюсь не о прошедшем только, но и о будущем, потому что по прошедшему я заключаю и о будущем. «Будучи уверен в том, что начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа» (Флп.1:6).

3. Смотри, как он учит их и смирению. Так как он засвидетельствовал о великой их заслуге, то, чтобы они не потерпели чего-нибудь свойственного человеку, тотчас наставляет их относить ко Христу и прошедшее и будущее. Каким образом? Не сказал: будучи уверен в том, что как начали вы, так и закончите; но что? «Начавший в вас доброе дело будет совершать его». Впрочем не отнимает у них подвига, а говорит: «С радостью за ваше участие», конечно потому, что они подвизались; и не им только приписывает их добродетели, но особенно Богу. Надеюсь, говорит, «в том, что начавший, – т. е. Бог, – в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа». Так я думаю, говорит, не только об вас, но и о потомках ваших. И это не малая похвала, что Бог действует в ком-либо. Если Он нелицеприятен, каков и действительно, а помогает нам в добрых делах по расположению нашему, значит, причина того, что Он преклоняется к нам, заключается в нас. Следовательно, и таким образом (апостол) не отнимает у них похвалы, – ведь если бы Бог действовал безусловно, если бы Он двигал нас, как дерева и камни, и не требовал нашего участия, то ничто не препятствовало бы Ему действовать и в язычниках и во всех людях. Потому в словах: «Бог совершит» опять для них похвала, за то, что они привлекли к себе благодать Божью, которая помогла им возвыситься над природой человеческой. А с другой стороны и то похвала, что вы имеете такие добродетели, которые не есть дело человеческое, но требуют Божественного содействия. Если же Бог "совершит", то с нашей стороны не много потребует труда, а должно надеяться, что при Его помощи мы все легко выполним. «Как и должно мне помышлять о всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при защищении и утверждении благовествования, вас всех, как соучастников моих в благодати» (Флп.1:7). Здесь (апостол) выражает великую свою любовь к Филиппийцам, которых он имел в сердце, и о которых помнил даже в самой темнице, находясь в оковах. Не малая для людей похвала быть в памяти у этого святого. Любовь этого святого

происходит не от предрассудка, но от здравого суждения и верных понятий. И потому быть любимым от Павла так сильно, есть верный признак человека великого и достойного удивления. «При защищении, – говорит, – и утверждении благовествования». И что удивительного, если он в темнице имел их (в сердце)? Даже, говорит, и в то время, как я введен был в судилище для ответа, вы не выходили из моей памяти. Любовь духовная так сильна, что не побеждается никакими обстоятельствами, но всегда владеет душой любящего, и никакой скорби, никакой болезни не допускает одолеть. Как в печи вавилонской, при столь сильном пламени, для тех блаженных отроков была роса, так и любовь, объявляющая душу любящего и угождающего Богу, погашает всякий пламень и производит чудесную росу. «И утверждении благовествования», говорит; следовательно, узы послужили к утверждению Евангелия, к защищению. И совершенно правильно. Ведь если бы он уклонился от уз, то показал бы себя обманщиком. Теперь же, перенося все – и узы и скорби, он ясно показывает, что терпит это не за вину какую-либо, свойственную человеку, но ради Бога – мздовоздаятеля. Никто не решился бы умереть и подвергнуть себя стольким опасностям, никто не решился бы оскорбить такого царя, разумею Нерона, если бы взор его не был обращен на другого Царя, несравненно высшего. Итак, узы были утверждением Евангелия. Смотри, с каким избытком он обратил все в противную сторону! Что почитали слабостью и укоризной, то он называет утверждением, так что, если бы этого не случилось, он был бы немощным. Потом (апостол) показывает, что его любовь не есть плод предрассудка, но (здрoвoгo) суждения. Как? Я имею, говорит, вас в сердце во узах моих, и при защищении, потому что вы соучастники благодати. Что это значит? Ужели для апостола было благодатью то, что он был заключен в узы, был гоним, и терпел бесчисленные бедствия? Подлинно так, потому что сказано: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2Кор. 12:9). "Посему, – говорит, – я благодушествую в немощах, в обидах» (2Кор. 12:10). Так как я вижу, что вы делами доказываете эту добродетель, участвуете в этой благодати, и при том с усердием, то я не без основания так сужу о вас. Я испытал и более всех знаю вас и ваши добродетели, – то, что вы и при таком от нас расстоянии стараетесь не расстаться с нами в скорбях, но участвовать в искушениях ради Евангелия, – и я по справедливости должен свидетельствовать, что вы, будучи далеко от меня, подвизаетесь ничем не менее меня, вступившего в эти подвиги. Для чего же он не сказал: общников, но: «соучастников»? Я и сам, говорит, состою общником другого, чтобы быть сообщником благовествования, т. е. чтобы

иметь участие в благах, уготованных за благовествование. И то достойно удивления, что все они были так расположены, что могли назваться соучастниками Павловыми: «Соучастников, – говорит, моих в благодати». Эти начатки производят во мне уверенность, что вы пребудете таковыми и до конца. Не может же быть, чтобы такое блистательное начало погасло и уничтожилось; напротив, оно будет иметь славный конец.

4. И вот, так как можно участвовать в благодати, опасностях и скорбях и иным образом, то, прошу вас, постараемся и мы быть участниками. О, как многие из стоящих здесь, или лучше, все вы хотели бы быть соучастниками Павлу в уготованных благах! А это возможно, если захотите содействовать и помогать тем, которые приняли его служение, которые терпят ради Христа какое-либо несчастье. Ты видишь брата в искушении? Протяни руку (помощи). Видишь учителя в борьбе? Помогни. Но, скажешь, нет никого равного Павлу? Это и гордость и вместе осуждение. Согласен и я, что нет никого равного Павлу; но «кто принимает пророка, – сказано, – во имя пророка, получит награду пророка» (Мф.10:41). И они (Филиппийцы) тем ли заслужили похвалу, что содействовали Павлу? нет, – но тем, что (содействовали) принявшему на себя проповедь. Павел потому достоин был чести, что он столько терпел за Христа. Нет никого равного Павлу. Что я говорю – равного Павлу? Даже и сколько-нибудь близкого к этому блаженному. А проповедь (и ныне) та же, какая и тогда была. И соучастниками ему были (Филиппийцы) не только тогда, как он находился в узах, но и с самого начала (проповеди).

Послушай в самом деле, что он сам говорит: «Вы знаете, Филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаванием и принятием, кроме вас одних» (Фил.4:15). И кроме искушений, учителю предстоит много труда, бодрствования, подвига в слове, учения, неудовольствий, упреков, порицания, зависти. Легко ли терпеть это от тысячи языков, когда нужно заботиться о своих делах? О, что мне делать! Я поставлен между двумя трудностями: и хочу побуждать вас и умолять о содействии и помощи святым Божиим, и боюсь, чтобы кто не предположил другого, будто я говорю это не для вас, а для них. Знайте же, что я не для них это говорю, но для вас самих; и если хотите внимать, то я для убеждения вас представляю и самые доказательства. Не одинаковая польза (от милостыни) для вас, и для них. Если вы даете, даете то, что немного спустя волей и неволей оставите, и уступите другим; а что принимаете, то гораздо важнее и больше. Или вы не уверены, что через даяние получите? Если не уверены, то и не хочу, чтобы вы давали. Таким образом, я говорю

не для них. Если кто наперед не убежден в том, что он получает более, нежели дает, что он получает величайшую пользу, что бывает благодетельствован более, нежели благодетельствует, – тот не давай; если кто думает, что он оказывает милость принимающему, – тот не давай. Не о пропитании святых я так сильно забочусь: не дашь ты, дает другой. Если я чего хочу, так именно того, чтобы вы получили облегчение ваших грехов; а кто дает не с таким расположением, тот не получить облегчения. Творить милостыню, значить не просто давать, но с усердием, с радостью и с чувством благодарности к принимающему: «Не с огорчением, – сказано, – и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог» (2Кор. 9:7). Итак, если кто дает не с таким расположением, тот лучше не давай, потому что это не милостыня, а напрасная трата. Поэтому если вы знаете, что отсюда происходит польза для вас, а не для них, то знайте, что для вас выгоднее. У них питается тело, а у вас душа делается приятной Богу. Им, когда принимают, не отпускается ни один грех, а вам прощаются многие прегрешения. Итак, будем принимать участие в их подвигах, чтобы участвовать с ними и в великих наградах. Усыновляющие себе царей не думают о том, что дают больше, нежели получают. Усынови и ты себе Христа, и будешь весьма обеспечен. Хочешь ли ты быть соучастником Павловым? Но что я говорю – Павловым, когда сам Христос принимает (твою милостыню)?

5. Знайте же что я все и говорю и делаю для вас, а не об успокоении других забочусь. Если кто из предстоятелей Церкви живет в изобилии, и ни в чем не нуждается, то, хотя бы он и святой был, не давай, но предпочти ему бедного, хотя и не так почтенного. Почему же? Потому, что и Христос этого хочет, когда говорит: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих... зови нищих, увечных, хромых, слепых... что они не могут воздать тебе» (Лк. 14:12–14). Да, не без разбора должно приглашать, но алчущих, жаждущих, нагих, странных, впавших после богатства в бедность. (Христос) не просто сказал: вы напители Меня, но – алчущего: видели Меня алчущего, говорит, и напители (Мф.25:35). (Здесь) двойная заповедь: если должно напиться всякого алчущего, то тем более алчущего святого. Если же кто и свят, но не нуждается, – не давай ему, потому что это бесполезно, и этого Христос не заповедал; да тот и не свят, кто находится в довольстве, и принимает. Видишь, что это сказано не для нашего постыдного прироста, но для вашей пользы? Питай алчущего, чтобы тебе не питать (собою) огня гееннского, – алчущий сдает часть твоего имущества, а остальное освящает. Подумай, как вдова питала Илию. Она не столько питала,

сколько питалась; не столько отдала, сколько получила. И теперь бывает то же, даже гораздо большее: наградой таковым служить не мука, и не сосуд елея, – но что? сто раз большее – вечная жизнь. Будет милость Божья, и ты будешь пищей духовной, закваской чистой. Она была вдова, свирепствовал голод, и ничто ее не остановило; были у нее дети, но и это не послужило препятствием. Она была подобна положившей две лепты. Она не сказала самой себе: что я получу от него? Он просит у меня (пищи). Если бы он имел какую-либо силу, то не терпел бы голода, прекратил бы засуху, и не подпал бы тем же (бедствиям). Может быть, и он оскорбил Бога? Ничего такого она не подумала. Видишь ли, как хорошо благодетель с простотой, и не быть слишком разборчивым относительно принимающего благодеяние? Если б она захотела много любопытствовать, то пришла бы в недоумение и не поверила бы. Так и Авраам, если б захотел много любопытствовать, то не принял бы ангелов, потому что не бывает, никогда не бывает, чтобы слишком разборчивый в таковых случаях принял святого, – чаще всего он попадает на обманщиков. Как это происходит, я объясню. Благочестивый не хочет казаться благочестивым, и не принимает на себя такого вида, хотя бы ему грозило подвергнуться из-за этого, а обманщик, у которого обман составляет ремесло, представляется весьма благочестивым, так что его трудно распознать. От этого бывает, что тот, кто делает добро людям по-видимому неблагочестивым, попадает на благочестивых; а кто ищет почитаемых благочестивыми, часто попадает на неблагочестивых.

Итак, умоляю вас, будем делать все в простоте. Положим, что пред тобою и обманщик; но тебе не велено испытывать этого. "Всякому, – сказано, – просящему у тебя, давай» (Лк. 6:30); и еще: «Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?» (Притч. 24:11). Хотя многие из подвергаемых смерти подвергаются ей потому, что пойманы в преступлениях, но ты не жалея (подать), сказано. Через это мы уподобимся Богу, через это прославимся и получим нетленные блага, которых и да удостоимся все мы (благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Фил.1:8–11. Бог – свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа; и молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны в день Христов, исполнены плодов праведности Иисусом Христом, в славу и похвалу Божию.

Любовь и дружба должны быть разумными. – Откуда происходит зависть. – Тягота от богатства.

1. Павел призывает Бога в свидетели не потому, будто не имели к нему доверия, но делает это по великому расположению, а также для большего убеждения и ободрения. Так как он сказал, что они (Филиппийцы) были соучастниками ему (через милостыню), то чтобы не подумали, что он за это любит их, а не просто ради их самих, – прибавил: «Любовью Иисуса Христа» (ἐν ἀγάπῃ Χριστοῦ). Что это значит? Что же, что – по Христе: за то, что вы верны, за то, что вы любите Христа, за любовь по Христе. Даже не сказал – по любви, но гораздо сильнее – «любовью Иисуса Христа», как бы так говоря: люблю вас, как отец ваш, по родству во Христе. Оно и дает нам сердце (ἀγάπη), сердце горячее, пламенное; такое сердце дается только истинным рабам Его. Таким-то сердцем, говорит, (я люблю вас); как бы так сказал: люблю вас сердцем не плотским, но пламеннейшим, Христовым. «Что я люблю всех вас», – говорит. Люблю всех, потому что и вы все любите меня; а как сильно люблю, нельзя и выразить, словами не могу изобразить любви моей, предоставляю видеть ее Богу, проникающему сердца. (Апостол) не призвал бы Бога в свидетели, если бы льстил им, потому что это небезопасно. «И молюсь о том, – говорит, – чтобы любовь ваша еще более и более возрастала». Хорошо сказано, потому что любовь – ненасытное благо. Смотри, как он, будучи любим, хочет еще более быть любимым. Кто так любит любимого, тот не хочет, чтобы любовь последнего имела когда-либо предел. Нет меры этому благу. Потому Павел хочет, чтобы этим благом они всегда были обязаны: «Не оставайтесь должными никому ничем, – говорит он, – кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон» (Рим. 13:8). Мера любви есть бесконечность. «Чтобы любовь ваша, – говорит, – еще более и более возрастала». Заметь сочетание слов. Сказано: «Еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве». Высоко ценит не просто дружбу, не просто любовь, но любовь происходящую от разума, то есть, не ко всем одинаковую любовь, потому

что такая любовь будет не любовь, а равнодушие. Что такое – «в познании»? То есть, с рассуждением, с размышлением, с чувством. Есть ведь и такие, которые любят безрассудно, зря, как случится, отчего и дружба их не бывает крепка. «В познании, – говорит, – и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее», то есть, полезное.

Я это говорю не для себя, но для вас, говорит (апостол), потому что опасно, как бы кто, любя еретиков, не заразился от них. На все это намекает он, когда говорит таким образом. И заметь, как он располагает слова: не для себя это говорю я, но «вы были чисты», то есть, чтобы вы под личиной любви не приняли ложного учения. Как же он в другом месте говорит: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим.12:18)? Выражение: «Будьте в мире», не значить: любите так, чтобы от дружбы терпеть вам вред: "Если же, – сказано, – правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя» (Мф.5:29), – но: «Чтобы вы были чисты», т. е. пред Богом, «и непреткновенны», т. е. пред людьми. Дружба часто многим вредит; если тебе самому и не вредит нисколько, зато другой соблазняется. «В день Христов», то есть, чтобы вам тогда явиться чистыми, никого не соблаздившими. «Исполнены плодов праведности Иисусом Христом, в славу и похвалу» Божью, то есть, при правом учении и живя праведно. Следует быть не просто праведным, но исполненным плодов правды, – потому что есть правда и не по Христе, как например обыкновенная честная жизнь, – «плодов Иисусом Христом, – говорит, – в славу и похвалу Божью». Видишь ли, что я говорю не о своей славе, но о правде Божьей? Во многих же местах (апостол) правдой называет и милостыню. Пусть не препятствует вам любовь, говорит, познавать полезное, и пусть не надеть по любви к кому-либо. Я желаю, чтобы ваша любовь возростала, однако ж не так, чтобы вы терпели вред; и желаю, чтобы вы не просто согласились со мною, но чтобы испытали, справедливо ли мы говорим. Он не сказал: примите мои наставления, но – искушайте, и не сказал прямо: не сближайтесь с таким-то, но – я хочу, чтобы любовь служила к вашей пользе, чтобы ваше расположение не было безрассудно. Ведь неразумно, если вы совершаете правду не для Христа, и не через Него. Вот еще выражение: через Него! Ужели он пользовался Богом, как слугой? Вовсе нет: не для того я так сказал, говорит (апостол), чтобы меня хвалили, но чтобы прославлялся Бог. «Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим» (Флп.1:12–13).

2. Вероятно, (Филиппийцы) услышав, что (апостол) в узах, скорбели и

думали, что проповедь прекратилась. Что же он делает? Тотчас уничтожает это предположение, и говорит: «Чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большому успеху благовествования». И это свойство любящего – объяснить свои обстоятельства, потому что о них беспокоились. Что ты говоришь? Ты в узах, тебе препятствуют, – как же преуспевает Евангелие? «Так что узы мои, – говорит, – о Христе сделались известными всей претории и всем прочим». Это не только не заградило уст другим и не сделало их боязливыми, но напротив еще сделало их больше дерзновенными. Итак, если те, которые находились близ опасностей, не потерпели никакого вреда, напротив еще больше получили дерзновения, то тем более вы должны быть дерзновенны. Если бы связанный носил узы с прискорбием, и молчал, то естественно было бы и им находиться в таком же состоянии; а как связанный действовал еще смелее, то придавал им смелости более, нежели если бы не был связан. Как же узы послужили к успеху Евангелия? Бог так устроил, говорит (апостол), что узы мои во Христе и для Христа не оставались неизвестными «всей претории», – каковым именем называли тогда дворец. И не только «всей претории», но и во всем городе. «И большая часть из братьев в Господе, ободрившись узамы моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божье» (Флп.1:14). Этим показывает, что и прежде они поступали смело, и говорили с дерзновением; а теперь гораздо более. Итак, если другие, говорит, по причин моих уз становятся дерзновенными, то гораздо более я (сам); если я других сделал дерзновенными, то тем более сам должен быть таковым. «И большая часть из братьев в Господе». Так как много значило сказать, что мои узы произвели в них дерзновение, то наперед сказал: "в Господе". Видишь ли, как (апостол), и при необходимости похвалиться, не оставляет скромности? «Начали с большей смелостью», – говорит, – «безбоязненно проповедовать слово Божье». Словом – "большой" показывает, что они уже начали. «Некоторые, правда, по зависти и любопрению, а другие с добрым расположением проповедуют Христа» (Флп.1:15). Значение этих слов достойно исследования. Так как Павел был в узах, то многие из неверных, желая возбудить царя к жестокому гонению, и сами проповедовали Христа, чтобы распространением проповеди увеличить гнев царя, и чтобы всю ярость обратить на главу Павлову.

Итак, узы произвели двоякое действие: в одних возбудили великое дерзновение, а других, ободренных надеждой моей гибели, расположили проповедовать Христа. «Некоторые, правда, по зависти», т. е.: завидующие моей славе и (хорошему) началу, желающие моей

погибели, и состязаящиеся со мною, содействуют мне, или же: думающие уменьшить сколько-нибудь мою славу для того, чтобы и самим быть в чести. «А другие с добрым расположением», т. е. без лицемерия, со всем усердием. «Одни по любопрению проповедуют Христа не чисто» (Флп.1:16), т. е. не без примеси (лжи), и не для самого дела, – но для чего? «Думая увеличить тяжесть уз моих», – думая таким образом ввергнуть меня в большую беду, они скорбь прилагают к скорби. О, жестокость! О, дьявольское действовање! Видели, что он в узах и заключен в темнице, – и еще злоумышляли, хотели увеличить его несчастья и подвергнуть большему гневу. Хорошо сказал (апостол): "думая", – потому что случилось не так. Они думали через это опечалить меня; а я радовался успеху проповеди. Так-то возможно и доброе дело делать не с добрым намерением, – за что не только не будет награды, но еще наказание. Если проповедовали Христа с той целью, чтобы проповедника Христова ввергнуть в большие беды, то не только не получать награды, но будут подлежать наказанию и мучению. «А другие – из любви, зная, что я поставлен защищать благовествование» (Флп.1:17). Что значит: «Что я поставлен защищать благовествование»? Это значит: они облегчают мою ответственность пред Богом, и некоторым образом помогают мне в ответе. Как бы так говорит (апостол): мне заповедано проповедовать, и я должен буду дать отчет и отвечать за дело, которое мне заповедано; потому они мне помогают так, что отвечать мне стало легче; если найдется много наученных и уверовавших, то отвечать будет мне легко. «Но что до того? Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться» (Флп.1:18). Заметь благоразумие мужа: он не сильно их обвинил, а высказал то, что было. Что мне до того, говорит, так или иначе? «Но что до того? Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться». Не сказал повелительно: пусть проповедуются; но, во-первых, высказал случившееся, а во-вторых, если и повелительно сказал, то и таким образом не ввел ересей.

3. Исследуем дело, если угодно, и мы найдем, что хотя он и приказывал проповедовать так, как они проповедовали; однако ж от этого не произошло ереси. Почему? Потому что они проповедовали здраво, только цель и намерение, с которыми так поступали, были извращены, а самая проповедь не изменена. И весьма необходимо было им так проповедовать. Почему? Потому, что если бы они проповедовали иначе, нежели Павел, если б учили иначе, нежели он, то не усилили бы гнева царского. А теперь тем, что распространяли его проповедь и учили

подобно ему, и таких же учеников ему приобретали, они могли вооружить царя, так как появилось великое множество учеников. Но какой-нибудь нечестивец и глупец, привязавшись к этому месту, скажет: если б они хотели огорчить Павла, то конечно действовали бы наоборот: разогнали бы и уверовавших уже, а не стали бы умножать верных. Что же мы скажем на это? То, что они имели в виду одно – подвергнуть Павла настоящим опасностям, не допустить избежать их, и этим они думали более, нежели тем, опечалить его, и прекратить проповедь. А иначе они укротили бы гнев царя, и дали бы (апостолу) выйти из заключения, и опять проповедовать; умертвив же его, они думали таким образом все с ним уничтожить. Но это постигали не многие, а некоторые жестокие и самые дурные. Потом (апостол) говорит: «Я и тому радуюсь и буду радоваться». Что значить: «И буду радоваться»? Значит: если бы больше и больше (так) делали, – потому что они против воли содействуют мне, и за труды свои потерпят наказание, а я, нисколько не помогая (им), получу награду. Что может быть злее дьявола, который додумался до того, чтобы самую проповедь обратить в причину наказания для тех, кому внушил принять эту проповедь? Видишь ли, в какую беду ввергает он своих (слуг)? За проповедь и труды придумывает им наказание и мучение. И какой бы другой неприятель и враг спасения их все так устроил? Видишь ли, что враг истины нисколько не силен, а больше уязвляет себя самого, подобно идущему против рожна? «Ибо знаю, что это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа» ([Флп.1:19](#)). Нет ничего злее дьявола. Так он повсюду обременяет и развлекает своих бесполезными трудами, и не только не допускает получить награду, но умеет еще сделать их достойными наказания. Он предписывает им не только проповедь, но и такой пост и девство, которые не только лишает их награды, но и причиняет великое зло соблюдающим их. О них-то и говорит (апостол) в другом месте: «Сожженных в совести своей» ([1Тим. 4:2](#)). Потому, прошу вас, будем за все благодарить Бога, – что Он и труды облегчил для нас, и награды умножил. Наград, какие получают у нас живущие целомудренно в браке, не получают те, которые у них соблюдают девство; соблюдающие девство у еретиков подлежат тому же наказанию, какому и блудники. Почему? Потому что они ничего не делают с доброй целью, но с целью клеветы на Божье творение и Его неизреченную премудрость.

Итак, не будем беспечны; Бог назначил нам подвиги умеренные, никакого труда не требующие. Впрочем, не будем из-за этого пренебрегать ими. Ведь если еретики напрягают силы свои на труды

беспольные, то чем мы будем извиняться в том, что не хотим понести трудов и меньших, между тем сопровождающихся большей наградой? Какая в самом деле из заповедей Христовых тяжка и трудна? Ты не можешь оставаться в девстве? Можешь жениться. Не можешь оставить всего своего имения? Можешь из того, что у тебя есть, уделять: «Ныне ваш избыток, – говорит, – в *восполнение* их недостатка» (2Кор. 8:14). Трудным представляется презирать деньги и побеждать плотскую похоть, а все другое не требует никаких издержек, никакого усилия. Нужно ли, скажи мне, какое усилие, чтобы без причины не злословить и не клеветать? Нужно ли какое усилие, чтобы не завидовать благам других? Нужно ли какое усилие, чтобы не пленятся славой? Подвергаться мучениям и переносить их – это дело терпения; упражняться в любомудрии – дело терпения; переносить бедность – дело терпения; бороться с голодом и жаждой – дело терпения. Но хотя бы и ничего такого не было, все же можно, наслаждаясь тем, что имеешь, как прилично христианину и не завидовать чужому: какое (тут) усилие? Зависть рождается не от чего другого, как от привязанности к настоящему, или лучше (отсюда) и всякое зло. Если б ты считал за ничто богатство и славу мира, то не завидовал бы тем, которые этим обладают.

4. Но так как ты смотришь на них с изумлением, высоко ценишь и боишься за них, то и тревожит тебя зависть и тщеславие. Все происходит оттого, что высоко ценят (блага) настоящей жизни. Ты завидуешь, что такой-то богат? Между тем он-то и достоин сожаления и слез. Но ты скажешь тотчас с усмешкой: я достоин слез, а не он. И ты достоин слез, не потому, что беден, но потому, что считаешь себя жалким. Тех, которые горюют, не имея никакого горя, мы оплакиваем не потому, что их постигло какое-либо несчастье, но потому, что они без несчастья считают себя несчастными. Если бы кто, освободившись от горячки и совершенно выздоровевши, продолжал стонать и ворочаться, лежа на постели, – такой, скажи мне, не достоин ли был бы слез более, нежели те, которые страдают горячкой, не потому, что он в горячке (ведь он уже не в горячке), но потому, что он, будучи вне всякой опасности, думает, что еще в опасности? И ты достоин слез потому, что считаешь себя жалким, а не по бедности; ради бедности ты даже очень благополучен. Почему ты завидуешь богачу? Потому ли, что он подвергает себя большим беспокойствам и тягчайшему рабству? Что он своими стяжаниями связан, как бы какой пес бесчисленными цепями? Пришел вечер, настала ночь; но для него и это время покоя есть время смятения, неудовольствия, печали и заботы. Послышался шум? Он тотчас вскочил. Кого-нибудь ограбили? Он,

не лишившись ничего, беспокоится более того, кто лишился; тот однажды потерял, и поскорбевши перестал беспокоиться; а он озабочен непрестанно, (даже когда) настает ночь, предел наших бед, облегчение наших несчастий, врачество ран. И одержимые сильной какою-либо болезнью, будучи утешаемы друзьями, родственниками и домашними, а часто и родителями, не внимали и не склонялись, но даже негодовали на их слова, потому что жестокая болезнь более всякого жара мучит наши души; но когда сон заставлял успокоиться, то не в силах были и поднять век. И как тело разгоряченное и изнуренное от борьбы с знойными лучами находит успокоение в каком-нибудь месте, орошаемом многими источниками, и прохлаждаемом легким ветерком, так ночь успокаивает во сне нашу душу, а лучше сказать – не ночь, и не сон делает это, но Бог, предвидя бедственность рода (человеческого), все это устроил.

Однако ж мы не жалеем сами себя, а, как враги самим себе, выдумали мучение, которое сильнее естественной необходимости и покоя – бессонницу от богатства. "Забота о богатстве, – сказано, – отгоняет сон" (Сир. 31:1). Смотри, как велико попечение Божье! Он не оставил отдыха на волю и пользования сном на наш произвол, но подчинил естественной необходимости, чтобы мы и против воли получали благодеяние: ведь спать – дело естественное. А мы, как бы сильно ненавидя самих себя, как бы против других (а не против себя) враждуя и других угнетая, из-за денег выдумываем мучение, которое сильнее этой естественной необходимости. Настал день? (Богач) боится доносчиков. Настала ночь? Трепещет разбойников. Угрожает смерть? Он более смерти поражается тем, что его (стяжания) достанутся другим. Имеет дитя? Хочет быть богаче, и все-то ему кажется, что он беден. Не иметь (детей)? Еще больше скорбит. Ужели же ты считаешь счастливым того, кого ничто не может порадовать? Тому ли, кого обуревают волны, завидуешь ты, находящийся в тихой пристани – в бедности? Подлинно и это слабость человеческой природы, что не надлежащим образом пользуются благами, но, находясь в счастье, удручаются. И это здесь. А когда перейдем туда, то послушай, что говорит богач, обладатель бесчисленных благ, как ты говоришь, хотя я не назвал бы их благами, а вещь безразличной. Итак послушай, что говорит этот обладатель бесчисленных благ и в чем имеет нужду: «Отче Аврааме!, – говорит, – пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь» (Лк. 16:24). Если этот богач не терпел ничего такого, о чем я говорил, если всю жизнь провел спокойно и без забот, – впрочем что я говорю всю жизнь? одно мгновение, потому что (жизнь) мгновение: как бы одно мгновение, говорится, весь наш век пред

веком бесконечным, – итак, если все шло по его желанию, то не жалок ли он по тем словам своим, а более по своим делам? Не вино ли лилось на твоём столе? А теперь и капля воды не в твоей власти, – и в этом ты весьма нуждаешься. Не презирал ли ты бедного, покрытого ранами? А теперь желал бы увидеть его, но никто не допускает. Он был у твоих ворот, а теперь в недрах Авраамовых; ты же возлежал под пространными кровлями, а теперь в огне гееннском.

5. Пусть выслушают это богатые, или лучше, не богатые, а немилосердные. Он не за то наказан, что был богат, но за то, что был немилостив; богатый же и вместе милостивый может получить всякое благо. Богач не видит никого другого, кроме того нищего (Лазаря) для того, чтобы, вспомнив дела свои, узнал, что праведно терпит это. Не великое ли множество было бедных праведников? Но ему является тот самый, который лежал пред его воротами, научая его и нас, как хорошо не надеяться на богатство. Ему бедность нисколько не воспрепятствовала получить царство, а тому богатство нисколько не помогло избежать геенны. Кто же беднее? Кто нищие? И тот, истинно не тот беден, кто ничего не имеет, но кто желает многого; и не тот богат, кто приобрел много, но кто ни в чем не нуждается. Какая польза приобрести всю вселенную, а жить печальнее ничего не имеющего? Свободная воля делает богатыми и бедными, а не изобилие стяжаний, и не скудость. Ты, бедный, хочешь быть богатым? Можешь, если хочешь, и никто не препятствует; пренебреги богатством мира; почитай его за ничто, как бы его и не было; отринь желание богатства, – и ты богат. Тот богат, кто не хочет быть богатым; и тот беден, кто не хочет быть бедным. Как болен тот, кто и при здоровье стонет, а не тот, для кого болезни легче всякого здоровья, – так и здесь: беден тот, кто не может сносить бедности, и при богатстве считает себя беднее бедных, а не тот, кто лучше богатых сносит бедность, – последний гораздо богаче. Скажи мне: отчего ты боишься бедности? Отчего ты дрожишь? От голода ли, или жажды, или стужи, или не от этого? Но нет, нет человека, который бы терпел когда-либо такие недостатки. «Взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен?» (Сир. 2:10)? И еще: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф.6:26). Никто не может указать нам ни одного такого, кто вдруг погиб бы от голода и стужи. Почему ж ты трепещешь бедности? Нечего тебе (на это) сказать. Если у тебя есть необходимое, то почему боишься (бедности)? Потому ли, что нет у тебя множества рабов? Это избавление от господства, это постоянное счастье, это свобода от забот. Или потому,

что не имеешь сосудов, кроватей, утвари, сделанных из серебра? Но что более тебя имеет для наслаждения тот, кто приобрел все это? Ничего. Польза (от вещей) одинакова, из того или из другого вещества он будут. Или потому, что для многих ты нестрашен? Но и не будь (таковым) никогда. Какое удовольствие в том, что некоторые дрожат и боятся тебя? Или потому, что ты боишься других? Но можно не бояться. «Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее» (Рим. 13:3). Но, говорят, мы в пренебрежении, и нас легко обидеть? Но не бедность, а порок наиболее производит это. В то время, как многие бедняки проводят всю жизнь без забот, начальникам, богатым и сильным труднее избавиться от всех злодеев, разбойников и гробокопателей. Что тебе причиняет бедность, то богатому богатство. Желаящие делать зло делают его как тебе из презрения, так богатому по ненависти и зависти, – и в последнем случае зла больше, чем в первом, потому что побудительная причина к злу здесь сильнее. Ненавистник делает все со всевозможным напряжением и силою, а презритель часто и щадит презируемого. Для бедного уже то самое, что он беден, что не может иметь силы, служит ко спасению. Когда мы скажем обидчику нищего: великое ли дело ты сделаешь, если истребишь такого-то, если убьешь одного бедняка, велика ли будет твоя награда? – то этими словами укротим его гнев. А когда против богачей восстает зависть, то не прежде она утихает, как совершивши то, что хочет, и изливши яд свой. Видишь ли, что добро не в бедности и не в богатстве, но в нашем намерении? Итак, направим его к добру и сделаем благоразумным. Если ему будет дано хорошее направление, то ни богатство не сможет нас лишить царства, ни бедность причинить нам вреда; мы будем с кротостью сносить бедность, не имея (в ней) препятствия к получению будущих благ, даже и настоящих, но и настоящими благами насладимся, и небесных достигнем, которых и да сподобимся все мы (благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцом и Святым Духом слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Фил.1:18–20. Я и тому радуюсь и буду радоваться, ибо знаю, что это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа, при уверенности и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью.

Любовь и твердость ап. Павла. – Роды жизни. – Любомудрие ап. Павла. – Кого из умерших нужно оплакивать. – Поминование умерших при совершении таинств.

1. Никакая скорбь из случающихся в настоящей жизни, ни вражда, ни порицания, ни клеветы, ни беды, ни козни не могут возмутить великую и любомудрую душу, – потому что она как бы убежала на вершину некоторой высокой горы, где стала безопасна от всех стрел, пускаемых снизу, с земли. Такова была душа Павлова, нашедшая себе высшее всякой вершины место – место любомудрия духовного, истинной философии. То, чем заняты люди внешние (язычники), это – только слова и детские забавы. Но теперь речь не о них, пока мы говорим о делах Павловых. Этот блаженный, будучи преследуем царем, имел еще и других врагов, которые причиняли ему различные огорчения и жестоко клеветали на него. И однако, что он говорит? Не только не скорблю об этом и не унываю, но даже «радуюсь и буду радоваться», т. е. не теперь только, но всегда буду этому радоваться. «Ибо знаю, что это послужит мне во спасение» будущее. И может ли не сбыться, когда и вражда против меня и зависть содействуют моей проповеди? «По вашей молитве, – говорит, – и содействием Духа Иисуса Христа, при уверенности и надежде моей». Заметь смиренномудрие этого блаженного. Он подвизался на трудном поприще, совершил бесчисленное множество дел, находился уже у самого венца, – ведь это был Павел, а что еще больше можно сказать? – и однако ж он, бесчисленными добродетелями стяжавший спасение, пишет Филиппийцам, что могу спастись «по вашей молитве и содействием, – говорит, – Духа Иисуса Христа». Что значит – «содействием»? Значит: чтобы за ваши молитвы удостоиться благодати. Выражение: «содействием» равносильно следующему: чтобы прибавлено было, чтобы более дано было мне Духа. «Во спасение», то есть, для освобождения, для того, чтобы мне и настоящей беды избежать так же, как и первой. О первой он сказал: «При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! Господь же предстал мне и

укрепил меня» (2Тим. 4:16–17). То же и теперь уже предсказывает, говоря: «По вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа, при уверенности и надежде моей». На этом, говорит, основывается моя надежда. Чтобы мы, полагаясь во всем на молитвы других, сами не оставались без всякого участия, для этого смотри, как (апостол) указывает и на свою долю – на надежду, причину всех благ, по слову пророка: «Да будет милость Твоя, Господи, над нами, как мы уповаем на Тебя» (Пс. 32:22); и в другом месте: «Взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен?» (Сир. 2:10)? И еще блаженный (Павел) сказал: «Надежда не постыжает» (Рим. 5:5). «При уверенности, – говорит, – и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду». Такова надежда Павлова: надеюсь, что никогда не буду посрамлен.

Видишь ли, каково надеяться на Бога? Что бы ни случилось, говорит (апостол), «посрамлен не буду», т. е. (враги) не одолеют меня. «При всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем». (Враги) надеялись своей сетью уловить Павла, проповеданное им учение истребить, как будто коварство их могло это сделать. Потому он говорит, что этого не будет, я умру не теперь: «И ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем». Как? Часто я находился в таких бедах, в которых не только все отчаивались о нас, но и мы сами о себе, – «Но сами в себе имели приговор к смерти» (2Кор. 1:9); но Господь избавил нас от всего. Так «и ныне возвеличится в теле моем». А чтобы кто не подумал и не сказал: если ты умрешь, то неужели возвеличится? – говорит: да, я уверен, потому-то я и не сказал, что жизнью только возвеличится, но и смертью. Сперва впрочем сказал: "Жизнью", – не умертвят меня; но если и умертвят, то и через это возвеличится Христос. Как? Жизнью, потому что Он спас меня; смертно, потому что и смерть не принудила меня отречься от Него, потому что Он даровал мне столько ревности, и сделал меня сильнее смерти. В первом случае Он избавил меня от бед, а в последнем не допустил меня убоиться насильственной смерти. Вот как (Господь) возвеличится жизнью и смертью.

2. Говорит же это не потому, будто уже предстояла ему смерть, но чтобы они и в случае смерти его не сокрушались по-человечески. А что он сказал это не потому, будто предстояло ему умереть, – чем весьма огорчил бы их, – то смотри, как он утешает, как бы так говоря: я говорю это не как имеющий умереть. Потому и присовокупляет далее: «И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами». А слова: «Я ни в чем посрамлен не буду» значат: умереть мне не стыдно, напротив весьма полезно. Почему? Потому, что я не бессмертен, – впрочем буду в большей славе, нежели в

какой был бы, оставаясь бессмертным на земле, так как не одно и то же презирать смерть будучи бессмертным, и будучи смертным. Поэтому нимало не постыдно умереть и теперь, хотя я и не умру. «я ни в чем посрамлен не буду», – т. е. буду ли жив, или умру: то и другое приму благодушно – жить ли мне или умереть. Хорошо сказано: таково именно (свойство) христианской души. «Но при всяком, – говорит, – дерзновении». Видишь ли, как не посрамляюсь? Если бы страх смерти отнял у меня дерзновение, то умереть было бы постыдно. Когда же и приближающаяся смерть нимало не страшит, то не постыдно. Живу ли я, мне не стыдно жить, потому что проповедую благовестие; умру ли, не стыдно умереть, потому что не страшусь. (В том и другом случае) я показываю равное дерзновение. Не почтите постыдным делом того, что я сказал об узах. Он были причиной столь великих благ для меня, что и другим придали дерзновения. Стыдно не то, чтобы быть в узах за Христа, но (стыдно) в чем-нибудь изменить Христу, убоявшись уз, так что, пока этого нет, узы производят во мне дерзновение. Я часто не избегал опасностей, и этим могу похвалиться пред неверными, а если со мною случится что-нибудь противное, тогда считайте меня посрамленным, потому что и последнее не меньше первого и дает вам дерзновение. Смотри, как (апостол) сводит это к своему лицу; это же делает он и во многих других местах, например, в послании к Римлянам говорит: «Ибо я не стыжусь благовествования» (Рим. 1:16), и к Коринфянам: «Это... приложил я к себе и Аполлосу» (1Кор. 4:6). «Жизнью ли то, или смертью». Говорит он это не потому, чтобы не знал, – он знал, что не тогда, а после умрет, – но заблаговременно подготавливает к этому их душу. «Ибо для меня, – говорит, – жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп. 1:21): и умерши, говорит, я не умру, так как имею жизнь в себе самом. Только тогда (враги) умертвили бы меня, когда бы могли страхом исторгнуть веру из моей души; доколь Христос со мною, я жив, хотя бы и смерть случилась. Даже и в настоящем веке не то составляет жизнь мою, что живу, но – Христос. Если и в этом веке не в том состоит жизнь, «А что ныне живу во плоти, то живу верой», то и о будущем веке я говорю, что «и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Таков должен быть христианин. Не живу, говорит, обыкновенной жизнью. Как же ты живешь, блаженный Павел? Ужели не смотришь на солнце? Ужели не дышишь общим воздухом? Ужели не питаешься общей всем пищей? Ужели не ходишь по земле, как мы, не имеешь нужды во сне, в одежде, в обуви? Что ты говоришь: не живу? Как не живешь? Что ты хвалишься? (Нет), это не тщеславие. Если б об этом не свидетельствовали дела, то конечно можно

бы назвать тщеславием. А так как дела свидетельствуют, то какое тщеславие? Исследуем же, каким образом он не живет. В другом месте он говорит: «Которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6:14). Итак, послушайте, в каком смысле он говорит: «И уже не я живу», и еще: «Но живет во мне Христос»(Гал. 2:20).

Имя жизни, возлюбленные, многозначительно, т. е. имеет много значений, так же как и имя смерти. Есть жизнь телесная, и есть жизнь греховная, как (апостол) говорит в другом месте: «Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?» (Рим. 6:2). Следовательно, можно жить жизнью греховной. Прошу вас, обратите строгое внимание, чтобы наш труд не был напрасен. Есть жизнь вечная и бессмертная, а вместе и небесная: «Наше же жительство, – говорит, – на небесах» (Фил.3:20). Есть также жизнь телесная, о которой сказано: «Ибо мы Им живем и движемся и существуем» (Деян. 17:28). Итак, он говорит не о естественной жизни, что не живет; но о жизни греховной, какой живут все люди. И справедливо (говорит). Кто не привязан к настоящей жизни, тот как живет ею? Как живет ею тот, кто стремится к другой? Как живет ею тот, кто презирает смерть? Как живет ею тот, кто не желает ничего здешнего? Как составленный из адаманта, хотя бы наносили ему тысячу ударов, никогда не поворотится, так (тверд) и Павел: "И уже не я, – говорит он, – живу", то есть ветхий человек: и в другом месте: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7:24). Таким образом, кто не делает ничего для пищи, ничего для одежды, ничего для настоящего, как тот живет? Он не живет естественной жизнью. Кто не печется ни о чем житейском, тот не живет. Мы живем этой жизнью, так как для нее все делаем; а он не жил, так как не занимался ничем здешним. Как же он жил? Так, как и мы говорим о некоторых: такой-то не существует для меня, когда он не делает ничего до меня относящегося; или что то же опять: такой-то для меня не живет. А что он не пренебрегал и жизнью естественной, видно из другого места: «А что ныне живу во плоти, то живу верой в Сына Божьего, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал. 2:20), то есть, живу некоторой новой, отличной (от обыкновенной), жизнью.

3. Все же это говорит для утешения Филиппийцев. Не думайте, говорит, о том, что меня лишат этой жизни, потому что я, и живя, не этой жизнью жил, но той, какой хотел Христос. Скажи мне в самом деле: этой ли жизнью живет, кто презирает и деньги, и удовольствия, и голод, и жажду, и беды, и здоровье, и счастье? Этой ли жизнью живет, кто ничего здесь не имеет, кто часто решается оставить ее, когда нужно, и не

заботится о ней? Вовсе не этой. Это нужно пояснить вам примером. Так, представь, что какой-либо великий богач имеет рабов и золото, и ничем из этого не пользуется: богат ли он от такого богатства. Нисколько. Представь еще, что он видит, как дети его расточают имение, и живут рассеянно в праздности, и нисколько не печется о них, а если угодно, представь, что и побои переносит он без скорби: назовем ли его богатым? Никак, хотя богатство и принадлежит ему. Так и Павел говорит: «Но живет во мне Христос». Если хочешь исследовать жизнь мою, то Христос жизнь моя. «И смерть – приобретение». Почему? Потому что (по смерти) гораздо яснее познаю Его, так что умереть значит начать истинную жизнь. Никакой беды не причинят мне те, которые умертвят меня, потому что они препроводят меня к моей жизни, и избавить меня от этой мне несвойственной. Что же? Находясь здесь, разве ты не Христов? И очень. «Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать» (Флп.1:22). Чтобы кто-нибудь не сказал: если же в том состоит жизнь, то для чего Христос оставил тебя здесь? – он объясняет, что это – "плод делу". значит и настоящей жизнью можно пользоваться, проводя ее как должно, а не так, как многие (проводят). Это сказано им для того, чтобы ты не подумал, что он взвел клевету на жизнь, и не сказал: если мы здесь не приобретаем себе никакой пользы, то для чего не умерщвляем себя, не убиваем? нет, говорит, можно получить пользу и здесь, если мы живем не этой жизнью, а иной. Но может быть кто-нибудь скажет: так это-то и приносит тебе плод? Подлинно, говорит, где после этого еретики? Вот теперь – «Если же жизнь во плоти, – (апостол) называет, – доставляет плод моему делу», и именно "делу". Как плод дела? «А что ныне живу во плоти, то живу верой». Вот почему плод дела. «То не знаю, что избрать».

О, какое любомудрие! Как он и отринул любовь к настоящей жизни, и не оклеветал ее! Именно словами: «И смерть – приобретение» он отринул любовь к ней, а словами: «Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу», показал, что и настоящая жизнь нужна. Каким образом? Если пользуемся ею, как должно, если приносим плод. Если же она бесплодна, то уже не жизнь. Деревья, не приносящие плода, равно и сухие, мы бросаем и предаем огню. Жить – это нечто среднее и безразличное; а жить хорошо или худо – в нашей воле. Потому не должно нам ненавидеть жизни, так как можно жить и хорошо; если же будем злоупотреблять жизнью, то и в таком случае не должно обвинять ее. Почему? Потому что не жизнь тому причиной, но воля злоупотребляющих ею. Бог дал тебе жизнь, чтобы ты жил для Него; я ты, по склонности ко злу живя греховно, сам себя подвергаешь всякой вине. Что ты говоришь, Павел, скажи мне? Не

знаешь, что избрать? Здесь он открывает великую тайну, что в его власти было умереть, так как, когда есть выбор, то значит мы властны. "Не знаю, – говорит, – что избрать». значит (это) в твоей воле? Да, говорит, если захочу испросить у Бога эту благодать. «Влечет меня то и другое: имею желание» (Флп.1:23). Заметь нежную любовь этого блаженного: он и тем утешает их, что видят, как он сам властен в выборе, как это зависит не от злобы человеческой, но от устройства Божья. Итак, для чего вы, говорит, печалитесь о смерти? Гораздо лучше было бы давно умереть. «Разрешиться, – говорит, – и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас» (Флп.1:23–24). Этим (апостол) подготавливает (Филиппийцев) к тому, чтобы они приближающуюся кончину его перенесли мужественно, этим научает их любомудрию. Хорошо говорит: «разрешиться и быть со Христом», потому что смерть – вещь безразличная, не смерть – зло, но зло – после смерти мучиться. Равно смерть и не добро, но добро – по смерти быть со Христом; что бывает по смерти, то добро или зло. Итак, мы должны скорбеть не просто об умирающих, и радоваться не просто о живущих. Как же? Мы должны плакать о грешниках не умирающих только, но и живущих, а радоваться о праведниках не только живых, но и скончавшихся. Первые и при жизни умерли, а последние и по смерти живут; первые и в этой жизни жалки для всех, так как оскорбляют Бога, а последние, и туда переселясь, блаженны, так как отошли ко Христу. Грешники, где бы ни были, далеки от Царя, – потому достойны слез; а праведные, здесь ли, там ли, вместе с Царем, и там они еще гораздо ближе к Нему, не созерцанием, не верой, но, как сказано, «лицом к лицу».

4. Итак, будем оплакивать не просто умерших, но умерших во грехах. Они-то достойны плача, рыдания и слез. Какая, скажи мне, надежда отойти во грехах туда, где уже нельзя сложить с себя грехов? Доколь они были здесь, то очень можно было ожидать, что они переменятся, что будут лучше; а когда пошли во ад, то там нельзя получить пользы от покаяния: «В тесноте, – сказано, – ада кто будет призывать Тебя» (Пс.6:6) Как же они недостойны слез? Будем плакать о тех, которые так умирают, я не препятствую; будем плакать, но без нарушения благопристойности, как-то: не будем рвать (на себе) волос, обнажать рук, терзать лице, надевать черные одежды, а только в душе будем тихо проливать горькие слезы. И без этого обряда можно горько плакать, а не шутить только: в самом деле, несколько не отличается от шуток то, что некоторые делают. Эти публичные терзания бывают не от сострадания, но напоказ, из честолюбия и тщеславия; многие (женщины) делают это по ремеслу. Плачь горько и

стеней долго, где никто не видит; это будет делом сострадания, это и тебе принесет пользу. Кто плачет так о другом, тот тем более сам будет стараться, чтоб не подвергнуться тому же, – после того и грех тебе будет страшен. Плачь о неверных, плачь о тех, которые нисколько не отличаются от них, которые умирают без крещения и миропомазания; подлинно такие достойны слез и сетования, они вне царского чертога с обвиненными и осужденными: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божье» (Иоан. 3:5). Плачь о тех, которые умерли в богатстве, и из своего богатства не придумали сделать ничего к утешению душ своих, которые имели возможность очистить грехи свои, и не хотели. О них будем плакать все и порознь и вместе, только с благопристойностью, не теряя степенности, так, чтобы не выставить себя на позорище. Будем плакать о них не один, не два дня, но во всю нашу жизнь. Эти слезы – следствие не безрассудной страсти, но нежной любви; а те происходят от безумной страсти, и потому скоро осушаются. Лишь то, что происходит из страха Божья, бывает постоянно. Итак, будем оплакивать их, будем помогать им по силам, придумаем для них какое-либо пособие, хотя небольшое, однако ж могущее помочь. Как и каким образом? Сами молясь, и других убеждая молиться за них, всегда подавая за них бедным. Это доставит некоторое облегчение. В самом деле, послушай, что говорит Бог: «И защищу город сей ради Себя и ради Давида, раба Моего» (4Цар. 20:6). Если память только праведника была столько сильна, то как не сильны будут дела, творимые за усопшего? Не напрасно установили апостолы, чтобы при совершении страшных тайн поминать усопших: они знали, что от этого много им выгоды, много пользы. Когда весь народ и священный лик стоит с воздеянием рук, и когда предлежит страшная жертва, то как не умолим Бога, прося за них? Но это (говорим) о тех, которые скончались в вере; а оглашенные не удостоиваются этого утешения, но лишены всякой такой помощи, кроме одной. Какой же именно? За них можно подавать бедным; это доставляет им некоторую отраду, потому что Богу угодно, чтобы мы помогали друг другу. Иначе для чего бы Он повелел молиться о мире и благосостоянии мира? Для чего бы – о всех людях? Хотя здесь между всеми есть и разбойники, и гробокопатели, и воры, и исполненные бесчисленных пороков, однако ж мы молимся за всех: быть может это послужит сколько-нибудь к их обращению. Потому как мы молимся за живых, которые нисколько не отличаются от мертвых, так можно молиться и за умерших. Иов приносил жертвы о детях и очищал их от грехов. «Может быть..., – говорил он, – согрешили... в сердце своем» (Иов. 1:5). Так-то пекутся о

детях. Не сказал, как теперь многие люди говорят: я оставлю им имение; не сказал: передам им славу; не сказал: приобрету власть; не сказал: куплю поля. Но что? «Может быть... согрешили... в сердце своем». Какая в самом деле польза от всего того, что остается здесь? Никакой. Умилостивлю, говорит, Царя всех для них, и тогда они ни в чем не будут иметь недостатка. «Господь – Пастырь мой, – говорит (пророк), – я ни в чем не буду нуждаться» (Пс. 22:1). Вот великое богатство, вот сокровище! Если мы имеем страх Божий, то ни в чем у нас нет нужды; а если не имеем его, то хотя бы владели самым царством, мы всех беднее. Нет равного боящемуся Господа: «Страх Господень, – сказано, – все превосходит» (Сир. 25:14). Приобретем его, будем делать все ради него; хотя бы надобно было положить душу и предать на смерть тело, не пощадим себя; будем делать все, чтобы приобрести этот страх. Таким образом мы будем богаче всех, и получим будущие блага во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне И присно, и во веки веков. Аминь.

Фил.1:22–26. Не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере, дабы похвала ваша во Христе Иисусе умножилась через меня, при моем вторичном к вам пришествии.

Похвала ап. Павлу. – Нет ничего приятнее Богу, как милостыня.

1. Не было ничего блаженнее души Павловой, так как не было ничего мужественнее ее. А ныне о всех прилично сказать напротив: нет ничего злосчастнее, нет ничего слабее. Потому-то все мы боимся смерти: одни, из числа которых и я сам, по причине множества грехов, другие по привязанности к жизни и по трудности умирать, – в числе каковых не дай Бог мне быть никогда, потому что боящиеся смерти суть люди "душевные". Итак, чего все мы боимся, того Павел желал, к тому стремился: «Разрешиться, – говорит он, – несравненно лучше. Но не знаю, что избрать». Что ты говоришь? Ты престоавишься отсюда на небо и будешь со Христом, а не знаешь, что избрать? нет, это не свойственно душе Павловой. И кто не избрал бы этого (быть со Христом), если бы кто-нибудь сказал ему о том, и твердо в том его уверил? Конечно – никто. Но не в нашей власти ни то, чтобы разрешиться и быть со Христом, ни то, чтобы оставаться еще здесь, когда придет время. Для Павла же и души его было возможно и то и другое. Что же ты говоришь? Знаешь и уверен, что будешь со Христом, а недоумеваешь, говоришь: «Не знаю, что избрать»? Мало того, – ты даже решаешься остаться здесь, т. е. пребыть во плоти. Почему бы это? Не горькую ли проводил ты жизнь? «Не во бдениях ли», в кораблекрушениях, «в алчбе и жажде, в наготе», в заботах и беспокойствах? С немощными и ты немоществовал, о соблазнявшихся сгорал. «В великом терпении, – говорит, – в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви», «пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в

опасностях на море, в опасностях между лжебратиями» (2Кор. 6:4–6, 11:24–26). Когда весь народ галатийский обратился к соблюдению закона, не взывал ли ты: «Вы, оправдывающие себя законом,... отпали от благодати» (Гал. 5:4)? Сколько слез тогда ты пролил, – и еще к тому же желаешь этой преходящей жизни? Да если бы и ничего такого с тобою не случилось, но все дела ты совершил бы безопасно и с удовольствием, – и тогда не надлежало ли бы тебе, убоявшись неизвестности будущего, спешить к какому-нибудь пристанищу? Какой купец, скажи мне, имея корабль, наполненный бесчисленными сокровищами, захочет еще оставаться на море, когда он у пристани, в которую может взойти и успокоиться? Какой борец захочет продолжать борьбу, когда он уже заслужил венец победный? Какой боец захочет снова вступить в бой и сломить себе голову, когда возлагают на него венец? Какой военачальник станет утруждать себя и сражаться, когда можно освободиться от войны с честью и трофеями, и вкушать покой с царем в его чертогах? Как же ты, проводя столь горькую жизнь, желаешь еще остаться здесь? Не ты ли говорил: «Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1Кор. 9:27)? Если уже не по другой какой причине, то по этой одной следовало бы тебе желать освобождения. Даже если бы настоящая (жизнь) исполнена была бесчисленных благ, и в таком случае надлежало бы желать отрешения от них для возлюбленного Христа. О, душа Павлова! Не было ей равной и не будет. Ты бесчисленными окружен бедами, и боишься будущего, и не желаешь быть у Христа? Нет, говорит он: и это для Христа, чтобы тех, которых я сделал рабами Его, еще более утвердить в добром расположении, чтобы ниву, мною насажденную, сделать плодоносной. Разве ты не слышал, что я ищущ не своей пользы, но (пользы) ближних? Разве не слышал, что я желал бы быть отлученным от Христа, только бы многие обратились к Нему? Если я на это решался, то не с большим ли удовольствием решусь пожертвовать своим замедлением и пребыванием здесь, только бы это сколько-нибудь послужило к их спасению?

«Кто изречет могущество» Твое, Господи (Пс. 105:2), что Ты не сокрыл от нас Павла, что явил вселенной такого мужа? Восхвалили Тебя единомышленно все ангелы, когда Ты сотворил звезды и солнце, однако ж, не столько, как в то время, когда нам и всей вселенной явил Ты Павла. От этого земля стала блистательнее неба: он, будучи светлее солнечного света, испускал блистательнейшие молнии и разливал светлые лучи. И какой великий произвел он для нас плод? Он не растения утучнял, не древа питал, но и порождает и приводит в зрелость плод благочестия, а упadaющий беспрестанно поднимал. И в самом деле, солнце никак не

может исправить однажды загнившее плодоносное дерево; а Павел отвратил от грехов (людей), покрытых бесчисленными стружьями. Солнце уступает ночи, а Павел победил и дьявола. Ничто его не сокрушило, ничто не одолело. Солнце, держась на высоте, простирает вниз лучи свои; а Павел, снизу восходя, не пространство между небом и землей наполнил светом, но едва отверз уста свои, как и ангелов исполнил великой радости. Каким образом? Если «бывает радость у Ангелов Божьих и об одном грешнике кающемся» (Лк. 15:10), то когда он первой проповедью уловил многих, как не исполнил радости горние силы?

2. И что я говорю? Павлу довольно было заговорить только, и небеса от этого скажут и веселятся. «Когда вышел Израиль из Египта... Горы прыгали, как овны» (Пс. 113:1,4), то когда люди переводимы были от земли на небо, какая, думаешь ты, была радость? Вот почему «а оставаться во плоти нужнее для вас». После этого чем мы будем оправдываться? Часто человек, владея малым и небогатым имением, не решается перейти в другое место, дорожа своим спокойствием. А Павел мог отойти ко Христу, и не хотел ко Христу, – ко Христу, Которого он столько любил, что для Него готов был даже в геенну, – а остался подвизаться еще для людей. Чем же мы будем оправдываться? Но можно ли говорит просто, в общих чертах, о Павле? Смотри, что он сделал. (Сперва) он сказал, что отойти ему лучше, убеждая их не скорбеть; (потом) говорит, что если он останется, то остается единственно для них, что этого нельзя производить от злонамеренности людей коварных, А чтобы убедить их, он присовокупил и причину. Если это нужно, то я подлинно пребуду и не просто пребуду, но с вами. Таково именно значение слова: "пребуду", т. е. увижусь с вами. Для чего? «Для вашего успеха и радости в вере». Этими словами он побуждает их быть внимательными к себе, как бы так говоря: если я для вас останусь, то смотрите, не посрамите моего пребывания. Имея возможность узреть Христа, я решился остаться для вашего успеха. Так как мое присутствие споспешествует и вере и радости вашей, то я и решился остаться. Что же? Для одних ли только филиппийцев он остался? нет, не для них только он остался, а говорит это для того, чтобы утешить их. Как же это служило к успеху их в вере? Так, чтобы вы больше укрепились, подобно птенцам, имеющим нужду в матери, доколь они не оперятся. Это – доказательство великой любви. Подобным образом и мы возбуждаем иных, когда говорим: я остался для тебя, чтобы тебя сделать добрым. «Дабы похвала ваша, – говорит, – во Христе Иисусе умножилась через меня, при моем вторичном к вам пришествии». Видишь ли, что значение слова: "пребуду" – именно таково?

Но заметь смиренномудрие (апостола). Сказавши – «для вашего успеха», он показывает, что вместе и в свою пользу. То же делает он и в послании к Римлянам, когда говорит: «То есть утешиться с вами верую общей» (Рим. 1:12), сказав прежде: «Чтобы преподать вам некое дарование духовное» (Рим.1:11). Что же значит: «Дабы похвала ваша умножилась»? То, чтобы изобиловало служащее к похвале, именно – утверждение в вере (это и есть похвала во Христе) и праведная жизнь. Итак, во мне ли «Дабы похвала ваша умножилась при моем вторичном к вам пришествии»? Да, говорит он: «Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли?» (1Фес. 2:19). «Что мы будем похвалой нам вы есть, равно и" и мы вам (2Кор. 1:14), т. е. чтобы мне побольше было чем похвалиться в вас. Каким образом? «Дабы похвала ваша умножилась». Я более могу хвалиться тогда, когда вы преуспеваете. «При моем вторичном к вам пришествии». Что же? Пришел ли он к ним? Сами доищитесь, пришел ли. «Только живите достойно, – говорит, – благовествования Христова». Видишь ли, что он все говорил для того, чтобы этим побудить их к преуспению в добродетели? «Только живите достойно благовествования Христова». Что значит – "Только"? значит: это одно составляет предмет стремлений, и ничто другое; если это будет, то с вами не случится ничего прискорбного. «Чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас». Говорит так не потому, будто бы он переменил намерение и не хотел уже придти к ним, но на случай, если бы это произошло, прибавляет, что «или не приду» могу радоваться «слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единомысленно».

3. Это в особенности и соединяет верных, и поддерживает любовь. Потому Христос сказал: «Чтобы они были едино» (Иоан. 17:11), так как «царство, разделившееся само в себе, опустеет» (Мф. 12:25). Потому и Павел повсюду сильно убеждает к согласию. Потому же и Христос говорит: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Иоан. 13:35). Итак, ожидая моего прихода, не будьте беспечны, как обыкновенно бывает с ожидающими, а если не дождетесь меня, не унывайте, потому что и весть о вас может меня столько же радовать. Что значит: «В одном духе»? Значит – в одном и том же даровании единомыслия и ревности. Дух один; это доказывается многими местами, где говорится об этом. Равным образом и «подвизаясь единомысленно» значит то же, что всем иметь один дух. Словом «единомысленно» выражается единомыслие: многие души называются одной. Так было в древности: «У множества же, – сказано, – уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян. 4:32). «Подвизаясь единомысленно за веру

Евангельскую» (Флп.1:27). Разве вера была сама с собою в борьбе, что он говорит: «подвизаясь» друг другу? Какая же у него мысль? У них не было междоусобия; следовательно, его слова значат: вспомоществуйте друг другу, подвизаясь за веру евангельскую. «И не страшитесь ни в чем противников: это для них есть предзнаменование гибели, а для вас – спасения» (Флп.1:28). Хорошо сказано: «Не страшитесь» (не устрашайтесь), – потому что действия врагов таковы, что только устрашают. Говорит: "ни в чем": что бы ни случилось, опасности ли, козни ли. Таково свойство людей мужественных. Враги ничего не могут сделать (им), разве только устрашить. Так как, вероятно, (Филиппийцев) приводили в смущение бесчисленные страдания Павла, то он не говорит: не беспокойтесь, но – не устрашайтесь, и даже совершенно пренебрегайте (врагами). И если вы будете в таком расположении духа, то это будет явным признаком их гибели, а вашего спасения. Когда они увидят, что бесчисленные их козни не могут даже устрашить вас, то убедятся в своей собственной гибели. Когда гонители не преодолевают гонимых, строящие козни – тех, кому строят эти козни, властители – подвластных, то не явно ли для них бывает, что они сами гибнут, что они не имеют никакой силы, что (надежды) их тщетны, (усилия) их слабы? «И сие от Бога, потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп.1:29). Здесь, все приписывая Богу, и страдание за Христа называя благодатью, дарованием и даром, он поучает их не думать о себе высоко.

Итак, не стыдитесь дарования; оно гораздо чудеснее дара воскрешать мертвых и творить чудеса, потому что в последнем случае должник я, а в первом должником имею Христа. Потому вы, как имеющие дарование, не только не должны стыдиться, а, напротив, должны радоваться. Добродетели (апостол) называет дарованиями; впрочем не в таком смысле, как другие (дары): последние всецело от Бога, а первые и от нас. Но так как и здесь более действует Бог, то (апостол) говорит, что все – Его, не отвергая этим свободной воли, а располагая к смиренномудрию и благодарности. «Таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне» (Флп.1:30), – т.е. вы имеете и пример. Здесь теперь хвалит их. Именно – показывает, что они везде подвизаются в том же (в чем и он), и в одинаковой борьбе, хотя отдельно и сами по себе, потому что переносят вместе с ним искушения. Не сказал: слышали, но – "видели", потому что он подвизался и в Филиппах. Подлинно это великая добродетель. Потому он и в послании к галатам говорил: «Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!» (Гал. 3:4); и в послании к Евреям писал: «Вспомните прежние дни ваши, когда

вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии» (Евр. 10:32–33); и к македонянам, т. е. к Фессалоникийцам писал: «Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам» (1Фес. 1:9); и еще: «Вы сами знаете, братия, о нашем входе к вам, что он был не бездейственный» (1Фес. 2:1). И для всех равно одобряет одно и то же – подвиги и страдания. А теперь у нас не найдете этого, – теперь и то хорошо, если кто переносит какой-нибудь убыток в имуществе. (Современникам же своим апостол) и по отношению к имуществу приписывает великую похвалу. Одним говорит: «Расхищение имения вашего приняли с радостью» (Евр. 10:34); другим пишет: «Ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных» (Рим. 15:26); а третьим: «И ревность ваша поощрила многих» (2Кор. 9:2).

4. Видишь ли, как (апостол) хвалит мужей того времени? А мы не терпим ни заушений, ни удара какого-нибудь; даже не переносим ни оскорбления, ни лишения в имуществе. Они сверх того были ревнители, и все подвизались до мученичества; а в нас охладела любовь ко Христу. Опять вынужден я обличать настоящие дела. Что делать? Не хотел бы, но вынужден. Если бы возможно было умолчать и, не сказав ничего о прежде бывшем, молчанием устранить настоящее, то следовало бы смолчать. Но так как напротив бывает, – при нашем молчании не только не устраняется, но делается оно тягостнее, – то необходимо говорить. Обличающий грешников, если и ничего другого не делает, по крайней мере не попускает им идти далее. Ведь нет ни одной души настолько бесстыдной и ожесточенной, чтобы, будучи непрестанно обличаема, она не устыдилась и не отстала бы от великого нечестия: есть, подлинно есть и в бесстыдных людях немножко стыда, потому что стыдливость Бог вложил в природу нашу. Так как не довольно было одного страха для того, чтобы удержать нас в порядке, то (Бог) уготовил и другие средства для отклонения нас от грехов, как-то: обличение со стороны людей, страх постановленных законов, любовь к славе, воздействие дружбы. Все это – средства для отклонения от грехов. Часто бывает, что чего не делают для Бога, то самое делают от стыда; чего не делают для Бога, то делают по страху человеческому. Сперва надобно научиться не грешить; а потом достигнем наконец и того, что не будем грешить для Бога. И действительно, почему Павел к торжеству над врагами побуждает не страхом Божиим, а ожиданием отмщения: «Ибо, делая сие, – говорит, – ты соберешь ему на голову горящие уголья» (Рим. 12:20)? Между прочим и потому, что желает

преуспевания в добродетели. Итак, есть в нас, как я сказал, некоторая стыдливость. Впрочем, много мы имеем и естественных расположений к добродетели, напр., все мы, люди, природой побуждаемся к милосердию, и нет в природе нашей другого настолько доброго свойства, как это. После этого иной, может быть, спросит: для чего особенно вложено в природу нашу трогаться, разумею, при виде слез, преклоняться и быть готовыми к милости? Никто по природе не ленив, никто по природе не тщеславен, никто по природе чужд зависти. Но милосердие вложено природой во всех, даже в грубых и жестоких. И что удивительного, если мы оказываем (милосердие) людям? Мы и зверей милуем. В таком избытке вложено в нас милосердие! И если при виде львенка мы несколько трогаемся, то гораздо более при виде однородного (с нами). Посмотри, какие калеки! – так часто мы говорим, зная, что и этого довольно для возбуждения в нас милосердия.

Ничто столько не приятно Богу, как милостыня. Вот почему и священники, и цари, и пророки были помазываемы елеем: елей принимали они, как символ человеколюбия Божья. Сверх того (таким помазанием) давалось им разуместь, что в начальнике должно быть более милосердия; это показывало, что и Дух нисходит на человека для милосердия же, так как Бог милует людей и поступает человеколюбиво: «Ты всех милуешь, – сказано, – потому что все можешь» (Прем. 11:24). Вот для чего они помазывались елеем! Ведь и священство учреждено по милосердию, и цари помазывались елеем. И если бы кто вздумал похвалить начальника, то всего лучше похвалит, когда скажет, что он милостив: милость есть существенное свойство власти. Припомни, что и мир сотворен по милости, и подражай Владыке. «Милость человека – к ближнему его, а милость Господа – на всякую плоть» (Сир. 18:12). Как – «на всякую плоть»? О грешниках ли станешь говорить, о праведниках ли, – все нуждаемся в милости Божьей, все пользуемся ею, даже сам Павел, и Петр, и Иоанн. Послушай, что они сами говорят, и наши слова будут излишни. Что же говорит блаженный (Павел)? «Помилован потому, что так поступал по неведению» (1Тим. 1:13). Итак что же? После того разве не имел он нужды в милости? Выслушай, что он говорит в другом месте: «Но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божья, которая со мною» (1Кор. 15:10); и об Епафродите говорит: «Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали» (Фил. 2:27); и еще: «Потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя,

но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит» (2Кор. 1:8–10); и еще: «И я избавился из львиных челюстей. И избавит меня Господь» (2Тим. 4:17–18). И везде найдем – хвалится тем, что спасен по милости.

5. И Петр был таковым потому, что был помилован. Послушай, что говорит ему Христос: «Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк. 22:31). И Иоанн таков был по милости; и вообще все апостолы. Послушай, как Христос намекает на это, говоря: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» (Иоан. 15:16). Так, мы все имеем нужду в милости Божьей: «Ибо милость Божья, – сказано, – на всякую плоть» (Сир.18:12). Но если эти (мужи) имели нужду в милости Божьей, то что сказать о прочих? Почему, скажи мне, «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми» (Мф.5:45)? Что, если бы Он в продолжение только года удержал дождь, – не погубил ли бы всех? Что, если бы произвел наводнение? Что, если бы одождал огонь? Что, если бы послал мух? Но что я говорю? Если бы Он произвел мглу, как некогда, – не погубил ли бы всех? Если бы потряс землю, – не все ли бы погибли? Теперь прилично сказать: "то что есть человек, что Ты помнишь его» (Пс. 8:5)? Если Бог только погрозит земле, то все сделаются одним гробом. «Вот народы – как капля из ведра, – говорит (Исая), – и считаются как пылинка на весах» (Ис. 40:15). Как для нас легко наклонить весы, так для Него погубить все, и вновь сотворить. Потому Тот, Кто имеет такую власть над нами, видит, что мы ежедневно грешим, и не наказывает, – не по милости ли терпит? И скоты существуют и сохраняются по милости же: "Человеков, – сказано, – и скотов хранишь Ты, Господи!» (Пс. 35:7). Он призрел на землю, и наполнил ее животным. Для чего? Для тебя. А тебя для чего сотворил? Не для благотворения ли? Ничего нет превосходнее милости. Она есть виновница света и там (на небе), и здесь (на земле). «Напитаешь душу страдальца, – говорит пророк, – тогда свет твой взойдет во тьме» (Ис. 58:10). И в самом деле. Как елей дает свет плавающим по морю, так милостыня дает нам великий и чудный свет там. Об этом елее много сказано у Павла. Послушай, как он в одном месте говорит: «Только чтобы мы помнили нищих» (Гал. 2:10); в другом: «А если прилично будет и мне отправиться» (1Кор. 16:4). И везде, так или иначе, увидишь его заботливость об этом. Так он говорит: «Пусть и наши учатся упражняться в добрых делах» (Тит. 3:14); еще: «Это хорошо и полезно человекам» (Тит.3:8). Послушай, как и еще некто говорит: «Милостыня избавляет от смерти» (Тов. 4:10). Другой говорит: «Если

милость отнимешь, и если войдешь в суд с рабом Твоим» «Господи, Господи, кто устоит» (Пс. 142:2, 129:3). Еще иной говорит: «Многие хвалят человека за милосердие» (Притч. 20:6). Милостивый-то и есть человек; или лучше – миловать значит быть Богом. Видишь, какая сила милости Божьей? Она произвела все, она создала мир, она сотворила ангелов, единственно по благодати. И геенной угрожает Бог для того, чтобы нам получить царство (небесное); а царство получаем мы по милости. Для чего, скажи, Бог, будучи един, сотворил так много (существ)? Не по благодати ли? Не по человеколюбию ли? Если ты будешь спрашивать, почему то, почему другое, – везде найдешь (что причина) благодать.

Итак, будем милостивы к ближним, чтобы нам и самим быть помилованными. Не столько для них, сколько для самих себя мы собираем этот елей на будущий день. Когда будет сильный пламень огненный, то этот елей¹ угасит огонь и будет для нас виною света. Таким образом через нее (милость) мы избавимся от огня геенского. В противном случае за что умиласердится и помилует нас (Бог)? Милосердие происходит от любви. И ничто так не раздражает Бога, как немилость. Приведен был к Нему некто должный тысячами талантов, и Он умиласердившись отпустил (ему долг). Но когда он начал душировать подобного себе раба, который должен был ему сто динариев, то за это Господь «отдал его истязателям» (Мф. 18:34), пока не отдаст долга. Слыша это, будем милостивы к тем, которые должны нам деньгами, грехами; никто не будь злопамятен, если не хочешь обидеть себя самого. Не прощая другому, ты не столько его огорчаешь, сколько себя обижаешь. Когда ты мстишь ему, то не мстит ему Бог. Когда же ты прощаешь, то Бог или мстит ему, или твои грехи прощает. А не прощая ближнему, как ты ищешь царствия? Итак, чтобы нам не пострадать, будем прощать всем; через это и сами получим прощение; будем прощать, чтобы и Бог простил нам грехи наши, и, таким образом, чтобы мы достигли будущих благ (благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Фил.2:1–4. Итак, если *есть* какое утешение во Христе, если *есть* какая отрада любви, если *есть* какое общение духа, если *есть* какое милосердие и сострадательность, то дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единомышленны и единомысленны; ничего *не делайте* по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. Не о себе *только* каждый заботься, но каждый и о других.

О перенесении обид. – Нет ничего несвойственнее душе христианской, как гордость.

1. Нет ничего добрее, ничего любвеобильнее духовного учителя: в благожелании он превосходит всякого естественного отца. Посмотри, наприм., как этот блаженный умоляет филиппийцев о полезном для них. Что именно говорит он, убеждая их к единомыслию, причин всех благ? Вот как внушительно, как убедительно, с каким сильным чувством говорит он: «Итак, если *есть* какое утешение во Христе», т. е. – если вы имеете какое-либо утешение во Христе. Как бы так сказал: если ты сколько-нибудь внимателен ко мне, если ты заботишься обо мне, если ты когда-либо получил от меня какое-нибудь благодеяние, то сделай это. Такой образ речи мы употребляем тогда, когда просим о таком предмете, который предпочитаем всему. Если чего не предпочитаем всему, того не захотим получить взамен всего, и не скажем, что через то все сделано. Мы (в подобном случае) приводим на память плотские права. Наприм., отец сказал бы сыну: если ты имеешь какое-либо уважение к отцу, если сколько-нибудь помнишь воспитание, если сколько-нибудь любишь меня, если сколько-нибудь дорожишь честью, полученною от меня, если сколько-нибудь расположен ко мне, – то не будь врагом брату, т. е., в воздаяние за все прошу только этого. А Павел говорит иначе: он не упоминает ни о чем плотском, но все о духовном. Смысл его слов такой: если хотите доставить мне какую-либо отраду в искушениях и ободрение во Христе, какое-либо утешение любви, показать какое-либо общение в духе, если имеете какое-либо милосердие и сострадательность в сердце, – то «дополните мою радость, если *есть* какое милосердие и сострадательность». Щедротами Павел называет единомыслие своих учеников, показывая этим крайнюю опасность в том случае, когда они не будут единомысленны. Если мне, говорит, можно получить от вас утешение, если можно получить какую-нибудь отраду от вашей любви,

если можно иметь общение с вами в духе, и общение с вами в Господе, если можно надеяться от вас на милосердие и сострадание, – то воздайте за все это любовью. Все это я получил, если вы любите друг друга.

«Дополните мою радость». Смотри: чтобы не показалось, что он убеждает их, как не исполняющих своего долга, для этого не говорит: сделайте для меня, но – «дополните», т. е.: вы начали насаждать во мне, уже успокоили меня, но я желаю достигнуть конца. Чего же ты желаешь, скажи мне? Того ли, чтобы мы избавили тебя от опасностей, чтобы снабдили тебя чем-нибудь? Ничего такого, говорит он, но «имейте одни мысли, имейте ту же любовь», с какой вы начали, «единодушны и единомысленны». О, как часто от великого расположения повторяет (Павел) одно и то же! «Имейте одни мысли», – говорит, или лучше – да одно и то же мыслите. Это он и объясняет далее словом – «единомысленны», которое сильнее слова – «имейте одни мысли». «Имейте ту же любовь», т. е. не просто в вере только, но и во всем прочем, потому что можно мыслить одно и то же, и не иметь любви. «имейте ту же любовь», т. е. любите столько же, сколько вас любят. Когда пользуешься от других великой любовью, то и сам оказывай другим не меньшую, чтобы и в этом не быть тебе своекорыстным. Пусть некоторые допускают это, а ты не допускай. «Единодушны», говорит, т. е., пусть во всех телах будет одна душа, не в отношении существа, – это невозможно, – но в отношении желания и мысли; пусть все происходит как бы от одной души. Что значит – «единодушны»? (Апостол) изъясняет это словом – «единомысленны»: пусть будет (у всех) одна мысль, как у одной души. «Ничего не делайте по любопрению». Апостол внушает затем и излагает способ, как этого достигнуть. «Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию». Вот что, как я всегда говорю, составляет причину всех зол; вот откуда брани и ссоры, откуда клеветы и препирательства, откуда охлаждение любви, – когда мы пристрастимся к славе человеческой, когда сделаемся рабами чести, воздаваемой толпой. Раб славы не может быть истинным рабом Божиим.

Итак, скажут, как же можем мы избегнуть тщеславия? Ты еще нам не показал пути. Слушай следующее: «но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя». О, какое предложил он правило, исполненное всякого любомудрия, и какое руководство для нашего спасения! Если ты предполагаешь, говорит, что другой лучше тебя и уверишься в том; а еще более, если не на словах только, но и совершенно убежден в том, и честь ему воздаешь, – то не будешь чувствовать неудовольствия, видя, что другой почитает того, кому ты воздаешь честь. Итак, почитай другого не

просто лучшим себя, но и высшим, – что означает великое превосходство, – и для тебя не будет ни странно, ни больно видеть (другого) почитаемым; даже, если он и обидит тебя, ты перенесешь великодушно, потому что ты признал его лучшим себя; бранить ли тебя он станет, – снесешь; зло ли какое причинить, – стерпишь молча. Когда ты однажды в душе своей совершенно убедился, что он лучше тебя, то не будешь гневаться, какое бы зло ни сделал он тебе, не будешь и завидовать ему. Тем, которые гораздо выше, никто не завидует, потому что каждый думает, что высшим все принадлежит.

2. Здесь (апостол) поучает держаться такого расположения духа. Если же, говорит он, и другой, получивший от тебя такую честь, будет в подобном же расположении к тебе, то представь, какая это будет двойная стена благодушия. Пока ты считаешь другого достойным почтения, равно и он тебя, до тех пор не произойдет ничего неприятного. Если такое поведение со стороны одного достаточно, чтобы уничтожить всякую раздражительность, то при взаимном кто разрушит такую твердыню? Ни сам даже дьявол, потому что составит тройное укрепление, четверное, и больше. Смирennemудрие есть причина всего доброго. А чтобы понять это, выслушай слова пророка: «ибо жертвы Ты не желаешь, – я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу – дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50:18, 19). Бог требует не просто смирennemудрия, но стремления к смирennemудрию. Как в телах разбитое никогда не может противостоять твердому, но при всяком сотрясении само разрушается прежде, нежели столкнется с другим, так и в душе: угнетаемая постоянно несчастьем, она решится лучше умереть, нежели нападать и защищаться. Доколь мы будем надмеваться гордостью, достойной посмеяния? Мы смеемся, когда видим, что дети вытягиваются и поступают величаво; смеемся, когда они то берут камень, то опять бросают. Так и глупая гордость человеческая есть плод детского размышления и несовершенного ума. «Что гордится земля и пепел?» (Сир. 10:9)? Человек, ты высокоумствуешь? Для чего? Какая прибыль тебе, скажи мне? Отчего ты высокоумствуешь пред теми, которые одного с тобою рода? Разве ты не того же естества? Разве в тебе не такая же душа? Разве не в равной мере ты почтен от Бога? Но ты мудр? Следовательно, должен благодарить, а не надмеваться. Первая черта неблагодарности – это гордость, потому что благодеяния она не почитает за дар. Надменный потому и надмевается, что почитает себя совершенным. А почитающий себя совершенным неблагодарен к Даровавшему честь. Имеешь ли ты что доброе? Благодарю Давшего.

Послушай, что говорит Иосиф, и что Даниил. Когда царь египетский призвал (Иосифа) из темницы, и пред всем собранием спрашивал его о деле, от которого отступились все египтяне, наиболее в нем искусные, – тогда он мог бы всячески вознестись и выказать себя мудрее звездочетов, прорицателей, чародеев, волхвов и всех философов того времени, хотя был невольником, в плену и рабстве (и в этом случае слава его была бы еще больше, потому что не все равно – прославиться ли будучи уже известным, или неожиданно, – неожиданность сделала бы его более достойным удивления). однако ж что он сказал, представши пред фараоном? Да, я это знаю? нет, не то, – а что же? Не будучи никем обличаем, по великой кротости, что говорит он? «Не от Бога ли истолкования?» (Быт. 40:8)? Смотри: сначала он прославил Владыку; за то и сам был прославлен. А это не маловажно в отношении к славе: гораздо важнее, когда Бог ее обнаружит, нежели когда сам себе ее усвоишь. С другой стороны, через это и слова его приобрели достоверность, и получено весьма сильное доказательство его близости к Богу. А нет ничего лучше, как быть близким к Богу. «Если... оправдался делами, – сказано, – ...имеет похвалу, но не пред Богом» (Рим. 4:2). Кто удостоился благодати, тот имеет похвалу у Бога, потому что (Бог) любит его, и прощает ему (грехи); а кто заслужил делами, тот тоже имеет похвалу, но не у Бога, как первый. Это – доказательство великой немощи вашей. И тот, кто получил мудрость от Бога, насколько большего достоин удивления! Он прославил Бога, и сам прославлен от Него: «Ибо Я прославлю прославляющих Меня» (1Цар. 2:30), говорит (Бог). Также поступил потомок (Иосифа), мудрее которого никого не было, – так как сказано: «Вот, ты премудрее Даниила» (Иез. 28:3)? Этот-то Даниил, когда все мудрецы вавилонские, самые даже звездочеты, прорицатели, волхвы, чародеи, все философы были не только посрамлены, но и истреблены (а истребление их указывало на то, что и прежде они обманывали), – представши (пред царем) для разрешения вопроса, не хвалится, но наперед все приписывает Богу, и говорит: «Царь! А мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих» (Дан. 2:30). «Тогда царь Навуходоносор пал на лице свое и поклонился Даниилу, и велел принести ему дары и благовонные курения» (Дан.2:46). Видишь ли смирение? Видишь ли признательность? Видишь ли нрав, чуждый гордости? Послушай еще апостолов. В одно время они говорят: «Что смотрите на нас, как будто бы мы своей силою или благочестием сделали то, что он ходит?» (Деян. 3:12)? В другое время: «И мы – подобные вам человеки» (Деян. 14:15). Если же они так отвергали воздаваемые им почести, они – люди, которые смиренномудрием во

Христе и Его силою сотворили большие дела, нежели Христос, как Он сам говорит: «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Иоан. 14:12), – то как не бедны, как не несчастны те, которые не могут прогнать и комаров, не только демонов, – те, которые не в силах принести пользы и одному человеку, не только целой вселенной, – и при этом столько мечтают, сколько не мечтает и сам дьявол?

3. Ничего нет более несвойственного христианской душе, как гордость, – говорю – гордость, а не дерзновение, не мужество, которые хотя близки между собою, однако ж не одно и то же, так что иное – смиренномудрие, а иное – низость, лесь и пресмыкательство. И если хотите, то я представлю вам на все примеры. Известно, что противоположные вещи существуют каким-то образом вместе, как-то: плевелы с пшеницей, терны с розами. Но легко обмануться могут дети; а мужи совершенные, опытные в духовном делании, умеют отличать истинно доброе от худого. Пожалуй, мы представим вам примеры того из Писаний. Что такое лесь, низость и пресмыкательство? Сива безвременно льстил Давиду, и оклеветал господина своего; еще более Ахитофел льстил Авессалому (2Цар. 16). Но Давид был не таков, а смиренномудр. Льстецы бывают лукавы. Так, напр., волхвы некогда говорили: «Царь! веки живи!» (Дан. 2:4). О Павле же в Деяниях Апостольских найдем много такого, когда он, беседуя с иудеями, не льстил, но смиренномудрствовал, потому что умел говорить и с дерзновением. Так, он говорил: «Мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан» (Деян. 28:17). А что слова эти происходили от смиренномудрия, то слушай, как он упрекает их далее, говоря: «Хорошо Дух Святой сказал...: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите» (Деян. 28:26). Видишь ли мужество? Посмотри и на мужество Иоанна Крестителя, какое он показал пред Иродом, говоря: «Не должно тебе иметь жену брата твоего» (Мк. 6:18). Вот дерзновение, вот мужество! А слова Семея: «Уходи, убийца» (2Цар. 16:7) – не то выражают, хотя и он говорит дерзновенно. Это не мужество, а дерзость, наглость и необузданность языка. Иезавель обругала Ииуя, назвав его «убийца государя своего» (4Цар. 9:31); но это дерзость, а не дерзновение. Укоризненно говорил и Илия, но то было дерзновение и мужество: «не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего» (3Цар. 18:18). Еще и пред целым народом Илия говорил дерзновенно: «Долго ли вам хромать на оба колена?» (3Цар. 18:21). Порицать таким образом, как делали пророки, есть дерзновение и мужество; а то была дерзость. Хочешь ли слышать и слова

смиренномудрия и благородства? Послушай Павла, который говорит: «Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо *хотя* я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь» (1Кор.4:3,4). Вот суждение, приличествующее христианину! И опять (апостол говорит): «Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?» (1Кор.6:1). Хочешь ли видеть лесть безрассудных иудеев? Слушай, как говорит они: «Нет у нас царя, кроме кесаря» (Иоан.19:15). Хочешь ли видеть смиренномудрие? Послушай еще Павла, который говорит: «Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса» (2Кор.4:5). Желает ли видеть лесть и дерзость: дерзость Навала, а лесть Зифеев? Как тот поносил Давида, а эти умышленно предали его? Желает ли видеть любомудрие Давида, а не льстивость? Как он захватил Саула, и пощадил его? Желает ли видеть лесть убийц Мемфивосфея, которых Давид предал смерти? Просто, вообще и кратко сказать, дерзость – это когда кто-нибудь гневается и ругает другого без всякой причины, или мстя за себя, или чрезмерно раздражаясь; дерзновение же и мужество – когда кто отваживается на опасности и смерть, презирает и дружбу и вражду для угождения Богу. Лесть и низость – это когда кто служит другим не ради необходимого чего-либо, но чтобы уловить что-нибудь житейское; а смиренномудрие – когда кто делает это для угождения Богу и унижается, чтобы совершить что-либо великое и достойное похвалы. Блаженны мы, если знаем это и если делаем, потому что не достаточно знать: «Не слушатели закона..., – сказано, – но исполнители закона оправданы будут» (Рим.2:13); даже более того, знание без деятельности и добродетелей подвергает осуждению. Итак, будем деятельны, чтобы избежать осуждения, и получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа (с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки Аминь).

Фил.2:5–8. Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной.

Опровержение заблуждений Савелия, Мариона, Маркелла, Фотина, Софрония и Ария.

1. Господь наш Иисус Христос, побуждая учеников Своих к великим подвигам, представляет в пример то Себя самого, то Отца Своего, то пророков. Так, Он говорит: "Так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:12); и опять: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Иоан. 15:20); и еще: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток» (Мф. 11:29); и еще: «Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36). То же делает и блаженный Павел. Побуждая (филиппийцев) к смиренномудрию, он представляет в пример Христа, и не здесь только, но и когда беседует о нищелюбии. Так Он говорит: «Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас» (2Кор. 8:9). Великую и любомудрую душу ничто столько не поощряет к добрым делам, как сознание, что она через это уподобляется Богу. И что может быть равносильно этому для побуждения? Ничто. Зная это, Павел, при убеждении (Филиппийцев) к смиренномудрию, сперва просил их и умолял, потом сказал внушительно: «Вы стоите в одном духе» (Флп.1:27), сказал также: «это для них есть предзнаменование погибели, а для вас – спасения»(Флп.1:28), наконец присовокупил: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но унижил Себя Самого, приняв образ раба». Внемите, прошу вас, и воспрянете. Как меч, отточенный с обеих сторон, куда бы ни был направлен, хотя бы на многочисленные ряды войска, легко посекает и истребляет их, потому что отовсюду остр, и ничто не может устоять против острия его, – точно таковы и изречения Духа. Этими изречениями Он низложил последователей Ария александрийского, и Павла самосатского, и Маркелла галатийского, и Савелия ливийского, и Маркиона понтийского, и Валентина, и Манеса, и Аполлинария лаодикийского, и Фотина, и Софрония, и вообще все ереси. Итак, ожидая видеть такое зрелище, и столько рядов, падающих от одного удара, воспрянете, чтобы вам не

лишиться удовольствия от этого зрелища. Если во время состязания колесниц на конских ристалищах всего приятнее видеть, когда кто, ударивши, опрокинет совсем колесницы с возницами, и опрокинув многие четвероконные колесницы с стоящими на них возницами, один промчится от исходного столба до конечного, – многочисленные отовсюду рукоплескания и клики поднимаются к небу, а он, как бы окрыленный этой радостью и рукоплесканиями, стремится на конях через все поприще, – то не гораздо ли больше будет удовольствия здесь, когда мы, при благодати Божьей, опровергнем вдруг и одним разом все еретические системы и дьявольские ухищрения вместе с их возницами? И если угодно, сначала представим самые ереси по порядку.

В каком порядке хотите – по нечестию, или по времени? Но порядок по времени мы знаем, а порядок по нечестию понять трудно. Итак, пусть первый предстанет Савеллий ливийский. Что же он говорит? Что Отец, Сын и Святой Дух только имена, принадлежащие одному лицу. А Маркион понтийский говорит, что Бог, устроивший все, не благ; что не Он Отец благого Христа, но другой некто праведный, и что Сын не принял плоти ради нас. Маркелл же, Фотин и Софроний говорят, что Слово не есть существо ипостасное, а сила, и что эта сила обитала в одном из потомков Давидовых. Арий признает Сыном (Иисуса Христа), но только по имени, – говорит, что Он есть творение, и гораздо ниже Отца. Иные говорят, что Он (Иисус Христос) не имеет души. Видишь ли наставленные колесницы? Смотри же и падение их, – как поражающий ниспровергает все вместе, одним ударом, вдруг. Как же ниспровергает? «Ибо в вас должны быть, – говорит, – те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу». От этого пали и Павел самосатский, и Маркелл, и Савелий. «Он, будучи образом Божиим», – говорит (апостол). Если во образе, то как ты, нечестивец, говоришь, что Он получил начало от Марии, а до того времени не существовал? Опять, как ты говоришь, что Он был сила? Сказано: «Он, будучи образом Божиим, принял образ раба». Скажи мне: образ раба – сила ли раба, или естество раба? Конечно, скажешь, естество раба. Следовательно и образ Бога есть естество Божье, а не сила. Вот и Маркелл галатийский, и Софроний, и Фотин пали!

2. Вот и Савелий (опровергнут). Сказано: «Не почитал хищением быть равным Богу». А об одном и том же лице не говорится, что оно равно самому себе: равное бывает равно чему-нибудь. Видишь ли ипостась двух лиц, а не имена только без предметов? Ты слышал о предвечном существовании Единородного? И это против них. Что же теперь скажем

против Ария, который говорит, что Сын имеет другую сущность? Скажи мне, что значат слова: «Приняв образ раба»? Они значат, отвечаешь, что Он сделался человеком. Следовательно слова – «будучи образом Божиим» значат: был Бог. И там и здесь стоит одно и то же слово: "образ". Если истинно первое, то и последнее. Быть в образе раба значит быть человеком по естеству, и быть в образе Божьем значит быть Богом по естеству. И не только это доказывается (сказанным), но и равенство (с Богом), подобно тому, как и у Иоанна. и то, что Сын ничем не менее Отца: «Не почитал хищением, – говорит, – быть равным Богу». Но каково мудрование еретиков? Они говорят, что (слова эти) выражают противное. Как бы так сказал (апостол): Он (Иисус Христос), будучи в образе Божьем, не восхитил того, чтобы быть равным Богу. Но если Он действительно был Бог, то как мог восхитить? И как можно было бы это понять? Кто скажет, что такой-то, будучи человеком, не восхитил того, чтобы быть человеком? Как похитить кому-нибудь то, чем он есть? Не то, говорят они. Но будучи меньшим Богом, Он не восхитил того, чтобы равняться Богу великому, большому. Значит, есть малый и великий Бог? Так вы привносите к церковным догматам языческие? У язычников действительно есть великий и малый бог, у вас есть ли, не знаю. Но в Писаниях нигде не найдешь; великого найдешь везде, а малого нигде. И в самом деле, если он малый, то что он за Бог? Если нет человека малого, и человека великого, но одно естество, а что не одного и того же естества, то и не человек, – то как можно почесть Богом малым и великим того, кто не имеет Божеского естества? Кто мал, тот не Бог, потому что в Писании Бог везде называется великим: «Велик Господь, – говорит (Давид), – и всехвален» (Пс. 47:2). То же и о Сыне, – везде называет Его Господом. Еще: «Велик Господь наш и велика крепость [Его], и разум Его неизмерим» (Пс. 146:5). И еще: «Велик Господь и достохвален, и величие Его неисследимо» (Пс.144:3). Но говорят: это сказано об Отце, а Сын малый (Бог). Это ты так говоришь, а Писание напротив: оно говорит и о Сыне так же, как об Отце. Слушай, что говорит Павел: «Ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога» (Тит. 2:13). Неужели об Отце сказал он: «ожидая... явления»? А чтоб еще более обличить вас, он прибавил: «Явления великого Бога». Об Отце ли сказано это? Никак. Этого не допускают прибавленные (апостолом) слова: «И явления великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа». Вот и Сын велик.

Итак, почему ты говоришь о малом и великом? Знай, что и пророк называет Его "Ангелом великого совета" (Ис.9:6). Ангел великого совета ужели не велик? «Бог великий» – ужели не велик, а мал? Как же после

этого говорят бесстыдные и дерзкие, что Он малый Бог? Я часто повторяю слова их, чтобы вы более удалялись от них. Будучи малым Богом, говорят, Он не восхитил того, чтоб быть (на равной степени) с великим. Что это, скажи мне? (Не думайте впрочем, что это наши слова). Если Сын, по их мнению, мал, и по сил гораздо ниже Отца, то как Он мог восхитить то, чтоб быть равным Богу? Будучи меньшим по естеству, Он не мог бы похитить великого естества. Например, человек не может похитить того, чтоб быть по природе равным ангелу; конь, хотя бы и захотел, не может похитить того, чтобы быть по природе равным человеку. Кроме этого и то еще скажу: чему Павел хочет научить этим примером? Без сомнения, скажешь, он хочет побудить филиппийцев к смиренномудрию. Итак, к чему бы он привел этот пример, скажи мне? Никто ведь, желая побудить к смирению, не говорит так: будь смирен, и почитай себя меньшим против своих равночестных, потому что такой-то раб не противился господину своему. Итак, подражай ему. Да это же, сказал бы иной, не смирение, а гордость! Вы, имеющие дьявольскую гордость, научитесь, что такое смиренномудрие. Что же такое смиренномудрие? Смирено думать о себе; а смиренно думает не тот, кто по необходимости уничижен, но кто сам себя уничижает. Я укажу пример, а вы послушайте. Когда кто-нибудь, имея возможность думать о себе высоко, думает смиренно, то он смиренномудр. Если же кто, не имея такой возможности, думает смиренно, тот еще не смиренномудр. Например, если царь подчиняется епарху, он смиренномудр, потому что нисходит с высоты; но когда епарх это делает, он еще не смиренномудр. Почему? Потому что не сам себя низвел с высоты. Смиренномудрствовать может только имеющий власть. Если необходимость заставляет смириться против воли, то это – дело не ума и воли, а необходимости; смиренномудрие же потому так и называется, что оно есть усмирение мысли.

3. Скажи мне: если кто, не имея возможности разбогатеть (на счет других), остается при том, что приобрел, – похвалим ли его за справедливость? Никак. Почему же? Потому что необходимость отняла похвалу у его доброй воли. Скажи еще: если кто, не имея возможности владычествовать и царствовать, остается частным человеком, – похвалим ли его, как неискательного? Никак. Так точно и в этом случае. О, вы несмысленнейшие из всех! Хвалят не за воздержание только от этого, но за совершение добрых дел. Первое, хотя не заслуживает порицания, но не стоит и похвалы; а последнее достойно похвалы. Смотри, как и Христос в этом смысле хвалит, когда говорит: «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал

Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня» (Мф. 25:34–35). Не сказал: за то, что вы не присвоили чужого, за то, что не похищали (это неважно); но – за то, что увидели Меня алчущим, и напитали. И кто стал бы хвалить таким образом друзей, или врагов? Никто – даже Павла. Но что я говорю – Павла? Даже и никакого другого человека не стал бы хвалить так, как ты хвалишь Христа, т. е., что Он не присвоил Себе ненадлежащей власти. Удивляться этому значит обнаруживать в себе большую порочность. Почему? Потому что такая похвала прилична порочным, например – вору, за то, что он уже не крадет. А в отношении к добрым не так: того еще не хвалят, кто не похитил непринадлежащей ему власти и чести. И как безумно это! Да и кто, – будьте, прошу вас, внимательны, хотя и длинно слово, – кто мог бы таким образом побудить к смирению? Примеры должны быть гораздо выше того предмета, к которому убеждаем, и едва ли кто убедится (примерами) отдаленными. Так, Христос, убеждая благодетельствовать врагам, представил великий пример в Отце Своем: «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:45). А убеждая к долготерпению, представил в пример самого Себя: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11:29); и еще: «Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны» (Ин. 13:14). Видишь ли, как примеры не бывают ниже? И они нисколько не должны быть ниже; так и мы делаем. А иначе пример здесь не был бы близок. Почему? Потому что если раб, то он и меньше, и подчинен большему. А это – не смиренномудрие. Нужно было, напротив, представить кого-либо большего повинующимся меньшему. Но так как (апостол) в Боге не нашел этого, т. е. большего и меньшего, то и представил равного. Если же Сын меньше (Отца), то побуждение к смиренномудрию недостаточно. Почему? Потому что это не смиренномудрие, когда меньший не восстает против большего, не восхищает власти, послушлив даже до смерти.

Впрочем смотри, что говорит (апостол) и кроме примера: «Но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя» (Флп. 2:3). говорит: «почитайте» (считая). Так как вы одно по существу, и по чести, от Бога полученной, то это дело предоставляется вашему рассуждению. А касательно отношения низших к высшим, он не говорит – «почитайте»; но: почитайте высших себя, как и в другом месте: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны» (Евр. 13:17). Там покорность – в природе вещей, а здесь она должна зависеть от нашего рассуждения. «По смиренномудрию, – говорит, – почитайте один другого высшим себя», как поступил и Христос. Таким образом, (мудрования еретиков)

ниспровергнуты. Высказавши сначала кратко их мнения, остается затем сказать нам и свое, – именно: почему (Павел), убеждая к смиренномудрию, не представил меньшего покоряющимся большему. Если бы он убеждал рабов повиноваться господам, то это было бы кстати; а так как он убеждал свободных покоряться свободным, то к чему было представлять покорность раба господину, меньшего большему? Он не сказал: меньшие покоряйтесь большим; но: будучи равночестны между собою, покоряйтесь, «почитайте один другого высшим себя». Почему же он не привел в пример отношения жены (к мужу, не сказал): как жена покоряется мужу, так и вы покоряйтесь? Если же равного и свободного не привел он в пример, потому что здесь есть некоторая, хотя малая, подчиненность, то не тем ли более он не мог представить в пример отношений раба? Прежде я сказал, что никто таким образом не хвалит никого за воздержание от пороков, даже не упоминает о таком. Например, желающий похвалить целомудренного не скажет, что он не любодействовал, а скажет, что он воздерживался от собственной жены. И никогда мы не ставим (в похвалу) одного воздержания от пороков: это было бы смешно. Я сказал также, что образ раба есть истинный, и ничем не меньше: так и образ Бога есть совершенный, и ничем не меньше. Потому (апостол) не сказал: «образом Божиим» бывший, но – "сущий". Это выражение равносильно словам: «Я есмь Сущий» (Исх. 3:14). Образ, как образ, показывает совершенное сходство. Не может быть, чтобы кто-нибудь имел сущность одного, а образ другого. Например, ни один человек не имеет образа ангела, никакое бессловесное не имеет образа человека. Как же Сын?

4. Далее: так как мы сложны, то образ в нас относится к телу; в простом же и совершенно несложном он относится к сущности. Если же ты скажешь, что слово (θεός) без члена не означает Бога Отца, то можно указать много мест, где это слово употребляется без члена. И что я говорю – много мест? В этом же самом месте, где сказано: «не почитал хищением быть равным Богу», (апостол) сказал без члена, а между тем говорит о Боге Отце. Хотел бы я прибавить и свое; но боюсь обременить ваши умы. Помните хотя доселе вам сказанное в опровержение еретиков. Сперва исторгнем терние; а по искоренении терния, когда земля несколько отдохнет, посеем и доброе семя, чтобы она, очистившись таким образом от всего худого, была более способна к принятию Божественных семян. Возблагодарим Бога за сказанное; будем просить Его, чтобы Он помог нам соблюсти и сохранить это, чтобы и вы и мы возрадовались, а еретики постыдились. Будем молить Его, чтобы Он отверз нам уста и на

последующее, чтобы нам с таким же тщанием предложить и свое. Будем умолять Его, чтобы Он даровал нам жизнь достойную веры, чтобы мы жили во славу Его, и чтобы не хулилось через нас имя Его. «Горе вам, – сказано, – имя Мое бесславится» (Ис. 52:5)! Если мы, имея сына, – а что для нас ближе сына? – итак, если, имея сына, мы отрицаемся от него, отвергаемся и не принимаем, когда подвергаемся поношению за него, то не более ли Бог отвратится и возненавидит безрассудных рабов, хулящих и оскорбляющих Его? А кого Бог возненавидит и отринет, кто того примет? Никто, разве дьявол и демоны. А кого возьмут демоны, какую тот будет иметь надежду на спасение? Какое утешение в жизни? Доколь находимся в руке Божьей, никто не может похитить нас, потому что она крепка. Когда же ниспадем из руки Его и лишимся Его помощи, тогда мы погибли, доступны всем на расхищение, всем на поправление, «как наклонившаяся стена, как ограда пошатнувшаяся» (Пс. 61:4). Когда стена слаба, тогда легко всякому разрушить ее. Не думайте, что об Иерусалиме только говорится то, что я намерен сказать; но и о всяком человеке.

Что же сказано об Иерусалиме? «Воспою Возлюбленному моему песнь Возлюбленного моего о винограднике Его. У Возлюбленного моего был виноградник на вершине утучненной горы, и Он обнес его оградой, и очистил его от камней, и насадил в нем отборные виноградные лозы, и построил башню посреди его, и выкопал в нем точило, и ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес дикие ягоды. И ныне, жители Иерусалима и мужи Иуды, рассудите Меня с виноградником Моим. Что еще надлежало бы сделать для виноградника Моего, чего Я не сделал ему? Почему, когда Я ожидал, что он принесет добрые грозды, он принес дикие ягоды? Итак Я скажу вам, что сделаю с виноградником Моим: отниму у него ограду, и будет он опустошаем; разрушу стены его, и будет попираем, и оставлю его в запустении: не будут ни обрезать, ни вскапывать его, – и зарастет он тернами и волчцами, и повелю облакам не проливать на него дождя. Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды – любимое насаждение Его. И ждал Он правосудия, но вот – кровопролитие; ждал правды, и вот – вопль» (Ис. 5:1–7). Это относится и к каждой душе. Когда человеколюбивый Бог сделает все нужное, а она вместо винограда произведет терние, то Он отнимает ограду и разрушает стену, и мы предаемся на расхищение. Послушай, как еще другой пророк с плачем говорил: «Для чего разрушил Ты ограды ее, так что обрывают ее все, проходящие по пути? Лесной вепрь подрывает ее, и полевой зверь объедает ее» (Пс. 79:13, 14). Там говорится о мидянах и вавилонянах, а здесь сказанного нельзя отнести к ним: вепрь и уединенный – это дьявол и

вся его сила. (Пророк) назвал его уединенным, чтобы изобразить его лютость и нечистоту. А выражая его хищность, Писание говорит: «Как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1Петр. 5:8). Когда же показывает его ядовитость, смертоносность и губительность, то называет его змием и скорпионом: "Наступайте, – говорит, – на змей и скорпионов и на всю силу вражью» (Лк.10:19). Наконец, когда выражает силу и вместе ядовитость, то называет его драконом, говоря: «этот змей, которого Ты создал, чтобы унижить его» (Пс.103:26)². И драконом, змием извивающимся, и аспидом называет его (Писание) везде, – потому что зверь этот хитер, разноцветен, и имеет большую силу; он все приводит в движение, все возмущает, все извращает. Впрочем не бойтесь и не ужасайтесь; бодрствуйте только, – и он будет как воробей: "Наступайте, – сказано, – на змей и скорпионов». Бог сделает его попранием ног наших, только бы мы захотели.

5. Итак, смотри, как смешно, как тягостно видеть, что тот, кто дан нам на попрание, становится выше головы нашей? Как же бывает это? От нас самих (зависит): если мы хотим, то он бывает велик, и если хотим, бывает мал. Если мы внимательны к себе, и находимся вместе с Царем нашим, то он умалывается, и в борьбе с нами бывает не сильнее малого дитяти; а когда мы отдаляемся (от Царя своего), тогда (дьявол) весьма надмевается, рыкает и скрежещет зубами, заметив, что мы лишились великой помощи, так как он не приближается, доколь не допустит Бог. Если дьявол не осмелился без позволения Божия войти в стадо свиное, то тем более в души человеческие. Попускает же Бог или для вразумления, или для наказания, или для большего испытания, как было с Иовом. Помнишь ли ты, что дьявол не приступал к нему, даже не смел приблизиться, но боялся и трепетал его? Но что я говорю об Иове? И к Иуде приступая, дьявол не смел совершенно овладеть им и войти в него, доколь Христос не отлучил его от священного лика. До того времени он подходил к нему отвне, а внутрь войти не смел. Когда же увидел, что он отлучен от священного стада, то напал на него лютее всякого волка, и до тех пор не отстал, пока не умертвил его сугубой смертью. Это написано для нашего назидания. Какая, однако ж, прибыль знать, что один из двенадцати был предатель? Какая польза? Какая выгода? Великая. Узнав, отчего он пошел на такой пагубный совет, мы будем беречься этого, чтобы и с нами не случилось того же. Отчего же он пошел на это? От сребролюбия. Он был тать, и так упоен был этой страстию, что за тридцать серебрянников продал Владыку вселенной. Что хуже такого безумия? Кому нет ничего равноценного, ничего равного, пред Кем «Все народы пред Ним как ничто» (Ис. 40:17), –

Того продал он за тридцать серебрянников.

Тяжко господство сребролюбия; оно может довести душу до иступления. Не столько делается иной безумным от пьянства, сколько от сребролюбия; не столько от бешенства и сумасшествия, сколько от сребролюбия. За что ты продал, скажи мне? Незнатного и неизвестного – тебя Он призвал, и сделал одним из двенадцати, преподал тебе учение, обещал бесчисленные блага, дал силу творить чудеса, сделал общником Своей трапезы, путешествий, бесед, сожителства и всего, наравне с прочими (апостолами). Или это не могло удержать тебя? По какой же причине ты продал? Нечестивец, на что мог ты пожаловаться? Чем ты не был благодетельствован? Он знал твою душу, однако ж не переставал сообщать тебе Свое. Многократно говорил: «Один из вас предаст Меня» (Мф. 26:21); многократно намекал, щадил тебя и, зная тебя таковым, не отлучал от лика; еще сносил, и как близкого и как одного из двенадцати, столько почитал, столько любил. Наконец, взяв полотенце Своими пречистыми руками умыл скверные ноги твои; но, – о, нечестие! – и это тебя не удержало. Ты утаивал доли нищих, – и это Он сносил, чтобы ты не впал в большее зло; но тебя ничто не убедило. Если бы ты был зверь, если бы камень, и тогда от таких благодеяний, от чудес, от учения не должно ли было тебе перемениться? Но тебя, сделавшегося таким зверем и ставшего бесчувственнее камня, Он все же призывал и утверждал чудесами. А ты и при всем том не сделался лучше. Конечно, вы удивляетесь такому безумию предателя. Страшитесь же в таком случае и его язвы: от сребролюбия, от пристрастия к деньгам он сделался таковым. Отсеки эту страсть; она рождает следующие болезни: делает нечестивыми, ведет к забвению Бога, несмотря на Его бесчисленные благодеяния. Отсеки, прошу; (эта страсть) не маловажна; она способна произвести тысячи гибельных смертей. Мы видели страсть (Иуды); убоимся, чтобы и нам самим не впасть в подобную же. Для того и написано об этом, чтобы мы не подверглись тому же. Для того все евангелисты повествуют об этом, чтобы сделать нас осторожными. Беги подальше; сребролюбие не в том только, чтобы любить множество денег, но и вообще в любви к деньгам. Желать более, чем нужно – великое сребролюбие. Разве таланты золота склонили предателя? Всего тридцать серебрянников, за тридцать серебрянников он продал Владыку. Помните ли сказанное мною пред этим, что корыстолюбие проявляется не только в принятии многого, но гораздо более в принятии малого? Вот какое беззаконие учинил Иуда за малое количество золота, даже не за золото, а за серебрянники! Нельзя, подлинно нельзя человеку сребролюбивому видеть когда-либо лицо Христово; это

одна из невозможностей. Сребролюбие есть корень зол. И если имеющий один порок лишается славы, то куда станет носящий в себе этот корень? Раб денег не может быть истинным рабом Христовым. Сам Христос открыл, что это – дело невозможное: "Не можете, – сказал Он, – служить Богу и маммоне"; и еще: «Никто не может служить двум господам» (Мф. 6:24). Они повелевают противное: Христос говорит: щадя бедных, а маммона внушает: отнимай и то, что они имеют; Христос говорит: истощай свое имение, а маммона внушает: бери и то, что у них есть.

6. Видишь ли ты противоположность? Видишь ли борьбу? Хотите ли, покажем, как нельзя повиноваться обоим, но одного должно презреть? Или не нужно говорить? Как? Не видим ли на деле, что Христа презирают, а маммону почитают? Замечаете ли вы, как даже слова эти противны? Не тем ли более дела? Но в действительности это не кажется несколько противным, потому что нами обладает страсть. Душа, хотя немного освободившаяся от страсти, пока находится в таком состоянии, может судить правильно. Но, поддавшись опять страсти, будучи одержима горячкой, и услаждаясь предметом страсти, не может судить здраво, не может судить беспристрастно. Христос говорит: если кто «не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14:33); а маммона говорит: возьми хлеб у алчущего. Христос говорит: «одень нагого» (Ис. 58:7); а маммона говорит: раздень нагого. Христос говорит: «от единокровного твоего не укрывайся» (Ис. 58:7); а маммона говорит: не жалея кровных своих, пренебреги даже матерью и отцом. И что я говорю – отцом и матерью? Самую душу твою и ту погуби. И однако ж (люди) повинуются. Увы, того, чьи повеления столь жестоки, грубы и зверски, слушают более, нежели Того, Чьи заповеди человеколюбивы и спасительны для нас. За то и геенна, за то огонь, за то река огненная, за то червь неумирающий.

Знаю, что многие с неудовольствием слушают наши слова. Я и сам неохотно говорю это. Да и какая надобность говорить об этом? Я желал бы всегда беседовать с вами о царствии, о покое, о воде упокоения, о месте злачном: «Он покоит меня, – говорит (Давид), – на злачных пажитях и водит меня к водам тихим» (Пс. 22:2). Я желал бы беседовать о том месте, где нет болезни, ни печали, ни воздыхания; желал бы поведать сладость общения со Христом. Хотя это превышает всякого слова и всякого ума, а все же, по силе возможности, я желал бы говорить об этом. Но что делать? Неприлично говорить о царстве с тем, кто страдает горячкой, и находится в худом состоянии. С ним прежде надобно поговорить о здоровье. Не кстати беседовать о чести с осужденным на казнь. Прежде нужно найти средство

освободиться от суда, наказания и мучения. Если последнего не будет, как приступить к первому? Потому я и говорю непрестанно о последнем, чтобы скорее достигнуть первого. И Бог для того угрожает геенной, чтобы никто не попал в геенну, чтобы все взошли в царство. И мы для того непрестанно напоминаем о геенне, чтобы подвигнуть вас к царству, чтобы, умягчивши страхом сердце ваше, расположить к делам, достойным царства. Итак, не досадуйте на тяжесть слов; тяжесть слов облегчает души наши от грехов. И железо тяжело, и молот тяжел, но он выделяет полезные сосуды золотые и серебряные, а испорченные поправляет. Как (молот), если бы не был тяжел, не мог бы исправить испорченной вещи, так и наше тяжкое слово имеет силу устраивать душу. Итак, не будем бегать от тяжести слов, и от наносимых ими ударов. Не для того наносится удар, чтобы поразить и сокрушить душу, но чтобы исправить. По благодати Божьей мы знаем, как поражать, как наносить удар, чтобы не раздробить сосуда, но выгладить, выправить, и сделать благопотребным для Владыки, – чтобы сообщить ему с блеском крепость и прекрасный вид в тот день, когда явится река огненная, – чтобы представить его не имеющим нужды в том огне. А если мы не будем жечь вас здесь, то конечно необходимо будут жечь вас там, иначе и быть не может: «Ибо день покажет, потому что в огне открывается» (1Кор. 3:13). Для вас лучше в продолжение краткого времени потерпеть жжение от наших слов, нежели вечно (страдать) от того пламени. А что так непременно будет, это ясно, и я многократно приводил вам на это неоспоримые доказательства. Надлежало бы только из Писания представить убеждения; но так как некоторые любят спорить, то мы многое опровергали умозаключениями. И теперь ничто не препятствует сказать в этом роде. Как же? Вот как: Бог правосуден; все это исповедуем – и эллины, и иудеи, и еретики, и христиане. Между тем многие грешники отходят отсюда, не будучи наказаны; и напротив, – многие добродетельные отходят, претерпевши бесчисленные бедствия. Итак, если Бог правосуден, то где Он воздаст последним награды, а первым наказания, если нет геенны и воскресения? Это доказательство всегда повторяйте и другим и себе самим, и оно не допустит вас усомниться в воскресении. А кто верит воскресению, тот постарается жить с великим вниманием, чтобы получить вечные блага, которых все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Фил.2:5–11. Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца.

Против Маркионитов и Павла Самосатского, – Мы не почитаем Христа достойно, если не подражаем Ему в жизни. – Христианину подобает смирение.

1. Нами изложены мнения еретиков; теперь время уже изложить и наше учение. Они говорят, что выражение: «Не почитал хищением» значит – восхитил. А мы показали, что это совершенно нелепо и неуместно, что таким образом никто не доказывает смиренномудрия, и не хвалит не только Бога, но и человека. Итак, что ж оно значит, возлюбленные? Внимайте настоящим словам. Так как многие люди полагают, что они, сделавшись смиренными, лишились бы собственного достоинства, умалились бы и унизились, то (апостол), устранив этот страх, и показывая, что не должно так думать, говорит о Бог, что Бог, едиnorodный Сын Отца, «будучи образом Божиим», имеющий нисколько не менее, чем Отец, равный Ему, «не почитал хищением быть равным Богу». А что это значит, послушай: если кто-либо восхитит что, и присвоит себе не по праву, то не решается оставить этого, боясь, чтобы не утратилось и не погибло, но удерживает это постоянно. Напротив, кто имеет естественное какое-либо достоинство, тот не боится стать и ниже этого достоинства, зная, что он ничего подобного не потерпит. Укажу пример: Авессалом восхитил власть, и потом не решился сложить ее с себя. Приведем и другой пример. А если примеры несильны объяснить всего, – вы не досадуйте на меня: таково уже свойство примеров, что большая часть оставляется уму для размышления. Восстал на царя и восхитил царство; он уже не решается оставить и скрыть этого дела, и если бы он хоть однажды скрыл его, – тотчас бы погубил. Обратимся еще к другому какому-либо примеру. Предположим, кто-нибудь похитил что-либо; он уже удерживает это постоянно, и как только выпустил из рук, тотчас и потерял. И вообще, завладевшие чем-либо через хищение, боятся оставить это и скрыть,

бояться и на минуту расстаться с тем, чем завладели. Но не то бывает с теми, которые не через хищение чем-либо владеют. Например, человек имеет достоинство, состоящее в том, что он разумен. (Впрочем и) примера не нахожу, потому что у нас нет природной власти, ни одно из благ не зависит от природы нашей, а все они принадлежат естеству Божью. Итак, что же скажем? То, что Сын Божий не убоился стать ниже Своего достоинства. Он не почитал Божество хищением, и не боялся, чтобы кто-нибудь отнял у Него естество или достоинство Его. Потому и отложил Его, будучи твердо уверен, что опять примет Его; сокрыл его, не думая несколько умалиться через это. Потому-то (апостол) не сказал: не восхитил, но: «Не почитал хищением», – т. е. имел власть не похищенную, но естественную, не данную, но постоянно и неотъемлемо Ему принадлежащую. Потому не отказывается принять вид даже телохранителя. Тиран боится на войну сложить порфиру, а царь делает это без всякого опасения. Почему? Потому что имеет власть не похищенную. Итак, Он не сложил ее, потому что не похитил; но сокрыл, потому что имел ее как естественную и навсегда неотъемлемую. (Достоинство) быть равным Богу у Него было не похищенное, но естественное; а потому и «но уничижил Себя Самого». Где говорящие, что Он покорился, что Он подчинился необходимости? (Апостол) говорит: «но уничижил Себя Самого, смирил Себя, быв послушным даже до смерти». Как умалил? «Приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек». Здесь слова: «Но уничижил Себя Самого» сказаны (апостолом) в соответствие словам: «Почитайте один другого высшим себя» (Фил.2:3), – потому что если бы Он был подчинен, если бы не по собственному побуждению, и не сам по Себе решился умалить Себя, то это не было бы и делом смирения. Если Он не знал, что это должно было совершиться, то Он несовершен; если, не зная, ожидал времени повеления, то Он не знал времени; если же Он знал и то, что это должно было совершиться, и то, когда должно совершиться, то для чего стал в подчиненны? Для того, скажут, чтобы показать превосходство Отца. Но это значит показать не превосходство Отца, а собственную ничтожность. И одно имя Отца не довольно ли показывает первенство Отца? А кроме этого все (что у Отца) то же есть и у Сына. Иначе говоря, одна эта честь не может перейти от Отца к Сыну; а кроме нее все у Отца с Сыном общее.

2. Здесь маркиониты, привязываясь к словам, говорят: Он не был человек, но «сделавшись подобным человекам». Как же можно быть в подобии человеческом? Облекшись тенью? Но это призрак, а не подобие человека. Подобием человека может быть другой человек. А что скажешь

на слова Иоанна: «И Слово стало плотью» (Иоан. 1:14)? Да и этот самый блаженный в другом месте говорит: «В подобии плоти греховной» (Рим. 8:3). «И по виду став как человек». Вот, говорят: и "по виду", и: «как человек»; а быть как человек, и в образе человека, еще не значит быть в самом деле человеком, потому что быть человеком по образу не значит быть человеком по естеству. Видите ли, с какой добросовестностью я передаю слова врагов? Ведь блистательная и совершенная победа бывает та, когда мы не скрываем их мнений, кажущихся сильными; скрывать – значит более обманывать, нежели побеждать. Итак, что они говорят? Повторим опять то же: по образу не значит по естеству, и быть «как человек», и «подобным человекам» не значит быть человеком. Следовательно, и зрак раба принять – не значит естество раба принять. Здесь возражение против тебя, – и почему бы не тебе первому разрешить его? Как то считаешь ты противоречием у нас, так и мы называем это противоречием у тебя. (Апостол) не сказал: как зрак раба, ни – в подобии зрака раба, ни – в образе зрака раба, но – «приняв образ раба». Что же это значит? И это противоречие, скажут. Противоречия нет никакого, а какое-то пустое и смешное с их стороны умствование. Говорят: Он принял образ раба, потому что, препоясавшись полотенцем, умыл ноги учеников. Это ли образ раба? Это не образ раба, а дело раба. Иное заниматься делом раба, а иное принять образ раба. Иначе – почему не сказано, что Он совершил дело раба, что было бы яснее? Да и нигде в Писании не употребляется (слово) "образ" вместо дела, потому что между ними большое различие: одно – принадлежность естества, а другое деятельности. И в обыкновенном разговоре мы никогда не употребляем образ вместо дела. Иначе говоря, Он, по их мнению, и дела не сделал, и не препоясывался. Если дело было мечта, то не было истиной; если Он не имел рук, то как умыл? Если не имел бедр, то как препоясался полотенцем? Да и какую "одежду" взял? А ведь сказано: «Надел одежду Свою» (Иоан. 13:12). Допустив, что здесь представляется не то, что на самом деле было, а призрак только, надобно допустить, что Он не умыл и ног ученикам. Если бесплотное естество не сделалось видимым, значит оно не было и в теле. Итак, кто ж умыл учеников? Что еще скажем против Павла самосатского? А что, спросите, он говорит? Он говорит то же: имеющему естество человеческое и настоящему человеку умыть подобных себе рабов – не есть умаление. То же самое, что мы сказали против ариан, нужно сказать и против них. Все различие между ними состоит только в небольшом промежутке времени: и те и другие называют Сына Божья творением.

Итак, что же скажем против них? Если человек умыл людей, то Он не

умалил и не унизил Себя; если, будучи человеком Он не восхитил равенства с Богом, то в этом еще нет похвалы. Богу сделаться человеком – это великое, неизреченное и неизъяснимое смирение; а человеку совершать дела человеческие – что за смирение? И где образ Божий называется делом Божьим? Если Он был простой человек и называется образом Божьим за Свои дела, то почему не говорим того же и о Петре, который сделал больше Его? Почему и о Павле не говоришь, что Он имел образ Божий? Почему Павел не представил в пример себя самого, хотя исполнял множество рабских дел, и ни от чего не отказывался, как сам говорит: «Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса» (2Кор. 4:5)? Смешно это и нелепо. «Уничижил Себя Самого». Скажи, как Он "уничижил", и что это за умаление, и что за смирение? Тем ли (умалил), что творил чудеса? Но это делали и Павел и Петр, так что это не есть особенность Сына. Что же значат слова: «сделавшись подобным человекам»? То, что Он имел много нашего, а многого и не имел, – например: Он родился не от соития, Он греха не сотворил. А вот что имел Он, чего из людей никто не имеет. Он был не тем только, чем являлся, но и Богом. Он являлся человеком, но во многом не был подобен (нам), хотя по плоти и был подобен. Следовательно, Он не был простым человеком. Потому-то и сказано: «сделавшись подобным человекам». Мы – душа и тело; Он же – Бог, душа и тело. Поэтому сказано: «сделавшись подобным». И чтобы ты, услышавши, что Он «уничижил Себя Самого», не представил изменения, превращения и какого-либо уничтожения, для этого (Писание) говорит, что Он, пребывая тем, чем был, принял то, чем не был, и сделавшись плотью, пребыл Богом Словом.

3. Так как в этом отношении Он подобен человеку, то (апостол) и говорит: "и по виду", – чем выражает не то, будто природа изменилась, или произошло какое-либо смешение, но что Он по "виду" стал (человеком). Сказавши: «приняв образ раба», он смело потом сказал и эти слова: «и по виду став», потому что они заграждают уста всем. Равно и словами: «В подобии плоти греховной» (Рим. 8:3) не то выражает, будто Он не имел плоти, но что плоть эта не грешила, между тем была подобна плоти греховной. Почему подобии? По естеству, а не по греховности, – потому и подобна душе грешника. Как там сказано – «сделавшись подобным», потому что не во всем равенство, так и здесь сказано – «сделавшись подобным», потому что не во всем равенство, как-то: Он родился не от соития, был без греха, не простой человек. И хорошо сказал (апостол): «человекам», потому что Он был не один из многих, но как бы

один из многих, – потому что Бог Слово не превратился в человека, и существо Его не изменилось, но Он явился как человек, но призрак нам представляя, но поучая смирению. Вот что выражает апостол словами – «человекам», хотя в другом месте и называет Его (прямо) человеком, говоря: «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус» (1Тим. 2:5). Вот мы сказали и против этих (еретиков); теперь нужно сказать также против тех, которые не признают, что (Христос) принял душу. Если образ Бога есть совершенный Бог, то и образ раба есть совершенный раб. Опять речь против ариан. «Он, будучи образом Божьим, – говорит (апостол), – не почитал хищением быть равным Богу». Здесь, говоря о Божестве, не употребляет слов: стал (εὑρέτο), и принял. «Уничжил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам». Здесь же говоря о человечестве, употребляет слова: принял и стал. В последнем случае – «сделавшись, приняв», в первом – "будучи".

Итак, не будем ни смешивать, ни разделять (этих понятий). Един Бог, един Христос Сын Божий. А когда я говорю – един, то выражаю соединение, а не смешение, так как одно естество не превратилось в другое, но только соединилось с ним. «Смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной». Вот, говорят, был послушен, – значит не равен Тому, Кому послушен. О, бессмысленные и неразумные! Это нисколько не делает Его меньше. И мы часто слушаемся своих друзей, но это нисколько не делает нас меньшими. Он, как Сын, покорясь Отцу добровольно, не ниспал в состояние раба, но этим самым – великим почтением к Отцу – особенно сохранил дивное сродство с Ним. Он почтил Отца не для того, чтобы ты Его бесчестил, но чтобы более изумлялся, и из этого, из того именно, что более всех почтил Отца, познал, что Он есть истинный Сын. Никто таким образом не чтит Бога. Насколько Он был высок, настолько же смирил Себя. Так как Он больше всех, и нет никого Ему равного, то и почтением к Отцу превзошел всех, не по принуждению и не по неволе. И это есть дело Его доблести, или уж и не знаю, как сказать. О, и рабом стать – дело великое и весьма неизреченное, а подвергнуться смерти – еще гораздо большее! Но есть и другое нечто большее и удивительнейшее. Что же такое? То, что не всякая смерть была подобна (Его смерти), так как Его смерть считалась поноснейшей из всех, постыднейшей и проклятой: "Проклят, – сказано, – пред Богом [всякий] повешенный [на дереве]" (Втор. 21:23). Для того-то иудеи и постарались умертвить Его такой смертью, и через то сделать презренным, чтобы самый род смерти отвратил всякого от Него, если бы (просто) смерть не

отвратила никого. Для того-то и два разбойника были распяты с Ним, чтобы Он разделял с ними их бесчестие, и чтобы исполнилось сказанное: «И к злодеям причтен был» (Ис. 53:12). Но истина тем более просияет, тем блистательнее становится. Когда столько было от врагов злоумышлений против Его славы, она тем не менее сияет, и блеск ее даже гораздо больше проявляется. Не простым умерщвлением, но умерщвлением именно такого рода, они думали сделать Его отвратительным, представить Его отвратительнее всех; но нимало не успели. Даже оба разбойника были настолько нечестивы (один из них обратился уже после), что и находясь на кресте, поносили Его. Ни сознание собственных преступлений, ни казнь, ни то, что они сами терпят то же, не удержали их неистовства. Это один из них даже высказал другому, заградив уста его словами: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же?» (Лк. 23:40). Таково было их нечестие! Впрочем, это нисколько не повредило Его славе, – почему и говорит (апостол): «Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени».

4. Блаженный Павел когда коснулся плоти, то все уничижительное говорит уже безбоязненно. А доколь не сказал, что Он принял зрак раба, но говорил только о Божестве, смотри, как возвышенно (говорил)! Возвышенно, разумею – по силе: достоинства Его не выражает, потому что не может: «Он, будучи образом Божиим, – говорит, – не почитал хищением быть равным Богу». Когда же сказал, что Он очеловечился, то безбоязненно уже говорит об уничижении, зная верно, что уничижительные выражения ни мало не унижают Божества, так как относятся к Его плоти. «Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца». Скажем против еретиков. Если это говорится не о воплотившемся, если о Боге Слове, то как «превознес Его»? Ужели давши что-либо большее? В таком случае Он был бы несовершен, и через нас сделался бы совершенным, а если бы Он не благодетельствовал нам, то не получил бы чести. "И дал, – говорит, – Ему имя". Вот, по вашему, Он не имел даже и имени. Если же принял должное, то как признавать Его принявшим по благодати и дару даже «имя выше всякого имени»? Какое же имя, посмотрим. «Дабы пред именем Иисуса Христа, – говорит, – преклонилось всякое колено». Под именем сами они разумеют славу. Следовательно, эта слава выше всякой славы; слава же состоит в поклонении Ему. Далек от величия Божья вы, думающие знать Бога, как Он знает сам Себя. И из этого уже видно, сколько далеки вы от (правого)

понятия о Боге, видно также и из следующего. Если (в поклонении) состоит слава Его, то скажи мне: прежде чем произошли люди, ангелы, архангелы, Он не был в славе? Если эта слава выше всякой славы, – а таково значение слов: «выше всякого имени», – если Он (до сотворения мира) хотя и был в славе, но в меньшей, нежели теперь, то значит все существующее Он сотворил для того, чтобы быть в славе, (сотворил) не по благодати, но имея нужду в славе от нас. Видите ли неразумие? Видите ли нечестие? А когда (апостол) сказал это о воплотившемся, он имел для этого основание. Слово Божье позволяет говорить так о плоти, потому что все это не касается естества (Божья), но имеет отношение к домостроительству (воплощению). После того не остается никакого прощания тем, которые злоумствуют, будто слова эти относятся к божеству. Потому, когда говорим: Бог сотворил человека бессмертным, я, хотя и о целом говорю, знаю, что говорю. Что же значит: «Небесных, земных и преисподних»? Т. е. весь мир, и ангелы, и люди, и демоны, и праведники, и грешники. «И всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца», т. е., чтобы все говорили это; а в этом состоит слава Отца. Видишь ли, что везде славится Отец, когда славится Сын? Так равно, когда Сын бесчестится, бесчестится и Отец. Если так бывает у нас, где между отцами и сыновьями много различия, то тем более у Бога, где нет никакого различия, честь и бесчестие переходят (от Сына на Отца). Если вселенная покорена Сыну, как сказано, то это слава Отца, – следовательно и в том слава Отца, когда мы говорим, что (Сын) совершен, ни в чем не имеет недостатка, что Он не меньше Отца. Это служить важным свидетельством и силы (Отца), и Его благодати и премудрости, что Он родил такого Сына, Который нисколько не меньше ни по благодати, ни по премудрости. Когда я говорю, что (Сын) премудр, как Отец, и ничем не меньше Его, то в этом свидетельство о великой премудрости Отца. Когда говорю, что Он всемогущ, как Отец, то в этом свидетельство о могуществе Отца. Когда говорю, что Он благ, как Отец, то в этом величайшее доказательство благодати Отца, что Он родил такого Сына, Который ничем не меньше Его, и ни в чем не имеет недостатка. Когда говорю, что (родил Сына) не меньшего сущности, но равного, и не другой сущности, то и этим также восхваляю Бога и Его силу, и благодать, и премудрость, что Он явил нам из Себя другого такого же, кроме того только, что Он не Отец. Таким образом все, что говорю великого о Сыне, переходит на Отца. И если это малое и ничтожное (а подлинно мало для славы Божьей, что Ему поклоняется вселенная) служит во славу Божью, то не гораздо ли более – все прочее?

5. Итак, будем веровать во славу Его и жить во славу Его. Одно без другого бесполезно, так что, если прославляем хорошо, а живем нехорошо, то весьма оскорбляем Его, потому что, признавая Его Владыкой и Учителем, презираем Его и не боимся страшного суда Его. Нечистая жизнь эллинов (язычников) нимало не удивительна, и не заслуживает большего осуждения; но подобная нечистая жизнь христиан, участвующих в таковых таинствах, наслаждающихся такой славой, всего хуже и несноснее. Скажи мне: (Христос) был послушлив до крайней степени повиновения, и за это получил высокую честь; Он сделался рабом, и за это Он Владыка всего, и ангелов и всех прочих. Потому и мы не должны думать, что становимся ниже своего достоинства, когда сами смиряемся. Тогда-то по всей справедливости мы и выше; тогда-то особенно и достойны почтения. А что высокий низок, смиренный же высок, – (в доказательство этого) достаточно и слов Христовых, выражающих это. Впрочем, исследуем самое дело. Что значит быть смиренным? Не то ли, что терпеть унижение, порицание и клеветы? А что значит быть высоким? Не то ли, что быть в почтении, в похвале, в славе? Хорошо. Посмотрим же, как это бывает. Сатана был ангел, и превознесся. Что же, не более ли всех унижен? Не землю ли имеет он своим жилищем? Не все ли порицают и хулят его? Павел, будучи человеком, унижил себя. Что же, не почитают ли его? Не хвалят ли его? Не прославляют ли его? Не друг ли он Христов? Не совершил ли он дел больше тех, которые Христос сотворил? Не повелевал ли он часто дьяволу, как невольнику? Не оглашал ли его, как палача? Не смеялся ли над ним? Не попирали ли головы его своими ногами? Не молился ли об этом с великим дерзновением и для других? Что об этом говорит? Вознесся Авессалом, смирился Давид: кто же из них стал высок, кто славен? Что, в самом деле, могло быть смиреннее слов, которые блаженный этот пророк произнес касательно Семеня: «оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему» (2Цар.16:11)? Если угодно, исследуем также и самые дела. Смирился мытарь; хотя поступок этот и не был смиренномудрием, но как-то кротки сказанные им слова. Вознесся фарисей.

Но, пожалуй, оставим лица, исследуем дела. Пусть предстанут двое какие-нибудь, оба и богатые, и имеющие великую честь, и гордящиеся мудростью, властью и другими мирскими преимуществами. И пусть один из них ищет от всех почестей, и, не получая их, гневается, требует сверх должного и возносятся. А другой пусть пренебрегает этим, ни на кого не досадует за то, даже и воздаваемую честь отвергает. Кто же из них больше – не получающий и ищущий, или же пренебрегающий и тем, что дают?

Ясно, что последний. И справедливо. Ведь не иначе можно получить славу, как избегая славы: доколь мы гоняемся за нею, она убегает от нас; а когда бегаем от нее, она преследует нас. Если хочешь быть славен, не желай славы; если хочешь быть высок, не будь высок. Но есть и другая причина, почему чуждающегося чести все почитают, а ищущего ее презирают, – именно та, что род человеческий по природе как-то любить спорить и противодействовать. Итак, будем пренебрегать славой: таким образом сможем сделаться смиренными, или лучше, высокими. Чтобы быть вознесенным от другого, не возноси сам себя. Кто сам себя возносит, того не возносят другие; а кто унижает сам себя, того другие не унижают. Гордость – великое зло. Лучше быть глупым, нежели гордым; у первого обнаруживается лишь глупость, как недостаток ума, а у последнего хуже – глупость вместе с неистовством. Глупый – зло для самого себя; а гордый и для других язва. Гордость рождается от глупости; нельзя быть высокоумным, не будучи глупым; кто слишком глуп, тот и горд. Послушай, что говорит один мудрец: «Видал ли ты человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него» (Притч. 26:12). Видишь ли, не напрасно я сказал, что это зло хуже глупости? «На глупого, – сказано, – больше надежды, нежели на него». Потому и Павел говорит: «Не мечтайте о себе» (Рим. 12:16). В телах, скажи мне, какие (части) мы называем здоровыми? Те ли, которые слишком вздулись и очень наполнены воздухом и водой, или ровные и имеющие умеренную величину? Очевидно, что последние. Так и душа надменная имеет болезнь хуже водянки, а смиренная свободна от всякого недуга. А сколько доброго рождает в нас смиренномудрие? Что хочешь? Терпения ли в напастях? Незлобия ли? Человеколюбия ли? Трезвости ли? Внимательности ли? Все эти добродетели (происходят) от смиренномудрия; а от гордости противное. Гордый необходимо бывает и обидчик, и драчун, и гневлив, и жесток, и угрюм, и более зверь, нежели человек. Ты силен и высокоумствуешь? Но поэтому тебе следует более смиряться. Для чего ты много думаешь о ничтожной вещи? Ведь и лев смелее тебя, и вепрь сильнее; а ты в сравнении с ними ничтожнее даже комара. И разбойники, и гробокопатели, и единоборцы, и собственные твои рабы, в том числе, быть может, самые глупые, сильнее тебя. Итак, стоит ли хвалиться этим, и не унижаешь ли ты сам себя, гордясь этим? Ты благообразен и красив? Это хвастовство свойственно воронам. Ты не красивее павлина, ни по цвету, ни по перьям; в этом птица имеет преимущество; она много превосходит тебя перьями, цветом. И лебедь весьма красив, и многие другие птицы, с которыми если ты сравнишь себя,

то сам себе покажешься ничтожным. При том часто и дети низкого состояния, и девицы незамужние, и блудные жены, и мужи женоподобные хвалятся этим. Итак, стоит ли этим гордиться?

6. Но ты богат? Чем? Что ты приобрел? Золото, серебро, драгоценные камни? Этим могут хвалиться и разбойники, и человекоубийцы, и работающие в рудниках. Значит, труд осужденных для тебя похвала. Но ты украшаешься и наряжаешься? И коней можно видеть в нарядной упряжи; у персов можно видеть и верблюдов красиво убранных; а между людьми – и всех появляющихся на сцене. Итак, не стыдно ли тебе много думать о том, что у тебя общее с бессловесными животными, и рабами, и человекоубийцами, и женоподобными, и разбойниками, и гробокопателями? Но ты строишь великолепные палаты? Что ж такое? многие галки живут еще в более великолепных, привитают даже в священных (местах). Разве не видишь, что дома сумасбродных богачей, построенные на полях и пустых местах, служат пристанищем для галок? Ты гордишься голосом? однако ж ты никогда не можешь петь приятнее лебедя и соловья. Гордишься разносторонностью в искусстве? Но кто в этом отношении мудрее пчелы? Какой искусник, какой живописец, какой геометр сможет подражать работам ее? Гордишься тонкостью одежды? Но в этом превосходят тебя пауки. Гордишься быстротой ног? И в этом преимущество принадлежит бессловесным, зайцу и серне, да и многие из домашнего скота не уступят тебе в быстроте ног. Ты путешествуешь? Но не больше птиц; они гораздо удобнее совершают путешествие, не имеют нужды ни в путевом запасе, ни во вьючном скоте, довольствуются для всего крыльями; крылья у них и корабль, и вьючный скот, и повозка, и ветер, и вообще все, что угодно. Ты имеешь острое зрение? Но не как серна, и не как орел. Ты имеешь тонкий слух? Но у осла еще тоньше. Ты имеешь обоняние? Но собака не даст тебе превзойти себя в этом. Ты способен готовить запасы? Но уступаешь в этом муравью. Ты носишь золотую одежду? Но не такую, как индийские муравьи. Ты здоров? Но бессловесные много превосходят нас и здоровьем и средствами; они не боятся нищеты. "Взгляните, – сказано, – на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы» (Мф. 6:26). Итак, скажут, Бог сотворил бессловесных лучшими, нежели нас. Видишь ли, какое безрассудство? Видишь ли, какая необдуманность? Видишь ли, сколько предметов открывает нам исследование? Почитающий себя выше всех людей оказался ниже и бессловесных. Но пощадим его, подражать же ему не будем, и низведши его на степень бессловесных за то, что он возмечтал о себе выше нашего естества, не оставим его, но возведем отсюда, не ради

него, – он заслужил такое состояние, – но ради того, чтобы проявилось человеколюбие Божье и та честь, которой мы удостоены.

Есть, подлинно есть у нас нечто такое, к чему бессловесные вовсе непричастны. Что ж это такое? Благодетельность и добродетельная жизнь. Здесь не может быть речи ни о блудниках, ни о женоподобных, ни о человекоубийцах: мы далеки от них. Что ж это такое? Мы знаем Бога, признаем Его промысел, любомудрствуем о бессмертии: в этом отношении бессловесные уступают. Мы судим об этом здраво, не сомневаясь: в этом отношении бессловесные не имеют ничего общего с нами. Мы, будучи слабее всех животных, обладаем ими. В том и состоит превосходство власти, что мы, при всех недостатках в сравнении с животными, царствуем над ними; а это для того, чтобы ты понял, что не ты виновник этого, но Бог, сотворивший тебя и даровавший тебе разум. Мы ставим для них сети и тенета, загоняем их, и овладеваем ими. У нас целомудрие, скромность, кротость, презрение к деньгам. Но так как ты, принадлежащий к числу гордых, не имеешь ни одной из этих добродетелей, то конечно ты ставишь себя либо выше людей, либо ниже и бессловесных. Такова-то гордость и дерзость: она или слишком возносится, или слишком унижается, ни в чем не соблюдая меры. Мы (своими добродетелями) равняем ангелам; нам обещано царство и торжество со Христом. Человек терпит удары и не падает, он презирает смерть, не трепещет, не боится ее и не желает большего. Потому все, которые не таковы, хуже бессловесных. Действительно, если ты имеешь много телесных преимуществ, а душевных не имеешь, то как же ты не хуже бессловесных? Представь себе кого-либо самого порочного, живущего в неге и изобилии: конь способнее его к войне, вепрь крепче, заяц быстрее, павлин красивее, лебедь благозвучнее, слон больше, орел зорче, все птицы богаче. Почему же ты достоин чести обладать бессловесными? По разуму? Но нет. Если ты употребляешь его ненадлежащим образом, то опять ты хуже их, потому что когда ты, имея разум, бываешь глупее бессловесных, то лучше было бы, если б ты сначала не был разумным. Не одно и то же – принявши власть, потерять ее, и не принимать в самом начале. Для царя, который хуже оруженосцев, было бы лучше, если бы он не облакался в порфиру. Так точно и здесь. Итак, зная, что без добродетели мы хуже бессловесных, будем подвигаться в ней, чтобы быть людьми, или лучше – ангелами, и наслаждаться обещанными благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Фил.2:12–16. Итак, возлюбленные мои, как вы всегда были послушны, не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению. Все делайте без ропота и сомнения, чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божьими непорочными среди строптивного и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире, содержа слово жизни, к похвале моей в день Христов.

О страхе Божьем. – Не нужно роптать.

1. Увещания должно соединять с похвалой. Тогда они и удобоприемлемы бывают, когда увещаемым указываем мы на их собственную ревность, как и Павел здесь делает. И смотри, как благоразумно: «Итак, возлюбленные мои», – говорит. Не сказал просто: послушайте, но сперва похвалил, и сказал: «Как вы всегда были послушны», т. е. прошу вас подражать не другим, а Себе самим. «Не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего». Почему «гораздо более ныне во время отсутствия моего»? Тогда могло бы показаться, что вы все делаете из почтения ко мне и из стыда; а теперь нет. Потому, если окажется, что вы теперь ревностны, то явно, что и тогда вы были таковы не для меня, а для Бога. Чего ты хочешь (Павел), скажи? Того (говорит), чтобы вы не слушали только меня, но и со страхом и трепетом делали свое спасение, так как, живя без страха, нельзя совершить ничего благородного и удивительного. И не просто сказал: «Со страхом», но присовокупил: «и трепетом», – что составляет высшую степень страха, – желая сделать (филиппийцев) более внимательными. Такой страх имел Павел. Потому он и говорил: боюсь, «дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1Кор.9:27). Действительно, если житейских дел нельзя совершать без страха, то не тем ли более духовных? Скажи мне: кто выучился грамоте без страха? Кто сделался опытным в искусстве без страха? Если же там, где не подстерегает дьявол, а только леность тяготит, нужен нам такой страх, чтобы отвратить естественное только нерадение, то при такой борьбе, при таких препятствиях, как можно спастись когда-либо без страха? Как же может родиться этот страх? Если мы будем помышлять, что Бог везде присутствует, все слышит, все видит, не только дела и слова, но и все происходящее в сердце, и в глубине души: «И судит помышления и

намерения сердечные» (Евр. 4:12). Если так настроим себя, то и не сделаем, и не скажем, и не помыслим ничего худого.

Вот, скажи мне, если бы ты всегда стоял близ твоего начальника, то не со страхом ли бы стоял? Как же, предстоя пред Богом, смеешься, прислоняешься (к стене), не боишься и не трепещешь? Не пренебрегай Его долготерпением, с которым Он ведет тебя к покаянию; что бы ты ни делал, – делай с мыслью о вездеприсутствии Божьем. Он действительно везде присутствует, а потому, принимаешь ли пищу, располагаешься ли спать, гневаешься ли, похищаешь ли что, предаешься ли удовольствиям, или что другое делаешь, – вспомни о присутствии Божьем, и никогда не предашься смеху, никогда не воспламенишься гневом. Если такую мысль будешь иметь постоянно, то постоянно будешь в страхе и трепете, как бы стоял близ самого царя. Зодчий, хотя и опытен, хотя и очень искусен, все же стоит со страхом и трепетом, боясь упасть с здания. И ты уверовал, совершил много доброго, взошел на высоту: держи же себя крепко, стой со страхом, и смотри бодро, чтобы не упасть оттуда. Много ведь духов злобы, хотящих низвергнуть тебя. "Служите, – сказано, – Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом» (Пс. 2:11). Как же может быть радость с трепетом? Она-то одна и есть радость. Мы тогда только и радуемся, когда сделаем что-либо доброе, и такое, что свойственно делаемым с трепетом. «Со страхом и трепетом совершайте свое спасение». (Апостол) не сказал: делайте, но: «совершайте», т. е. с великим старанием, с великим усердием. А так как словами: «Со страхом и трепетом» сделал их боязливыми, то смотри, как он смягчает боязливость. Что именно говорит? «Потому что Бог производит в вас». Не бойся, что я сказал: «Со страхом и трепетом». Я сказал не для того, чтобы ты отказался, чтобы почитал добродетель чем-то недоступным; но чтобы ты был внимателен, чтобы не рассеивался. Если это будет, то Бог все сделает, а ты дерзай: «Потому что Бог производит в вас». Потому, если Он сам действует, то мы должны (с своей стороны) показывать намерение постоянно твердое, сосредоточенное, не рассеянное. «Потому что Бог производит в вас и хотение и действие». Если Он действует в нас "и хотение", то как же ты побуждаешь нас? Если Бог действует в нас "и хотение", то напрасно говоришь нам: "послушны", – мы не (сами по себе) слушаемся. Напрасно говоришь: «Со страхом и трепетом», потому что все есть дело Божье. Не для того я сказал: «Потому что Бог производит в вас и хотение и действие»; но для того, чтобы ослабить вашу боязливость. Когда ты захочешь, тогда и Он будет действовать "и хотение". Не бойся и не изнемогай; Он дает нам и усердие и самую деятельность. Когда мы захотим, то Он еще усилит наше хотение.

Например, я хочу сделать что-либо доброе: Он совершает это доброе, Он же производит и хотение. Или (так нужно понимать слова апостола, или он) говорит это по особенной предусмотрительности, подобно тому, как и добродетели наши называет дарами (Божьими).

2. Потому, как, называя добродетели дарами (Божьими), не отнимает у нас самодеятельности, но оставляет ее в нас, так и словами: «Бог производит» в нас "и хотение" не лишает нас самодеятельности, но показывает, что через доброе действие мы приобретаем большую расположенность (к хотению). Как от делания рождается охота делать, так от неделания происходит нежелание делать. Подал ты милостыню? Более расположил себя к даянию. А не подал? Меньше стал расположен к даянию. Провел воздержно один день? Имеешь побуждение и на другой. Поленился ли? Усилил леность «С приходом нечестивого, – сказано, – приходит и презрение» (Притч. 18:3). Следовательно, как пришедший во глубину зол нерадит, так пришедший во глубину благ тщится. Как тот, отчаявшись, делается более нерадивым, так этот, помышляя о множестве добрых дел, делается рачительнее, боясь, чтобы не потерять всего. «По Своему благоволению», – говорит, т. е. по любви (к Богу), для угождения Ему, чтобы совершалось приятное Ему и по Его воле. Здесь (апостол) показывает и уверяет, что точно (Бог) действует, так как Он желает, чтобы мы жили по Его воле. А если Он желает этого, и при том сам действует, то конечно и это сделает, потому что Он хочет, чтобы мы жили праведно. Видишь ли, как не отнимается самодеятельность? «Все делайте, – говорит, – без ропота и сомнения». Дьявол, когда не в силах отвлечь нас от делания добра, тогда иным образом старается лишить нас награды: он внушает или тщеславие, или гордость, а если не это, то ропот; если же ничего такого, то сомнение. Итак, смотри, как Павел очищает это. Он сказал о смиренномудрии, что вы уже слышали, чтобы истребить гордость; сказал о тщеславии, чтобы низложить надменность. Выше говорил: «Не только в присутствии моем»; а здесь говорит о ропоте и сомнении. Почему же он, истребляя эту страсть в коринфянах, упомянул и об израильтянах; а здесь не сказал ничего такого, но просто повелел? Потому что там (страсть) эта уже была, вследствие того нужно было нанести и удар сильнее, и сделать больший выговор; а здесь он увещевает, чтобы не было ее. Не согрешивших еще было бы излишне предостерегать укоризнами. Потому и побуждая к смиренномудрии, не предложил примера евангельского, где гордые унижены; но для убеждения представил в пример Бога, и беседует с ними, как с свободными, как с родными детьми, а не как с рабами. Ведь благоразумный и благородный побуждается к добрым делам примером

добродетельных, а безрассудный – не их примером, но наказываемых; тот – честью, а этот – наказанием. Потому и в послании к Евреям вывел на сцену Исава, который за одну снедь продал первородство; и еще: «Вот, душа надменная не успокоится» (Авв. 2:4; Евр. 10:38). И между коринфянами много было любодействовавших, почему (апостол) и сказал: «Чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали» (2Кор. 12:21). «Чтобы вам быть, – говорит, – неукоризненными и чистыми», т. е. беспорочны и чисты, так как ропот налагает немалое пятно. Что же значит: «без сомнения»? Хорошо ли мне, или нехорошо? Не рассуждайте, говорит, хотя бы труд предстоял, хотя бы скорбь, хотя бы что другое. Не сказал: да не будете наказаны, – потому что наказание полагается за дело, в послании к Коринфянам он и на это указал, здесь же ничего такого не сказал, – но: «Чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божьими непорочными среди строптивного и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире, содержа слово жизни, к похвале моей в день Христов».

Видишь ли, что (апостол) научает (филиппийцев) не роптать? Ропот свойствен рабам непризнательным и бесчувственным. В самом деле, скажи мне, какой сын ропщет, трудясь на пользу отца, и трудясь для самого себя? Подумай, говорит он, что ты трудишься для самого себя, что собираешь себе самому. Роптать – дело тех, которые трудятся для других, работают на других; а тому, кто собирает для себя самого, из-за чего роптать? из-за того ли, что не увеличивается его богатство? Но это не причина. Зачем роптать тому, кто трудится добровольно, без принуждения? Лучше ничего не делать, нежели делать с ропотом, так как при этом и самое дело теряет цену. Или не видишь, что и в домах наших мы всегда говорим так: лучше бы этого не делать, нежели делать с ропотом? И часто решаемся лучше лишиться своей прислуги, нежели терпеть ропщущего. Тяжел, несносен ропот; он близок к хуле. Иначе за что бы те (роптавшие) были так наказаны? Ропот – это неблагодарность. Ропщущий неблагодарен Богу; а неблагодарный Богу подлинно есть и хульник. И что особенно важно – тогда были непрерывные искушения, и частые опасности, не было никакого покоя, никакой отрады, тысячи бед лились отовсюду; а ныне глубокий мир, ныне спокойствие.

3. Отчего же ты ропщешь? Оттого ли, что беден? Но подумай об Иове. Оттого ли что болен? Что же было бы, если бы ты и одержим был болезнью, и вместе сознавал в себе столько совершенств и добродетелей,

сколько тот святой? Представь еще и то, что он долго был весь в червях, сидел на гноище и непрестанно соскабливал гной: "И сказала, – сказано, – ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри» (Иов. 2:9). Но у тебя умер сын? Что ж, если бы ты, подобно ему, лишился всех, и при том лютой смертью? Вы знаете, хорошо знаете, что (для родителей) много утешения, – сидеть при больном, сомкнуть уста, закрыть глаза, прикоснуться к щекам, услышать последние слова. Но этот праведник ничего такого не сподобился; все (его дети) вместе были засыпаны. И что я говорю это? Коли бы тебе, как блаженному тому патриарху, повелено было самому закласть своего сына, принести его в жертву и видеть его сожженным, – что бы ты сделал? А каков он был, когда созидал жертвенник, возлагал дрова и вязал отрока? Тебя некоторые поносят? Что же было бы с тобою, когда бы ты услышал это от друзей, пришедших для утешения? Ныне мы имеем много грехов, и справедливо поносят нас; а тогда «непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» (Иов. 1:1) от друзей слышал противное (этим его качествам). Что же, скажи мне, если бы ты от жены услышал укоризны: «Да померкнут звезды рассвета ее: пусть ждет она света, и он не приходит, и да не увидит она ресниц денницы» (Иов. 3:9)? Для чего ты говоришь это, безумная? Ужели муж – виновник этого для тебя? Не он, а дьявол. «Похули Бога, – говорит, – и умри". Разве легче было бы тебе, когда бы лежащий (муж твой) сказал, и умер? Нет болезни, которая была бы тяжелее этой, хотя бы ты указал тысячи. Она (болезнь Иова) такова была, что он не мог даже оставаться в доме и под кровом, такова, что все отступились (от него). Если бы он не страдал неизлечимо, то не сидел бы вне города, будучи в худшем состоянии, нежели одержимые проказой. Эти и в дома входят, и собираются друг с другом; а он, проводя ночи под открытым небом на гноище нагой, не мог надеть на себя и одежды. Почему? Потому, вероятно, что приложилась бы болезнь к болезням. «Тело мое одето, – говорит, – червями и пыльными струпами» (Иов. 7:5). Плоть его производила гной и червей, и это непрестанно. Видишь ли, как каждый из нас цепенеет, слыша это? Если же несносно слышать это, то сносно ли видеть? А если несносно видеть, то тем более терпеть. однако ж праведник терпел и при том не два или три дня, но долгое время, и не согрешил даже и устами своими. Какую ты можешь назвать мне болезнь, которая была бы соединена с столь многими страданиями? Не хуже ли слепоты это было? «Составляет отвратительную, – говорит, – пищу мою" (Иов. 6:7). И мало того, даже ночь и сон, доставляющие другим покой, ему не приносили никакой отрады, но были тяжелее всякой пытки. Послушай, что он говорит: для

чего «ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня» (Иов. 7:14)? При наступлении утра, я говорю: когда-то вечер? И в таких страданиях он не роптал. И не в них только было горе, но и в худом мнении многих: на него наконец стали смотреть, как на виновного в бесчисленных пороках, за которые он страдал. Даже друзья говорили ему: ты наказан по мере твоих грехов (Иов. 11:6). Поэтому и он говорил: «А ныне смеются надо мною младшие меня летами, те, которых отцов я не согласился бы поместить с псами стад моих» (Иов. 30:1). Скольких смертей это не тяжелее? однако ж, несмотря на то, что быть отовсюду обуреваем такими волнами, что отовсюду поднималась страшная непогода, тучи, буря, гром, водовороты, вихри, – он во время этих великих и страшных волн пребыл непоколебим, как бы в тихую погоду, и не роптал. И это было прежде благодати, прежде чем сказано было что-либо о воскресении, или о геенне, наказании и мучении. А мы, слыша и пророков, и апостолов, и евангелистов, видя бесчисленные примеры, и узнавши учение о воскресении, все еще негодуем, хотя никто не может сказать, что его постигли столь многие бедствия. В самом деле, если кто и лишился имущества, то не лишился еще стольких сыновей и дочерей; если же и лишился, то, быть может, за грехи. А он (лишился) внезапно, во время жертвоприношения, во время служения Богу. Если даже кто лишился и детей и вместе такого богатства, – что впрочем невозможно, – то не был весь в ранах, и не соскабливал гноя; а если и случилось так, то не имел нападающих и поносящих – что обыкновенно уязвляет нас более всего, более самых бедствий. Действительно, если мы во время бед, имея утешающих и ободряющих и возбуждающих благую надежду, так сетуем, то подумай, что было бы, когда бы мы имели еще поносящих? Если тяжело и несносно (выраженное в словах): «ждал сострадания, но нет его, – утешителей, но не нахожу» (Пс. 68:21), то каково – вместо утешающих найти поносящих? «Жалкие утешители все вы!» – говорит (Иов) (Иов. 16:2).

4. Если бы мы всегда имели это пред глазами, если бы размышляли об этом, то никакие обстоятельства не огорчали бы нас при виде этого подвижника, этой адамантовой души, этого крепкого – медного сердца. Он как будто обложен был медным или каменным телом, – все переносил мужественно и терпеливо. Помышляя об этом, будем все делать без ропота и сомнения. Делаешь ты что-либо доброе, и ропщешь? Почему? Разве настает тебе необходимость? Знаю, говорит (Павел) что многие из ближних ставят вас в необходимость – роптать (на это он намекает словами: «среди строптивного и развращенного рода»); но это-то и

удивительно – быть раздражаемым, и нисколько того не чувствовать. Звезды блистают ночью, видятся во тьме, и нисколько не теряют своей красоты, являются даже блистательнее, а при свете являются не в таком виде: так и ты сияешь более, когда остаешься правым среди развратных. Удивительное дело быть непорочным. А чтобы этого не говорили, – (апостол) предварительно сам сказал это. Что значит: «содержа слово жизни»? значит: имея жить (в будущем веке), принадлежа к числу спасаемых. Смотри, как скоро он полагает награды. Светила, говорит, заключают причину света, а вы причину жизни. Что значит: «слово жизни»? значит: имея семя жизни, т. е. имея залог жизни, содержа самую жизнь, т. е. имея семя жизни в вас. Вот что называет словом жизни. Следовательно прочие все мертвы: на это именно указал он, сказав таким образом, а иначе, и прочие заключали бы слово жизни. «К похвале моей», – говорит. Это что значит? И я, говорит, участвую в ваших благах. Добродетель ваша такова, что не только вас спасает, но и меня прославляет. Что же за похвала тебе, блаженный Павел? За нас тебя мучат, гонят, обижают. Потому-то и говорит: «В день Христов, что я не тщетно подвизался и не тщетно трудился»; но всегда имею хвалиться, говорит, «что я не тщетно трудился. Но если я и делаюсь жертвой» (Флп. 2:17). Не сказал: но если и умираю, подобно как и в послании к Тимофею, где употребил то же слово, говоря: «Ибо я уже становлюсь жертвой» (2Тим. 4:6). И утешает их относительно своей смерти, и научает охотно переносить смерть за Христа. Я делаюсь, говорит, как бы возлиянием и жертвой. О, блаженная душа! Жертвой называет приведение их. Подлинно, принести в жертву душу гораздо лучше, нежели принести волов.

Итак, если к этому приношению и сам себя присоединю, как возлияние, то радуюсь, говорит, о смерти моей. На это он и намекает, говоря: «За жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне» (Флп. 2:17–18). Почему сорадуешься? Видишь ли, как показывает, что и они должны радоваться? Радуюсь, говорит, потому что делаюсь воздаянием; а сорадуюсь, как приносящий жертву. Об этом же и вы радуйтесь, и сорадуйтесь, что я приношусь в жертву. Сорадуйтесь, говорит, мне радующемуся о своей смерти. Подлинно, кончина праведников достойна не слез, но радости. Если они радуются, то должно сорадоваться им. И неприлично нам плакать, когда они радуются. Но мы, говорят, желаем сожительства с ними! Это предлог, отговорка. Смотри, что завещевает он филиппийцам: «радуйтесь и сорадуйтесь мне». И ты желаешь сожительства с ними? Если бы ты сам здесь оставался, то справедливо бы

так говорил; если же немного спустя будешь там, где отошедший, то какого сожительства желаешь? Сожительства желает тот, кто навсегда разлучен: а если он идет с тобою по одному пути, то какого сожительства желаешь? Отчего мы не оплакиваем отправляющихся в путешествие, или, немного поплакавши, спустя день, два, перестаем? Если желаешь сожительства, то плачь лишь столько, сколько нужно для обнаружения в себе природы (человеческой); а потом радуйся, как и Павел, который говорил: не чувствую ни малейшей скорби, и даже радуюсь, отходя ко Христу: "радуйтесь, – говорит, – и сорадуйтесь мне». Будем же радоваться и мы, когда видим умирающим праведника, а более – когда видим умирающим кого-либо из отчаянных. Тот отходит с надеждой получить награду за труды свои, а этот пресекает грехи свои. Но может быть скажут: оставаясь в живых, он переменялся бы? Не взял бы его Бог, если бы он намерен был перемениться. Все устраивающий для нашего спасения почему бы не оставил (в живых) того, кто намерен благоугождать Ему? Если Он оставляет не исправляющихся, то тем более исправляющихся. Итак, вовсе перестанем печалиться, вовсе перестанем плакать, будем благодарить Бога за все, будем делать все без ропота, будем радоваться и благоугождать Ему во всем, чтобы получить и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Фил.2:19–21. Надеюсь же в Господе Иисусе вскоре послать к вам Тимофея, дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом. Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас, потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу.

Служившие ап. Павлу. – Должно служить святым. – Увещание к подаванию.

1. (Апостол) сказал: «Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большому успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим»; и еще: «Но если я и делаюсь жертвой за жертву и служение веры вашей» (Фил.1:12–13, 2:17), Этим утверждал их (филиппийцев). Быть может они подумали бы, что прежнее сказано для утешения. Что ж он делает, и как отклоняет такую мысль? говорит: Тимофея посылаю к вам, – так как они сильно желали слышать обо всем касательно его. Почему же он не сказал: чтобы вы узнали о моих обстоятельствах, но – чтобы я узнал о ваших? (Потому что) о его обстоятельствах, прежде Тимофея, мог возвестить Епафродит. Поэтому далее и говорит: «Впрочем, я почел нужным послать к вам Епафродита» (Фил.2:25). Желаю знать, говорит, о ваших обстоятельствах. Вероятно, (Епафродит) по телесной болезни долго пробыл при Павле, – потому и говорит, что непременно хочу знать о ваших обстоятельствах. Смотри, как все относить ко Христу, даже отправление Тимофея, говоря: «Надеюсь же в Господе Иисусе», т. е. я уверен, что Бог мне поможет в этом, «дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом». Как вас, говорит, ободрил я известием о том, о чем вы молились касательно меня, – что евангелие преуспевает, что (враги) посрамлены, что они доставили (мне) радость тем самым, чем думали вредить, – так и я желаю знать о ваших обстоятельствах, «дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом». Здесь показывает, что они должны радоваться об его узах, и последовать ему в этом: а действительно (узы) доставили ему великое утешение. Слова: «дабы и я утешился духом» значат: как и вы (благодушествуете). О, какую нужную любовь имел он к Македонии! И фессалоникийцам то же изъявляет, когда говорит: «Мы же... быв разлучены с вами на короткое время» (1Фес. 2:17). И здесь говорит: «Надеюсь к вам Тимофея», чтобы мне знать о ваших обстоятельствах. Это знак величайшего попечения. Когда сам не мог придти, то посылал учеников своих, не вынося даже и на короткое время

оставаться в неведении о происходящем у них: ведь не от духа же он все узнавал. Этому и надлежало быть. Если бы ученики были уверены в том, то сделались бы бесстыдными; а теперь, в чаянии укрыться, они удобнее исправлялись. Словами же: «Дабы и я утешился духом» – делал их более внимательными к себе и более рачительными, так что если бы Тимофей не пришел, то он нашел бы и другого, который бы известил его. (Однажды) и сам (апостол) употребил этот способ, отложив свое пришествие для того, чтобы исправились коринфяне. Потому и писал: «Щадя вас, я доселе не приходил в Коринф» (2Кор. 1:23). Любовь обнаруживается не через извещение только о своих обстоятельствах, но и через старание узнать об их обстоятельствах. Таково свойство души попечительной, души заботливой и всегда беспокоящейся.

А вместе и честь им делает, посылая Тимофея. Что ты говоришь? Посылаешь Тимофея? Почему? Да, говорит: «Ибо я не имею никого равноусердного», т. е. подобно мне заботливого, «кто бы столь искренно заботился о вас». Итак, он не имел при себе никого равноусердного? Никого. Что ж это значит? То же, что – подобно мне заботящегося и искущегося о вас. Иной не так легко, говорит, решился бы по этой причине совершить столь дальний путь. А Тимофей любит вас, как я. Можно бы послать и других, но такого никого нет. Следовательно быть равноусердным – значит любить учеников, подобно ему. "Кто бы, – говорит, – столь искренно заботился о вас», т. е. отечески. «Потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу», т.е. своего собственного покоя и безопасности. То же говорит он и в послании к Тимофею. Для чего он скорбит об этом? В намерении научить слушающих – не быть таковыми, научить слушающих – не искать праздности. Ищущий праздности ищет «не того, что угодно Иисусу Христу», но «все ищут своего»; а мы должны быть готовы на всякий труд, на все тягостное. «А его верность, – говорит, – вам известна, потому что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании» (Флп.2:22). Не без причины говорю это; вы сами знаете, что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании. Здесь справедливо похваляет Тимофея, чтобы они приняли его с великой честью. Это делает и в послании к Коринфянам, говоря: «Смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я» (1Кор. 16:10), – заботится не о нем, но о принимающих его, чтобы они получили за то великую награду. "Итак, – говорит, – я надеюсь послать его тотчас же, как скоро узнаю, что будет со мною» (Флп.2:23), т. е., когда увижу, в каком состоянии буду, и какой конец будут иметь мои дела. «Я уверен в Господе, что и сам скоро приду к вам» (Флп.2:24). Не потому посылаю его

(Тимофея), будто сам не приду, но чтобы мне ободриться, узнав о ваших обстоятельствах, и чтобы в этот промежуток времени не находиться в неведении. «Я уверен в Господе», говорит, т. е. ежели Богу будет угодно.

2. Смотри, как все приписывает Богу, и ничего не говорит от своего ума. «Впрочем я почел нужным послать к вам Епафродита, брата и сотрудника и сподвижника моего» (Флп.2:25). И его посылает опять с такими же похвалами, с какими и Тимофея. В этом последнем он указывает следующие два качества: что он любит их, словами: «Кто бы столь искренно заботился о вас», и – что он заслужил похвалу в благовестии. И Епафродита похвалил за то же, и для той же цели, для какой и Тимофея. Как? Сказать: «брата и сотрудника», и не остановиться на этом, но прибавить еще: «и сподвижника», значит показать его великое участие в бедах и засвидетельствовать о нем то же, что и о себе самом. «Сподвижника» же больше значит, нежели «сотрудника». Иной мог быть сотрудником в делах легких, но не в брани и бедах; а словом: «сподвижника» (апостол) показал и это последнее. "А вашего, – говорит, – посланника и служителя в нужде моей, послать к вам», – т. е., наше вам дарю. Или иначе: вашего, или – учащего нас, к вам посылаю. Потом многое присовокупляет о любви его, говоря: «Потому что он сильно желал видеть всех вас и тяжко скорбел о том, что до вас дошел слух о его болезни. Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали» (Флп.2:26–27). Здесь (апостол) внушает и другое, т. е. что и он (Епафродит) очень знает, что вы его любите. А это немалое побуждение к любви. Каким образом? Он болен был, говорит, и вы болезновали; он выздоровел, и вас избавил от печали, которую вы имели по причине его болезни. Сам однако ж был не без печали; но скорбел о том, что, выздоровевши, не видал вас. Здесь и другое внушает, – оправдывается в том, что посылает к ним спустя довольно времени: не по беспечности, говорит, но потому удерживал Тимофея, что никого не имел («Ибо я не имею никого, – говорит, – равно усердного»), Епафродита же – по болезни. Потом, показывая, что болезнь его была продолжительна и долго изнуряла (его), говорит: «Ибо он был болен при смерти». Видишь ли, сколько Павел заботится о том, чтобы отклонить от души учеников всякую мысль о беспечности и небрежении, и чтобы они не подумали, будто он пренебрегает ими, и потому не пришел? Ничто не способно так привлечь ученика, как убеждение, что учитель и печется, и скорбит о нем. Это знак чрезвычайной любви. «До вас дошел слух, – говорит, – о его болезни. Ибо он был болен при смерти». И что я говорю не притворяясь, то послушайте: «Но Бог помиловал его». Что

скажешь ты, еретик? Здесь (апостол) называет милостью Божьей то, что Он сохранил человека близкого к смерти, и возвратил его к жизни. Но если мир зло, то оставлять во зле не есть милость.

Впрочем с еретиком легко говорить; а что скажем христианину? Ведь и он, может быть, усомнится и скажет: если «Разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Фил.1:23), то для чего говорит, что (Бог) помиловал его? А я спрошу: почему он говорит: «А оставаться во плоти нужнее для вас» (Фил.1:24)? Это нужно было сколько апостолу, столько же и Епафродиту, имевшему отойти к Богу с большим богатством и с большим дерзновением. И хотя этого теперь не случилось, но имело быть потом; а приобрести души, отошедши туда, уже невозможно. Павел говорит также многое и применительно к обычному понятию слушающих, и не везде любомудрствует, так как слово его было к людям мирским, которые боялись еще смерти. Потом показывает, каким у него мнением пользуется Епафродит, и через то делает его достопочтенным, называя именно его спасение настолько полезным для себя, что сам через него помилован. Впрочем и кроме того, настоящая жизнь есть добро; а если не добро, то для чего (апостол) преждевременную смерть поставляет в числе наказаний? Например, он говорит: «Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает» (1Кор.11:30). Будущая жизнь для человека злого не лучше, потому что она не добра, а для доброго лучше. "Чтобы, – говорит, – не прибавилась мне печаль к печали» – скорбь о смерти на скорбь о болезни. Этим показывает, насколько он почитает Епафродита. «Посему я скорее послал его» (Флп.2:28). Что значит – "скорее"? значит – без отлагательства, без замедления, с большой поспешностью, приказавши все оставить и идти к вам, чтобы освободить от печали. Мы радуемся не столько тогда, когда слышим, что любимые (нами) здоровы, сколько в то время, когда видим (их таковыми), и особенно если это случится сверх чаяния, как случилось тогда с Епафродитом. «Посему я скорее, – говорит, – послал его, чтобы вы, увидев его снова, возрадовались, и я был менее печален». Как «менее печален»? Так, что если вы радуетесь, то и я радуюсь, и он радуется такой же радостью. «И я был менее печален». Не сказал: беспечален, но – «менее печален», показывая, что душа его никогда не была без печали. Когда в самом деле был без печали говорящий: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2Кор.11:29)? Как бы так сказал: эту печаль отлагаю. «Примите же его в Господе со всякой радостью» (Флп.2:29). "В Господе" – то же, что духовно, то есть, с великим тщанием; а лучше, "в Господе" – значит по воле Божьей.

Примите, как следует святым, и как надлежит принимать святых: "Со всякой, – говорит, – радостью".

3. Все это делает для них самих, а не для посылаемых, потому что больше пользы делающему добро, нежели кому его делают. «И таких имейте в уважении», – т. е., примите его, как следует принимать святых. «Ибо он за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне» (Флп.2:30). Епафродит был послан филиппийцами от лица всего города, чтобы послужить Павлу, или, может быть, пришел к нему и для доставления чего-нибудь. А что он принес и деньги, на это указывает (апостол) в конце послания, говоря: «Получив от Епафродита посланное вами» (Фил.4:18). Вероятно, он, пришедши в город Рим, нашел Павла в такой большой и тяжелой беде, что даже приближенным невозможно было приходиться к нему безопасно, но и они приходили с опаской. Это обыкновенно бывает, особенно в больших бедах, и в случае чрезвычайного царского гнева. Когда кто, оскорбивши царя, бывает заключен в темницу, и находится под крепкой стражей, тогда воспрещается к нему приходиться даже домашним, – что вероятно было тогда и с Павлом; а Епафродит, как муж неустрашимый, пренебрег всей опасностью, только бы придти и послужить (Павлу), и сделать все, что нужно было. Итак, (апостол) по двум причинам представляет его достойным почтения: во-первых, говорит, он подвергался для меня смертной опасности; а во-вторых, он потерпел это, будучи представителем города, так что награда за его опасность вменялась пославшим его, – потому что город отправил его в виде посланника. Поэтому принять его с почтением и благодарить за услуги значит – сделаться особенным участником в том, на что он отваживался. И не сказал: для меня, но, с целью большего удостоверения, говорит: «за дело» Божье. Не для меня, но для Бога он был «близок к смерти». Что же? Хотя он и не умер, по Божью устроению, однако ж, подвергался опасности и предавал себя самого так, что не отрекся бы от служения мне, что бы ни привелось потерпеть. Если же он для служения Павлу предавал себя на смерть, тем более сделал бы это для проповеди; или лучше – умереть для Павла было то же, что и для проповеди. Не только за отказ принести жертву (идолам) можно получить венец мученический, но и таковые случаи делают мучеником; и если что следует назвать удивительным, то скорее последние случаи, нежели первые. Кто за меньшее дело решается на смерть, тот тем более (решится) за большее. Потому и мы, когда увидим святых в бедах, то не будем щадить себя. Нерешительный никогда не может сделать ничего благородного; кто заботится о безопасности здесь,

тот необходимо лишается ее в будущем. «Дабы восполнить, – говорит, – недостаток ваших услуг мне». Что это значит? Город не был со мною, но оказал мне всякую услугу через него, прислав его. Следовательно недостаток вашего служения он восполнил. И потому он имеет право получить великую честь, так как он один сделал за вас то, что следовало сделать всем. (Апостол) указывает и на первую услугу, которую оказали бедствующим находящиеся в безопасности. Слова: «недостаток ваших услуг» указывают именно на нее. Видишь ли высокое чувство апостола? Оно происходит не от гордости, но от великой заботливости об них. Дело их он называет служением и лишением, чтобы они не возносились, но были скромны; чтобы не думали, что сделали нечто великое, но смирились. Потому не будем и мы высокоумствовать, когда что-либо даем святым, и не будем думать, что в этом случае мы им дарим. Мы обязаны делать это святым, и ничего им не дарим. Как состоящим в войске и ведущим войну остающиеся на мирном положении и не участвующие в войне обязаны доставлять содержание, – потому что те стоят за них, – так и здесь. Если бы Павел не учил, то кто бы его ввергнул тогда в темницу? Следовательно должно служить святым. Если ополчающемуся за царя земного следует доставлять все, и одежду и пищу, не в меру надобности только, но и с избытком, – то как не доставлять самого даже необходимого воинствующему за Царя небесного, и борющемуся с врагами более страшными, о которых сказано: «Потому что наша брань не против крови и плоти» (Еф. 6:12)? Какая непризнательность! Какая неблагодарность! Какая скупость!

4. Но, как видно, на нас действует больше страх человеческий, нежели (страх) геенны и будущих мучений. Потому-то все извратилось, – гражданские дела отправляются ежедневно с великим рачением и опущения не бывает, а о духовных нигде и мысли никакой нет. Чего требуют с принуждением и вымогательством, как от рабов и невольников, то выполняется с великой готовностью, а предоставляемое доброй нашей воле и свободе – все оставляется. Говорю не против всех, но против тех, которые отказывают в подаянии. Ужели Бог не может поставить этого в необходимую обязанность? Но Он не хочет: Он щадит вас более, нежели питаемых вами. Потому Он хочет, чтобы вы делали это не по принуждению, так как за то нет награды. Однако ж многие из находящихся здесь ниже иудеев. Подумай, сколько иудеи давали – десятин, начатков, еще десятин, и еще других десятин, да еще иных тридесятин и сикль, – и никто не говорил, что (священники) много сдают. Чем больше они получили бы, тем больше награды (дающим). (иудеи) не

говорили: много берут, обедаются, что ныне, слышу, говорят некоторые. И строящие дома, и покупающие поля представляют себя ничего не имеющими; а если кто из иереев наденет одежду посветлее, или обладает в достаточном количестве потребной пищей, или же имеет прислугу, чтобы не быть вынужденным самому делать непристойное (сану), то это считается богатством. Подлинно, и тем мы богаты, – сами они против воли это признают, – мы, хотя имеем мало, богаты; а они, хотя и всем владеют, бедны. Доколь будем поступать неразумно? Или не довольно для вас наказания за то, что вы ничего не делаете, – нужно еще прилагать наказание и за злоречие? Если бы ты даже сам дал ему то, что он имеет, то потерял бы награду, когда бы упрекнул его тем, что ты дал: вообще, если ты дал, то за что упрекаешь? Говоря, что ты дал ему то, что он имеет, этим прежде всего ты свидетельствуешь о его нищете: для чего же упрекаешь? Не нужно было давать, когда ты намерен был упрекать. Но ты говоришь так, когда другой дает? Грех еще более тяжкий, потому что, сам ничего не давши, упрекаешь тем, что другой благодворит. Какая, полагаешь ты, награда тем, которые слушают эти упреки? Та, что они терпят это для Бога. Как и почему? Они могли бы, если бы захотели, заниматься мелочной торговлей, хотя и не наследовали (этого) от предков. Еще, когда мы говорим, что такой-то беден, то слышу, многие бесстыдно говорят: если бы захотел, то мог бы быть богатым; потом язвительно прибавляют: дед его и прадед его и такой-то были таковы-то; а он вот в какую нарядился одежду. Что ж? Скажи мне, ужели ему надлежало ходить нагим? Ты что-то очень старательно рассказываешь об этом: смотри, как бы слова твои не обратились против тебя самого.

Слушай увещание Христово: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7:1). Он мог бы, если бы захотел, заниматься торговым и купеческим делом, и конечно не терпел бы недостатка; но не захотел. Какая же отсюда для него польза, скажи мне? Носит шелковые одежды? В сопровождении толпы, гордо расхаживает по рынку? Несется на коне? Или строит дома, имея где прожить? Если он делает это, то и я осуждаю и не щаю его, даже признаю его недостойным священства. Как в самом деле он может убеждать других, чтобы не занимались этими излишествами, когда сам себя не может убедить? Если же грешит он тем, что имеет в изобилии необходимую пищу, то неужели следовало ему ходить по миру и просить подаяния? И не стыдно ли было бы тебе, ученику (его), скажи мне? Если бы и отец плотской это делал, ты почел бы бесчестием; а если (отец) духовный принужден это делать, ужели тебе не стыдно? Ужели не почтешь за лучшее скрыться? «И позор детям, – сказано, – мать в

бесславию» (Сир. 3:11). Что же? Или умереть ему с голоду? Но и это несвойственно человеку благочестивому, потому что неуютно Богу. Впрочем, когда мы говорим им это, они тотчас предлагают свои умуствования. Написано, говорят: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха» (Мф. 10:9, 10); а они имеют по три и по четыре одежды, и убранные постели. Пришлось мне горько вздохнуть теперь; а если бы не было неприлично, то и заплакал бы. Отчего? Оттого, что мы так тщательно замечаем сучки у других, а сами, имея в глазах бревна, и не чувствуем того. Скажи мне, почему ты не говоришь этого о себе самом? Потому, говорят, что это заповедано только учителям. Следовательно, когда Павел говорит: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1Тим. 6:8), говорит одним учителям? нет, – всем людям. Это ясно будет, если прочтем это место, начав повыше. Апостол, сказавши: «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным» (1Тим. 6:6), потом: «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него» (1Тим. 6:7), тотчас присовокупил: «А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу» (1Тим. 6:9).

5. Видишь ли, что речь относится ко всем? Что же, когда говорит опять: «Попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим. 13:14), не ко всем ли вообще говорит? Что же, когда говорит: «Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое» (1Кор. 6:13)? Что же, когда, беседуя о вдовице, говорит: «А сластолюбивая заживо умерла» (1Тим. 5:6)? Ужели и вдовица – учитель? Не сам ли он сказал: «А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем» (1Тим. 2:12)? Если же и вдовица, которая по преклонным летам (а старость требует великого попечения), и по самой природе (а женский пол, как слабый, требует большего успокоения), – если той, которая и по возрасту и по природе заслуживает снисхождения, (апостол) не позволяет питаться пространно, но говорит, что таковая «заживо умерла» (ведь не просто сказал: не питаться пространно, но – «а сластолюбивая заживо умерла», и таким образом исключил ее из среды живых, потому что умершая уже исключена), – то как можно простить мужу то, за что наказывается престарелая жена? Но об этом никто и не думает, никто об этом не рассуждает. А я вынужден теперь сказать это, не с намерением избавить священников от упреков, но радея о вас. Они от вас не терпят никакого вреда, хотя заслуженно и по справедливости слышат упреки, как собиратели богатства; но говорите ли вы, или не говорите, они дадут ответ Судье там, – а потому ваши слова

нимало не вредят им. Если же ваши слова еще и ложны, то они, будучи оклеветаны вами напрасно, получают от того пользу, а вы вредите самим себе. В отношении же к вам не так: правду ли говорите об них или ложь, все вредите себе тем самым, что говорите об них худо. Почему? Если говорите правду, то и в этом случае вредите себе, потому что осуждаете учителей и извращаете порядок, так как и брата не должно судить, тем более учителя; если же (говорите) ложь, то (вас постигнет) невыносимое наказание и мука, так как за всякое праздное слово дадите ответ.

Итак, мы все делаем и трудимся для вас. Но, как я сказал, никто об этом не рассуждает, никто этим не занимается, никто не говорит себе ничего такого. Хотите ли, я прибавлю и другое? «Кто не отрешится, – говорит Христос, – от всего, что имеет» (Лк. 14:33) «не достоин Меня» (Мф. 10:37). Что же, когда говорит: «Трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19:23)? Что же, когда говорит: «Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение» (Лк. 6:24)? Никто не вникает в это, никто об этом не помышляет, никто не рассуждает сам с собою, а дела других все очень строго обсуживают. Но это значит делаться участником в делах осуждаемых. А чтобы освободить для вас священников и от нареkania в том, в чем вы почитаете их виновными, – послушайте: ведь уверенность в том, что они преступают закон Божий, много преклоняет (вас) ко злу. Так вот исследуем и это. Христос сказал: «Не берите с собою ни золота, ни серебра... ни двух одежд, ни обуви, ни пояса, ни посоха" (Мф. 10:9, 10). Что же, скажи мне? Петр преступал эту заповедь? Как же иначе, когда он имел и пояс, и одежду, и обувь? А что он имел их, – послушай слов ангела, обращенных к нему: «опояшься и обуйся» (Деян. 12:8); хотя и не очень нужна была такая обувь, – в ту пору можно было быть и необутым, а обувь особенно нужна в зимнее время, – однако ж он имел ее. А что Павел? Он в послании к Тимофею говорит: «Постарайся придти до зимы" (2Тим. 4:21); потом повелевает и говорит: «Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные» (2Тим. 4:13). Вот о фелони сказал; а нельзя сказать, чтобы он не имел и другого, который носил. Если бы он вовсе не носил его, то излишне было бы приказывать принести тот; а если нельзя было не носить одежды, то очевидно он имел другой (фелонь). А что из того, что он целые "два года" (Деян. 28:30) пребыл на собственном иждивении? Ужели он преслушал Христа, он – этот избранный сосуд, который говорит: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20), о котором засвидетельствовал Христос, говоря: «Ибо он есть Мой избранный сосуд» (Деян. 9:15). Такое недоумение надлежало бы оставить при вас, и не давать никакого решения на вопрос,

подвергнув вас этому наказанию за невнимание к Писаниям. Действительно, отсюда же это происходит. Потому мы и бываем строгими судьями чужих грехов, а на свои не обращаем никакого внимания, что не знаем Писаний, что не изучаем законов Божественных. Итак, следовало бы вас подвергнуть этому наказанию. Но что мне делать? Я отец. А отцы много и сверх должного угрожают детям, потому что родительское их сердце пламенеет к ним любовью; если они видят дитя печальным и унылым, сами больше его болеют, и не успокаиваются, пока не уничтожат причину скорби. Впрочем пусть бы это и случилось, пусть бы вы и поскорбели о том, что не понимали (прежде), – только бы (теперь) хорошо поняли.

6. Что же должно сказать? Нет, (апостолы) не противились, но с точностью последовали заповедям Христовым, а заповеди те были даны на время, а не навсегда. И это говорю я не по догадке, но согласно Божественному Писанию. Как? Лука повествует, что Христос сказал ученикам: «Когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без пояса и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем» (Лк.22:35). Итак, теперь уже приобретайте. Но что следовало (делать), скажи мне? Иметь один хитон? Что же? Если нужно было вымыть его, то ужели надобно было сидеть дома нагому? Или, в случае нужды, ходить нагому и нарушать благопристойность? Подумай, каково бы было Павлу, для столь важных дел обходившему вселенную, сидеть дома за неимением одежды, и при столь многих делах встречать препятствие? Что же, если бы настала сильная стужа, и пошел сильный дождь, или заморозило, то как бы можно было обсушиться? Опять нужно было сидеть нагому? Что же, если бы холод расстроил тело, пришлось бы чахнуть, и не проповедовать? А что им даны были не адамантовые тела, – послушай, что сказано Тимофею: «Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1Тим.5:23); и еще касательно другого: «Впрочем я почел нужным послать к вам Епафродита, брата и сотрудника и сподвижника моего, а вашего посланника и служителя в нужде моей, потому что он сильно желал видеть всех вас и тяжко скорбел о том, что до вас дошел слух о его болезни. Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только» (Фил.2:25–27). Следовательно и они подвержены были всяким болезням. Что же? Нужно было гибнуть? Никак. Для чего же тогда (Христос) заповедал так? Для того, чтобы показать Свою силу, что и после Он мог сделать так, но не сделал? Почему же не сделал? Апостолы были гораздо важнее израильтян, у которых не истерлась ни обувь, ни одежда, хотя они и проходили по такой Пустыне, где солнечные лучи настолько

жарки, что могли разрушать и самые камни. Почему же сделал это? Для тебя. Так как ты не (всегда) мог быть здоровым, но мог быть больным, то (Бог) дал тебе способ врачеваться. И это очевидно из следующего. Скажи мне, ужели Он сам не мог их пропитать? Если Он (все нужное) дал тебе, оскорбителю, то не тем ли более дал бы Павлу? Кто дал израильтянам – ропотникам, блудникам, идолослужителям, Тот не тем ли более дал бы Петру, который все для Него оставил? Кто попустил иметь (нужное) беззаконникам, Тот не тем ли более даровал бы Иоанну, который для Него оставил и отца? Но Он не захотел; а питает их через тебя, чтобы ты освятился. И заметь избыток человеколюбия. Он благоволил быть ученикам Своим униженными, чтобы ты сколько-нибудь воодушевился. Но если бы Он дал им все нужное, скажут, то они были бы гораздо почтеннее, гораздо славнее. Но в таком случае был бы ущерб твоему спасению. Потому Он восхотел, чтобы они были не славными, но более униженными, чтобы тебе спастись; и попустил им быть униженными, чтобы ты мог спастись. Не столько достопочтенен бывает учитель берущий, сколько не берущий; но ученик не получает пользы, а лишается плода. Видишь ли премудрость человеколюбивого Бога? Как Он сам не искал Своей славы, и не имел в виду Своего, но, будучи в славе, восхотел быть в бесславии для тебя, – так и в отношении к учителям. Имея силу сделать их славными, благоволил, чтобы они были презираемы для тебя, чтобы ты мог получить пользу, чтобы ты мог обогатиться. У него недостаток в житейском для того, чтобы ты имел изобилие в духовном. А что Он мог дать им все нужное, на это много доказательств; равным образом доказывается и то, что Он попустил им быть в скудости для тебя.

Итак, зная это, обратимся не к осуждению, но к благодворению; будем не чужие грехи разбирать, но свои обсуживать; будем в других замечать добродетели, а в себе находить грехи, – и таким образом будем благодарить Бога. Кто смотрит и на чужие грехи, и на свои добродетели, тот вдвойне вредит себе: от этих (добродетелей) надмевается гордостью, а от тех (грехов) впадает в нерадение. Когда он представит, что такой-то согрешил, то и сам легко впадет в грех, а когда представит, что сам совершил доброе, то легко возгордится. А кто, предавая забвению свои добродетели, смотрит на одни (свои) грехи, и замечает в других не грехи, но добродетели, тот получает много пользы. Как – слушай. Когда видит, что такой-то поступает добродетельно, то возбуждается к равной ревности; а когда видит, что сам согрешил, то проникается смиренномудрием и скромностью. Если будем так поступать и так устраивать дела свои, то сможем достигнуть обещанных благ, благодатью

и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Фил.3:1–3. Впрочем, братия мои, радуйтесь о Господе. Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно. Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания, потому что обрезание – мы, служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся.

Обрезание плотское и духовное. – Любовь к деньгам убыточна. – Против роскоши. – Бедность – залог царствия.

1. Когда печали и заботы чрезмерно угнетают душу, то отнимают у нее силу. Потому-то Павел и ободряет филиппийцев, которые находились в великой печали. А печалились они потому, что не знали, каковы обстоятельства Павловы; печалились потому, что почитали его умершим, (печалились) о проповеди, – об Епафродите. Итак, сообщая им обо всем этом удовлетворительное известие, он и присовокупляет: «Впрочем, братия мои, радуйтесь». Теперь, говорит он, вы не имеете причины печалиться: Епафродит, о котором скорбели, с вами, с вами же и Тимофей, и я иду, евангелие преуспевает. Чего же недостает вам? «Радуйтесь». Галатов (апостол) называет чадами (Гал. 4:19), а этих братьями. Когда он хочет или исправить что-либо, или показать особенную любовь, то называет чадами; а когда беседует с большим почтением, то называет братьями. «Впрочем, братия мои, – говорит он, – радуйтесь о Господе» (Фил. 3:1). Хорошо сказал: "О Господе", а не мирской (радостью), потому что последнее не значит радоваться. Самые скорби за Христа, говорит (апостол), заключают в себе радость. «Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно. Берегитесь псов» (Флп.3:1–2). Видишь ли, как он предлагает совет не в начале, а тогда, когда много похвалил их, когда почтил их, – тогда это делает, и опять хвалит. Так как его речь кажется жестокой, то он отовсюду и прикрывает ее.

Кого ж он называет псами? (В Филиппах) были некоторые, на кого он намекает во всех посланиях, – иудеи мерзкие и гнусные, корыстолюбивые и властолюбивые, которые, желая отторгнуть многих из верующих, проповедовали и христианство и иудейство, искажая Евангелие. Так как трудно было распознать их, то (апостол) и говорит: «Берегитесь псов». Иудеи уже не чада. Некогда назывались (псами) язычники, а теперь они; почему? Потому, что как язычники были отчуждены от Бога и Христа, так и они отчуждены ныне. Этим показывает их бесстыдство и наглость, и великое удаление от чад. А что язычники некогда назывались псами, –

послушай, как говорит хананеянка: «Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф. 15:27). А так как и псы бывают при столе, то чтобы они (иудеи) лишены были и этого, (апостол) присовокупляет причину, по которой и отчуждает их, говоря: «Берегитесь злых делателей» (Фил.3:2). Достойны удивления слова: «Берегитесь злых делателей»: они действуют, говорят, на зло, и действие их гораздо хуже самого бездействия – они расстраивают благоустроенное. «Берегитесь, – говорит, – обрезания». Обрезание у иудеев считалось важным, ему уступал и закон, и суббота была ниже его; для совершения обрезания нарушалась и суббота, а для соблюдения субботы никогда не нарушался (закон) обрезания. Обрати внимание на домостроительство Божье: обрезание ставится выше субботы; оно не оставлялось ни в какое время. Итак, если обрезание отменено, то тем более суббота. Потому-то Павел не употребляет имени (обрезания), и говорит: «Берегитесь обрезания» (κατατομή). Не сказал, что обрезание худо, обрезание излишне, чтоб не поразить этих людей; но поступает благоразумнее: от предмета отводит, и выражение употребляет приятное, заботясь преимущественно о деле. К галатам же не так (пишет). Так как у них была великая болезнь, то (апостол) открыто и полновластно употребляет сечение (τομή): филиппийцам же, которые ничего такого не делали, угождает выражением. И тех и других опровергает, говоря: «Берегитесь обрезания, потому что обрезание – мы» (περιτομή) (Фил.3:3). Каким образом? «Служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся». Не сказал: исследуем то и другое обрезание, которое лучше, но даже первого не назвал по имени; что же говорит? Обрезание, то есть, сечение. Почему? Потому, что совершающие его не что иное делают, как только отсекают плоть. Когда это действие перестало быть законным, то оно – уже не что иное, как сечение и отсечение плоти. Следовательно (обрезание) он так называет или по этой причине, или потому, что покушались рассечь Церковь. И мы употребляем слово: сечение, говоря о тех, которые делают это ненамеренно, неосторожно и неискусно. Если же должно искать истинного обрезания, говорит (апостол), то найдете его у нас, «служащие Богу духом», т. е. служим духовно.

2. В самом деле, скажи мне, что лучше, душа или тело? Очевидно, душа. Потому и то (плотское) обрезание не лучше, но это одно (духовное) и есть обрезание. Пока оставался прообраз, до тех пор справедливо применялось сравнение. «Снимите крайнюю плоть с сердца вашего» (Иер. 4:4). Так и в послании к Римлянам (апостол) отвергает обрезание, говоря: «Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое

наружно, на плоти; но *тот* Иудей, кто внутренне *таков*, и *то* обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве» (Рим. 2:28–29). Здесь же лишает его даже имени: не есть и обрезание, говорит. Прообраз называется так до тех пор, пока не пришла истина; когда же пришла истина, то уже не называется. Подобие мое бывает в живописи: если кто-нибудь набросал эскиз царя, то пока еще не наложены краски, не называют царем; когда же наложатся, то прообраз закрывается истиной и не виден, – мы тогда говорим: вот царь. При том (апостол) не сказал: обрезание есть в нас, но – «обрезание – мы», – и справедливо: это обрезание, состоящее в добродетели, и есть человек, оно-то есть истинно человек. О них же (иудеях) сказал не так, но – «берегитесь обрезания», – потому что они погибали и были нечестивы. Потом, показывая, что обрезание совершается не в теле, а в сердце, говорит: «не на плоть надеющиеся, хотя я могу надеяться и на плоть» (Фил.3:4). Что он выражает здесь словами: «надеяться», и – "на плоть"? Похвалу себе, дерзновение, важность. И хорошо присовокупил это. Если бы он, будучи из язычников, оуждал обрезание, и не обрезание только, но и тех, которые уже не во время принимают его, то показалось бы, что он нападает на него потому, что лишен благородного происхождения иудейского, не знал великих его преимуществ, и не имел в них участия; но когда он имеет участие и оуждает, то оуждает не потому, что не имеет участия, но потому, что не признает, – не по неведению, но вследствие совершенного знания. Смотри, что он говорит и в послании Галатам, будучи поставлен в необходимость высказать свои достоинства, (смотри) как вместе с тем показывает и смиренномудрие: «Вы слышали, – говорит, – о моем прежнем образе жизни в Иудействе» (Гал.1:13); и еще здесь: «Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я» (Фил.3:4), и тотчас присовокупляет: «Еврей от Евреев». Не сказал этого прежде, но лишь после слов: «Если кто другой», показывая этим необходимость, показывая, что он для них сказал. Если и вы надеетесь, говорит он, «то более я». Говорю это теперь; иначе бы умолчал. Заметь легкость обличений: тем, что обличает безлично, дает им возможность уклониться от обличения. «Если кто другой думает надеяться». Хорошо сказал: "думает", – или потому, что они не имели такого надеяния, или потому, что надеяние их не было истинное надеяние, так как все было делом необходимости, а не свободной воли. «обрезанный в восьмой день» (Флп.3:5). Сперва выставляет то, чем особенно хвалились они – обрезание, потом – «из рода Израилева». То и другое показывало, что он ни пришелец, ни от пришельцев; из слов – «обрезанный в восьмой день» видно, что он не пришелец, а из слов – «из рода Израилева» видно,

что он и от родителей не пришельцев. Но чтобы ты не подумал, что – «из рода Израилева» значит от десяти колен, то говорит: «колена Вениаминова»: следовательно из почетнейшего, потому что в уделе этого колена были участки священников. «Еврей от Евреев». Этим он показывает, что он не пришелец, но издревле от почтенных иудеев.

Можно было быть и от Израиля, но не евреем от евреев, так как многие уже привели в упадок свой род и забыли свой язык, смешавшись с другими народами. Таким образом он показывает здесь или это самое (чистоту), или особенное благородство своего происхождения. «По учению фарисей». Далее переходит к тому, что было делом его свободной воли. Все вышесказанное было произвольно, не от него зависело быть обрезанным, быть от рода Израилева и от колена Вениаминова. Впрочем и в этом отношении он имел больше преимуществ, хотя в них участвовали многие. В чем же "более"? Конечно и в том, что он не пришелец, что он из почетнейшего колена, и издревле от таких предков, каких не многие имели. Но так как все это было произвольно, то он переходит к делам произволения, в чем видно это «более: по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией» (Флп.3:6). Последние слова говорит он потому, что раньше сказанные недостаточно объясняют слово: "более". Можно быть и фарисеем, однако ж не великим ревнителем "по правде"; можно отваживаться на опасности и делать это по властолюбию, а не по ревности о законе, как и делали первосвященники; но он был не таков, «по правде законной – непорочный». Итак, если я, говорит он, превосходил всех и благородным происхождением, и ревностью, и нравом, и жизнью, то для чего я оставил эти высокие преимущества, как не для того, чтобы приобрести Христовы большие, и гораздо большие? Вот почему он присовокупляет: «Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою» (Флп.3:7).

3. Павел отвергнул образ жизни, который так тщательно проходил, начавши с первого возраста, – столь благородное происхождение, столько опасностей, столько козней, труды, ревность, – и то, что прежде было выгодно, почел убытком, чтобы приобрести Христа; а мы для приобретения Христа не презираем и денег, но готовые лучше лишиться будущей жизни, нежели вещей настоящих, хотя они не что иное, как убыток. Действительно, если порознь исследовать все предметы богатства, то, скажи, не убыток ли они, требующий чрезвычайного труда, и не приносящий никакой пользы? Скажи мне, какая польза от многих и дорогих одежд? Какую получаем прибыль, когда надеваем их? Никакой, кроме только убытка, Почему? Потому, что и нищий в бедной и

изношенной одежде, находясь на жару, ничем не труднее тебя переносит зной, даже гораздо легче, так как изношенная и при том одна одежда дает телу более свободы, нежели вновь сшитая, хотя бы она была тоньше паутины. К тому же по чрезмерному тщеславию ты носишь по две и по три одежды, часто еще и плащ, и пояс, и нижнее платье (ἀνάξορίδας); а его и в одной одежде никто не осуждает, между тем он легче переносит зной. От этого-то, как мы видим, богачи потеют, а нищие ничего такого не терпят. Итак, если и бедная и ничего не стоящая одежда доставляет нищему ту же или еще большую пользу, а те при большей трате денег достигают того же, то не убыток ли это великое излишество? По отношению к пользе и употреблению, тебе не прибавилось от них ничего, а денег истрачено больше; употребляются же и служат они та кже. Ты, богач, купил (одежды), может быть, за сто золотых, либо и дороже, а бедняк – за малую серебряную монету. Видишь ли убыток? Но тщеславие не позволяет тебе видеть его.

Хочешь ли, поговорим и о золотых уборах, которыми украшают коней и жен? Сверх других, богатство производит в людях и эту глупость. Одной и той же чести удостаивают и жен и коней; у тех и других украшение одно; и жены хотят блистать тем же, чем и упряжь и кожаные занавесы, за которыми возят их. Скажи, какая прибыль украшать мула или коня золотом? И что особенного получает твоя жена, обремененная такой тяжестью золота и камней? Но, говорят, золотые вещи не портятся. Напротив, и это случается весьма часто, как утверждают знатоки в этих вещах, – потому что в банях и во многих местах и камни и золотые вещи много теряют цены. Но пусть будет и так, пусть они несколько не повреждаются: какая же прибыль от них, скажи мне? Что ж, если они выпадут и потеряются, не убыток ли это? Что ж, если они возбуждают зависть и злоумышление, не убыток ли? Не убыток ли, когда они для нарядившейся не приносят никакой пользы, а между тем воспаляют глаза завистников, и даже возбуждают грабителей? Скажи, не убыток ли, когда муж, имея право употребить их на дело, приносящее прибыль, не может этого сделать вследствие больших издержек своей жены, и бывает принужден терпеть голод и крайнюю нужду, а ее видеть в золоте? Деньги для того и называются вещами употребительными (χρήματα), чтобы мы употребляли их не как выписки золотых дел мастеров, но чтобы делали из них что-нибудь доброе. Итак, если тебе не позволяет этого пристрастие к золоту, то не убыток ли все? Кто не смеет пользоваться ими, как бы чужими, тот и не пользуется, и вовсе нет от них пользы. Что пользы и тогда, когда мы строим светлые и огромные дома, украшаем их

колоннами, мрамором, галереями и балконами, и ставим всюду истуканы и статуи? Многие вызывают из этих истуканов и демонов; но мы не будем этого касаться. К чему и золотая кровля? Не такую же ли пользу доставляет она, как и тому, у кого скромный дом? Но, скажут, зато большое удовольствие. Да, но только на день или на два, не больше. Если и солнце не поражает нас, по привычке к нему, то тем более произведения искусства: мы занимаемся ими столько же, сколько и глиной. Что, скажи мне, придает изяществу дома множество колонн, красота статуй, и позолота стен? Ничего; это – дело только глупости, гордости, чрезмерного тщеславия и безумия. Из всего даже полезного нам должно иметь необходимое, а не излишнее.

4. Видишь ли, что это (украшение) убыток? Видишь ли, что оно излишне и бесполезно? Если оно не доставляет ни большей пользы, ни удовольствия, – так как со временем производит пресыщение, – то не что иное, как убыток. Но тщеславие препятствует, не дает нам видеть этого. Так Павел оставил и то, что почитал выгодой, а мы не оставим и убытка для Христа? До каких пор еще будем привязываться к земле? До каких пор не будем устремлять взора на небо? Не видите ли, что старики вовсе не чувствуют прошедшего? Не видите ли, что умирают и в старости и в юности? Не видите ли, что еще при жизни лишаются имущества? Зачем же прилепляемся к непостоянному? Зачем привязываемся к непрочному? До каких пор не будем заботиться о вечном? Чего бы не дали старики, если б им можно было избавиться от старости? Потому не крайнее ли безумие, что мы желаем возвратить прошедшую молодость, и готовы отдать все, чтоб сделаться моложе, а когда можно получить юность никогда не стирающуюся, при том юность с ее великим богатством, духовнейшую, не хотим пожертвовать и малого, но жалеем и того, что и в настоящее время вовсе бесполезно? Богатство не может избавить тебя от смерти, не сильно прогнать болезни и воспрепятствовать старости и всему тому, что необходимо и совершается по закону природы, и ты еще привязан к нему? Что за выгода, скажи мне? Не отсюда ли пьянство, объедание, неприличные и разнообразные удовольствия, изнуряющие вас более, нежели жестокие господа? Вот какую только выгоду можно получить от богатства, а другой никакой, – оттого никакой, что но хотим: а если бы мы захотели, то через богатство наследовали бы и самое небо. Поэтому богатство – хорошая вещь, скажут мне? Не от богатства это зависит, а от свободной воли владеющего им. А что это зависит от воли, ты увидишь вот из чего: небо можно наследовать и бедному. Бог, как я часто говорил, смотрит не на меру подаваемого, но на намерение подающих. И будучи

бедным и подавая мало, можно получить все, потому что Бог требует того, что по силам; и ни богатство не ведет к небу, ни бедность к геенне, но к тому или другому ведет добрая или злая воля. Итак, исправим ее, восстановим ее, устроим ее, и все для нас будет удобно. Как плотник, железная ли у него будет секира или золотая, одинаково обдeldывает бревна, и даже лучше железной, – так и здесь: добродетель гораздо удобнее совершается при бедности. Ведь о богатстве говорит Христос: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божье» (Мф. 19:24). О бедности же ничего подобного не сказал, но говорит даже противное: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим... и последуй за Мною» (Мк. 10:21), так как от свободной воли зависит последование за Ним.

5. Итак, не будем убегать бедности, как бы зла, потому что она есть залог царствия: не будем также гоняться и за богатством, как бы за благом, потому что неблагоприятных оно губит; но во всяком состоянии, возводя взор свой к Богу, будем, как должно, употреблять блага, дарованные нам от Него, и телесную силу, и богатство, и все прочее. Неприлично нам, созданным Богом, употреблять эти блага на другое, а не для Создателя нашего. Он дал тебе глаза? Для Него и употребляй их, а не для дьявола. Как же употреблять для Него? Рассматривай Его творения, и прославляй Его, и не обращай взоров на женщин. Он дал тебе руки? Для Него и употребляй их, а не для дьявола; не на хищение и любостяжание, а на исполнение заповедей и на благотворения; простирай их в продолжительных молитвах и на помощь падшим. Он дал тебе уши? Для Него и употребляй их, а не для слушания шумных песен и срамных рассказов: «И всякая беседа твоя, – сказано, – в законе Вышнего да будет» (Сир. 9:20); и еще: «Бывай в собрании старцев, и кто мудр, прилепись к тому» (Сир.6:35). Он дал тебе уста? Пусть же не произносят они ничего неблагоугодного Ему, но поют псалмы, гимны, духовные песни: «Дабы оно доставляло благодать слушающим» (Еф. 4:29), в созидание, а не на разорение, на славословие, а не на злоречие, не на клеветы, но на все противное. Он дал тебе ноги для того, чтобы ты спешил не ко злу, но к добру. Он дал тебе желудок не для того, чтобы ты слишком наполнял его, но чтоб жил воздержно. Он вложил вождление для деторождения, а не для блуда и прелюбодеяния. Дал тебе ум не для того, чтобы ты хулил, не для того, чтобы поносил Его, но чтобы прославлял. Дал и деньги, чтобы мы употребляли их как должно; дал силу, чтобы и ее употребляли как должно. Дал искусства для поддержания жизни, а не для того, чтобы мы уклонялись от духовных занятий; для того, чтоб изучали искусства не

пустые, но необходимые; для того, чтобы друг другу служили, а не козни строили друг против друга. Дал кров, но для того, чтобы он защищал только от дождя, а не для того, чтобы был украшаем золотом, а бедняк погибал бы с голоду. Дал одежды для того, чтобы мы прикрывались ими, а не тщеславились; не для того, чтобы на них много было золота, а Христос умирал бы нагой. Дал дом не для того, чтобы ты жил в нем один, но чтобы принимал и других. Дал землю не для того, чтобы ты, отделивши себе большую часть ее, тратил блага Божьи на блудниц, плясунов, актеров, флейтчиков и арфистов, но на алчущих и нуждающихся. Дал тебе море, чтобы ты плавал, чтобы не утруждался от путешествия, а не для того, чтобы ты исследовал глубины его и извлекал оттуда камни и т. п., не для того, чтобы ты занимался этим.

Итак, для чего же, скажешь, камни? Скажи мне лучше ты, для чего камни, и почему они столь драгоценны? По внутреннему ли достоинству, или пользе? Но более полезны не драгоценные. Они по крайней мере годны для строения, а те ни к чему не годны; при том же они и крепче. Но, скажешь, драгоценные составляют украшение. Как? Это предрассудок. Белее ли они? нет, не белее самого белого мрамора, даже и не равняются ему. Крепче ли? Едва ли кто-нибудь это скажет. Быть может полезнее, больше? И этого нет. Почему же ими восхищаются? Не по чему другому, как по предрассудку. Если они не красивее, – так как найдем светлее и белее их, – если не полезнее, не крепче, то почему же так восхищаются? Не по одному ли предрассудку? Для чего же Бог дал их? Не Он дал, а ты почел их за нечто великое. А почему, скажешь, Писание представляет их важными? Оно говорит уже сообразно твоему понятию, подобно тому, как и учитель, разговаривая с дитятей, часто представляет важным, то, к чему хочет склонить его и привлечь. Что ты ищешь красоты в одежде? Надевай на себя одежду и обувь, этим украшайся, этим довольствуйся. «Суды Господни..., – говорит Давид, – вожделеннее золота и даже множества золота чистого» (Пс. 18:11); а о красивых одеждах сказал ли где-нибудь? Не полезны они, возлюбленные! Если бы они были полезны, то Бог не повелел бы пренебрегать ими. А божественное Писание говорит приспособительно к нашему понятию, – и это дело человеколюбия Божья. Для чего же, скажешь, Бог дал порфиру, и тому подобное? Это – дело величия Божья. Он благоволил явить богатство Свое и в других вещах: так, Он дал тебе одну пшеницу; а ты приготавливаешь многое – пироги, разнородные и разнovidные пирожки, весьма вкусные. Впрочем, все это изобрело и тщеславие: тебе показалось, что это будет всего превосходнее. А если бы какой-нибудь чужестранец или сельчанин, не употреблявший

их, видя, что ты ими восхищаешься, спросил тебя, почему ты восхищаешься, – что бы ты ответил? Что хороши на взгляд? нет. Итак, оставим такой предрассудок, и возлюбим непреложно истинное, а не то, что не существует, а лишь проходит подобно протекающей реке. Поэтому, прошу, поставим себя на камне, чтобы и избежать удобопревратного, и получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Фил.3:7–10. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своей праведностью, которая от закона, но с той, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его.

В чем истинное приобретение для христианина. – Грех удаляет от Бога, добродетель приближает.

1. В спорах с еретиками надобно препираться мыслями сильными, и непрестанно. Не давая им несколько времени отдохнуть, можно таким образом привести их полчище в смятение, и совершенно преодолеть. Потому, желая от писаний приготовить вас к таким спорам, чтобы вы могли и этим способом заграждать уста возражателей, я начинаю настоящую беседу свою концом прежней. Какой же, скажут, был конец той? Апостол, перечисливши все отличия иудейские, как от природы, так и от свободной воли, присовокупил: «Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа». На эти слова нападают еретики. Вот и то – дело премудрости Духа, что Он допустил им надеяться на победу, чтобы они предприняли борьбу. Если бы (апостол) сказал ясно, то они поступили бы с этими словами так же, как поступали с другими: бросили бы книги, отреклись бы от Писания, будучи совершенно не в сила смотреть на него. Но, как поступают при ловле рыбы, именно – то, чем можно поймать ее, не открыто ставят, а скрывают, почему она сама и набегает, – так точно случилось и здесь, когда Павел назвал закон тщетою. Закон у него назван уметами, назван тщетою: невозможно, говорит он, приобрести Христа, если бы я не почел закона тщетою. Это все заманило еретиков принять это место, как благоприятствующее им. Когда же они приняли, то со всех сторон окружены были сетями. Что говорят эти нападающие? Вот закон назван тщетою, вот назван уметами: как же вы говорите, что он Божий? Но и это самое служит в пользу закона; а как, увидим из следующего. Вникнем тщательнее в сказанное. (Апостол) не сказал, что закон тщета, но "почел" его "тщетою", говоря о приобретении, не сказал – вмених, но: «было преимуществом», а говоря о тщете, сказал: "почел", – и

справедливо: первое по природе таково а последнее только по нашему мнению. Итак что же? По словам апостола, закон не тщета? Тщета, но «ради Христа». Но теперь он стал приобретением. Закон, говорит, не считался только, но был приобретением, – я бы так сказал: подумай, чего стоило людей, сделавшихся по природе зверями, преобразить в людей! Если бы не было закона, не была бы дана и благодать. Почему? Потому что он был (к ней) как бы мостом.

Когда нельзя с весьма низкого места взойти на возвышенное, то ставится лестница; а кто взошел, тот хотя более и не имеет нужды в лестнице, однако ж поэтому не пренебрегает ею, но остается еще благодарным к ней. Она поставила его в такое состояние, что он более не имеет нужды в ней; и за это-то самое, что не имеет нужды в ней, он считает справедливым изъяснить ей благодарность, потому что (без нее) не взошел бы. То же (должно сказать) и о законе. Он возвел нас на высоту, потому был приобретением; но теперь мы почитаем его убытком, – почему? Не потому, что он убыток, но потому, что благодать гораздо больше его. Голодный бедняк, доколь имеет серебро, избавляется от голода; а когда найдет золото, между тем не может обладать тем и другим вместе, то обладание первым считает убытком и, бросив его, берет золото; бросает же серебро не потому, что оно убыток, – оно неубыточно, – но потому, что ему нельзя взять и то и другое вместе, а необходимо одно оставить. Так и здесь. Следовательно убыточен не закон, а отступление от Христа по привязанности к закону; потому когда он отводит нас от Христа, тогда бывает убытком, а когда приводит к Нему, то не бывает таковым. Вот почему (апостол) говорит: «Ради Христа тщетою». Если же «ради Христа», то (закон) не по природе тщета. Почему же закон не допускает придти ко Христу? Он для того, скажешь, и Дань, и исполнение закона Христос, и «конец закона – Христос» (Рим. 10:4). Допускает, если мы будем верить ему. Значит, кто верит закону, тот оставляет самый закон? Оставляет, если мы внимательны; а если невнимательны, то не оставляет. «Да и все почитаю тщетою» (Фил.3:8). Что я отношу это к закону только, говорит (апостол)? Мир разве не благо? Настоящая жизнь разве не благо? Но если они удаляют меня от Христа, то я считаю и их убытком. Почему? «Ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего». При солнечном освещении сидеть за свечой – убыток, – так что убытком становится (что-нибудь) от сравнения с предметом превосходнейшим. Видишь ли, что – (у апостола) сравнение? «Ради превосходства», – говорит он, а не за что-нибудь разнородное, так как преимущество имеет место между предметами однородными. Таким

образом, выводя по сравнению превосходство одного разумения перед другим, (апостол) вместе показывает и однородность их. «Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа». "Сор": называет ли (апостол) закон отбросом, еще не видно: вероятно, он называет так предметы мира. Сказавши: «Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою», говорит: «Да и все почитаю тщетою». Сказал – все, т. е. и древнее и настоящее. Впрочем, если ты хочешь относить это и к закону, то через это он не будет поруган. Отброс есть у пшеницы, и именно грубое у пшеницы есть отброс, т. е. мякина. Поэтому прежде пшеницы нужен отброс, и мы собираем его вместе с пшеницей; и если бы не было отброса, то не было бы и пшеницы. Это же надобно сказать и о законе.

2. Видишь, как (апостол) везде называет убытком вещь не саму в себе, но Христа ради? «Да и все почитаю тщетою». Почему? «Ради превосходства, – говорит, – познания" Того, «для Него я от всего отказался». Далее присовокупляет: потому «и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа». Видишь, как он везде опирается на Христа, и нигде не позволяет бесчестить и поносить закон, но отовсюду ограждает его. «И найтись в Нем не со своей праведностью, которая от закона» (Флп.3:9). Если имеющий правду (от закона) прибегнул к правде (Христовой), потому что та ничего не значит, то не гораздо ли более должны прибегать (ко Христу) те, которые не имеют ее? И хорошо он сказал: «Не со своей праведностью», т. е. не той, которую стяжал я потом и трудами, говорит он, но той, которую приобрел по благодати. Итак, если и добродетельный спасается по благодати, то тем более вы. Вероятно, (филиппийцы) говорили, что правда, приобретаемая трудами, важнее; поэтому (апостол) и показывает, что эта правда пред той – отброс. Если бы я когда-либо совершил ее, то не отверг бы ее, и не прибегнул бы к той. Какая же это правда? Та, которая бывает от веры Божьей, т. е., которая дана от Бога: вот правда Божья, – она всецело дар Божий. Дар же Божий гораздо превосходнее маловажных добрых дел, совершаемых нашим старанием. А то такое вера? "По вере, – говорит, – чтобы познать Его» (Флп.3:10). Итак, верою приобретается познание (о Боге), и без веры невозможно познать Его. Каким образом? Верой должно познавать силу воскресения Его. Какое в самом деле умствование убедит нас в воскресении? Никакое, а только одна вера. Если же воскресение Христово по плоти познается верою, то какими умствованиями может быть постигнуто рождение Бога Слова? Ведь воскресение менее рождения. Почему? Потому что примеров воскресения было много, а примера такого рождения ни одного; прежде

Христа многие умершие воскресали, хотя воскресши и умирали, но от девы не родился никто никогда. Итак, если и то, что менее важно рождения по плоти, должно быть постигаемо верою, то как может быть постигнуто умствованием то, что гораздо важнее, бесконечно, несравненно важнее? Вот что составляет правду. Надобно верить, что это могло быть, а как могло быть, этого невозможно представить. От веры зависит и общение в страданиях. Каким образом? Если бы мы не веровали, то и не страдали бы; если бы не веровали, что спострадавши (Христу) мы будем и соцарствовать (Ему), то не терпели бы страданий.

Итак, и рождение и воскресение постигается верою. Видишь ли, что нужна вера не просто, но вера, соединенная с делами? Тот преимущественно верует, что Христос воскрес, кто смело идет на опасности, кто имеет общение в Его страданиях, так как имеет общение с воскресшим, с живущим. Потому-то и сказал (апостол): «И найдись в Нем не со своей праведностью, которая от закона, но с той, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых» (Флп.3:9–11). «Сообразуясь, – говорит, – смерти Его», т. е. участвуя в ней, потому что как Он пострадал от людей, так и я. Вот почему (апостол) сказал, «сообразуясь»; и в другом месте: «Восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых» (Кол. 1:24), т. е. гонения и страдания мои составляют этот образ Его смерти, потому что (апостол) не своей пользы искал, но (пользы) многих. Потому и гонения, и скорби, и тесные обстоятельства не только не должны смущать вас, но еще (должны) радовать, так как через них мы сообразуемся смерти Иисуса Христа, так сказать – изображаем (Его в себе), как и говорит (апостол) в другом месте: «Носим в теле мертвость Господа Иисуса» (2Кор. 4:10). Но и это происходит от великой веры, так как мы веруем не только тому, что Христос воскрес, но и тому, что по воскресении Он имеет великую силу, – почему и идем тем же путем, которым Он шел, т. е. делаемся и поэтому братьями Ему, так сказать – делаемся и поэтому христами. О, как велико достоинство страданий! Мы веруем, что через страдания мы сообразуемся смерти Его; как в крещении мы «спогребемся подобием смерти Его», так здесь сообразуемся смерти Его. Правильно там сказал (апостол): «подобием смерти Его» (Рим. 6:5), так как мы не всецело умерли, – умерли не телом по плоти, но греху. Так как и то и другое называется смертью, Христос умер телом, а мы для греха, там умер человек, которого Он воспринял, человек в тел нашем, а здесь человек греха, – то в одном случай (апостол) и сказал: «Подобием

смерти Его», а в другом – не подобием смерти, но самой смерти.

3. Так, Павел среди гонений умер не для греха, но самым телом; а потому претерпел такую же смерть. «Чтобы достигнуть, – говорит, – воскресения мертвых» (Фил.3:11). Что ты говоришь? Без сомнения и все достигнут его: «Не все мы умрем, – сказал (ты сам), – но все изменимся» (1Кор. 15:51), и не только воскресения, но и нетления (достигнут) все, одни к чести, а другие для наказания. Если же все достигнут воскресения, и не только воскресения, но и нетления, то для чего ты, как будто желая получить что-то особенное, сказал: «Чтобы достигнуть» (Фил.3:11)?

Я, говорит, для того и терплю это: «чтобы достигнуть воскресения мертвых»; а если не умрешь, то и не воскреснешь. Что это значит? Кажется, он делает намек здесь на что-то важное. Действительно, это было настолько важно, что он даже не решился сказать о том прямо, но говорит только: "чтобы". Я уверовал (как бы так говорит он) во Христа и в Его воскресение, и даже страдаю за Него; но еще не могу быть совершенно уверен в своем воскресении. О каком воскресении говорит он здесь? О том, которое ведет к самому Христу. Я, сказал (апостол), уверовал в Него и, в силу воскресения, участвую в Его страданиях и сообразуюсь смерти Его; но за всем тем я еще не совершенно уверен, – что говорит и в другом месте: «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (1Кор. 10:12); и еще: «Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1Кор. 9:27). "Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершенся; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус» (Фил.3:12). «Не потому, чтобы я уже достиг». Что такое: «уже достиг»? Т. е. награды. Если же столько пострадавший, если гонимый, если носящий мертвость еще не совсем был уверен в том воскресении, то что скажем мы? Что значат слова: «не достигну ли я»? То же, что и выше сказанные – «чтобы достигнуть воскресения мертвых». Если я, говорит он, достигну Его воскресения, т. е. если я смогу столько же пострадать, если смогу уподобиться Ему, если смогу сделаться сообразным Ему. Так, Христос много пострадал, был оплеван, заушаем, бичеван, наконец умер. И вот поприще: через все это должны достигать Его воскресения и все подвижники (Его). Таким образом или это (апостол) выражает здесь, или следующее: если я удостоюсь достигнуть славного воскресения, соединенного с упованием, то достигну воскресения Христова; если я совершу все подвиги, то и воскресения Его достигну, и восстану со славой. Теперь, говорит, я еще недостойн: «Стремлюсь, не достигну ли я». Жизнь моя еще в подвигах, я еще далек от цели, еще не близок к наградам, еще бегу, еще гоню. Не сказал: бегу, но – «стремлюсь»,

и справедливо. Вы знаете, с каким напряжением стремится гонящий: он не смотрит ни на кого, с великим усилием отталкивает всех препятствующих, и ум, и взоры, и силу, и душу, и тело устремляет к одному, не имея в виду ничего другого, кроме награды. Если же и Павел, так гонящий, столько пострадавший, говорит еще: «не достигну ли я», то что скажем мы, лежащие на боку? Далее, желая показать, что это составляет обязанность, (апостол) говорит: «как достиг меня Христос Иисус». Я был, говорит, из числа погибающих, утопал, был близок к гибели; но Бог спас меня, так как Он гонится за ними, убегающими от Него с великой стремительностью. Все это (апостол) и выражает, именно словами: «Как достиг меня» указал и на ревность Бога, желающего настичуть нас, и на наше великое отвращение от Него и заблуждение, и на то, что мы убежали от Него.

4. Потому достойно слез, что все мы пришли опять в прежнее состояние и сделались великими должниками, а между тем никто из нас не печалится (о том), никто не плачет, никто не стенает. Не подумайте, что я говорю это притворно. Как до пришествия Христова мы удалялись от Бога, так удаляемся от Него и ныне, а удаляться можно от Бога не местом, – так как Он вездесущ, – но делами. Что местом нельзя удалиться от Него, об этом послушай, как говорит пророк: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?» (Пс. 138:7). Итак, как же можно убежать от Бога? Так же, как можно быть далеко от Него, так же, как можно удалиться от Него: «удаляющие себя от Тебя, – говорится, – гибнут" (Пс. 72:27); и еще: «Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим» (Ис. 59:2)? Как же бывает это удаление (от Бога)? Как же бывает это отлучение? Произволением и душой, а местом невозможно: кто ж может убежать от Вездесущего? Только грешник убегает от Него. Об этом говорит и Писание: «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним" (Притч. 28:1). Мы стремительно убегаем от Бога, хотя Он всегда гонится за нами. Апостол стремился приблизиться к Нему, а мы стремимся удалиться от Него. Не достойно ли это плача? Не достойно ли это слез? Куда бежишь ты, бедный и несчастный? Куда бежишь ты от жизни и спасения своего? Если убежишь от Бога, то у кого будешь иметь прибежище? Если убежишь от света, то как будешь видеть? Если убежишь от жизни, то как после того жить будешь? Будем лучше убегать от врага спасения нашего. Когда мы грешим, то мы убегаем от Бога, уходим, удаляемся от Него в чужую землю, подобно тому расточителю отцовского имущества, который, отшедши в чужую страну и растратив все отцовское имение, терпел голод. И у нас есть отцовское имение. Какое? (Бог) освободил нас от грехов,

даровал нам силу и крепость для совершения добродетели, даровал нам ревность и терпение, в крещении даровал нам Духа Святого. Если мы расточим это, то после будем терпеть голод. И как больные, доколь страждут от горячки и от повреждения соков, ни встать, ни заняться ничем, ни действовать не могут; а если и по освобождении их кем-либо от болезни, и по возвращении им здоровья ничем не занимаются, то это зависит уже от их собственного нерадения, – так точно бывает с нами. Мы одержимы были жестокой болезнью, сильной горячкой, и лежали не на одре, но в самом зле, погрязши в нечестии, как в навозе, покрытые ранами, смердящие, скверные, изможденные, и более статуи, нежели люди; нас окружали злые демоны, князь этого мира издевающийся и нападающий. Пришел к нам Единородный (Сын) Божий, простер лучи Своего присутствия, – и тотчас прогнал тьму; пришел к нам Царь, сый на престол Отчем, оставив Отчий престол (а когда я говорю: оставив, ты не представляй перемены места, потому что и небо и землю наполняет Он, – я говорю это только по отношению к домостроительству); пришел к врагу, который ненавидит Его, отвращается от Него, не может видеть Его, каждодневно хулит Его. Увидел, что (враг) лежит в навозе, источен червями, одержим горячкой и голодом, подвержен всякого рода болезни. И горячка мучила его, – это похоть злая, – и от воспаления страдал он, – это гордость, – и так называемый волчий голод мучил его, – это любостяжание, – были и гнилые раны у него, – это блуд, – и слепота очей, – это идолослужение, – и глухота и помешательство ума, – это поклонение камням и деревьям и беседы с ними, – и великое безобразие, – это нечестие, нечто отвратительное и болезнь тягчайшая. Увидел, что мы говорим еще хуже беснующихся, и дерево и камень называем Богом; увидел нас в таком нечестии и – не возгнушался, не огорчился, не отвратился, не возненавидел. Так как Он Владыка, то и не возненавидел Своего творения. Но что делает? Как наилучший врач, Он приготовляет многоценные лекарства и сам первый вкушает их: Он первый совершил добродетель, и таким образом нам преподал. И первое лекарство, как бы некоторое противоядие, Он дал нам купель, которой мы освободились от всякого зла – и все вдруг прошло: воспаление кончилось, горячка прекратилась, и гнилые раны подсохли. Все, что происходит и от любостяжания, и от ярости, и всякое другое зло истреблено Духом; отверзлись очи, отверзся слух, язык начал говорит хорошо, душа получила силу, тело получило красоту и цвет такой, какой прилично иметь Сыну Божью, рожденному от благодати Духа, – такую славу, какую прилично иметь новорожденному и воспитываемому в порфире царскому сыну.

О, какое благородство даровано нам, а мы остаемся неблагодарными к так возлюбившему нас! Мы рождены, воспитаны, облагодетельствованы: зачем же мы опять удаляемся от Благодетеля? Кто все это сделал, Тот, конечно, даст и силу; иначе мы, будучи подвержены болезни, не могли бы переносить ее, когда б Он не дал нам силы. Он даровал нам оставление грехов, а мы отвергли этот дар; Он даровал нам богатство, а мы растратили его, промотали все; даровал нам крепость, а мы истощили ее; даровал нам благодать, а мы погасили ее. Каким образом? Расточили ее вовсе не на должное, употребили вовсе на бесполезное. Это-то и погубило нас, и всего хуже то, что, находясь в стране чужой и питаясь рожцами, мы не говорим: возвратимся к Отцу и скажем: согрешили на небо и пред Тобою (Лк. 15:18)! – между тем как имеем Отца, Который столь нежно любит нас и сильно желает нашего возвращения. Только бы мы отстали от нечестия, только бы мы возвратились к Нему, – Он не станет потом упрекать нас за прежние грехи. Отстанем только, – возвращение – уже достаточное оправдание. Что я говорю: Он не станет упрекать? Он не только сам не упрекает, но если и другой упрекает, то Он заграждает уста, хотя бы упрекающий был и благонамеренный. Итак возвратимся: доколь будем в удалении от Него? Восчувствуем свое бесчестие, восчувствуем свою бедность: нечестие делает нас свиньями, нечестие мучит душу голодом. Войдем опять в самих себя, образумимся и возвратимся к прежнему благородству, чтобы сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Фил.3:13–14. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божья во Христе Иисусе.

Нужно стремиться к усовершенствованию. – Обязанности учителя и ученика. – Нет ничего превосходнее добродетели.

1. Ничто так не делает тщетными наших добродетелей и не надмевает нас, как памятование о сделанном нами добре. Оно производит двоякое зло: делает нас беспечнейшими и гордыми. Потому-то Павел, знавший, что природа наша очень склонна к беспечности, и много похваливший филиппийцев, смотри, как удерживает их от гордости, сверх многих других предложенных выше, особенно настоящими словами. Что они говорит? «Братия, я не почитаю себя достигшим». А если и Павел еще не достиг и не имеет полной уверенности в своем воскресении и в будущем, то едва ли (возможно это) для тех, которые не совершили и малейшей части его добродетелей. (Апостол) выражает своими словами следующее: я еще не считаю себя достигшим полного совершенства, – говоря так, как сказал бы кто о скороходе: он еще не достиг. Я еще не все, говорит, совершил. Правда другом месте он говорит: «Подвигом добрым я подвизался» (2Тим. 4:7), а здесь: «я не почитаю себя достигшим», но кто прочитает оба эти места, тот поймет причину тех и других слов. Не всегда же надобно повторять одно и то же, не всегда же внушать нам все, даже и то, что эти слова им сказаны гораздо прежде, а те пред кончиной. «Не почитаю себя, – говорит, – достигшим», но об одном только думаю, – чтобы простираться вперед; это и значат его слова: «А только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божья во Христе Иисусе» (Фил.3:13, 14). Смотри, как он ясно показал этими словами, что побуждало его простираться вперед. Так, кто думает о себе, что он уже совершен и что нет у него никакого недостатка для полноты добродетели, тот и перестает стремиться, как достигший всего: напротив, кто думает, что он еще далек от цели, тот никогда не перестанет стремиться к ней.

Это и мы всегда должны помышлять, хотя бы мы совершили и весьма много доброго. Если Павел после бесчисленных смертей, после стольких бед помышлял об этом, то тем более мы. Я не упал (духом), говорит (апостол), и не пришел в отчаяние от того, что, совершивши такое поприще, не достиг, но еще стремлюсь, еще подвигаюсь. Я имею в виду

только то, как бы успеть действительно. Так надобно поступать и нам – забывать добрые дела и оставлять их позади себя. Скороход думает не о том, сколько он пробежал поприща, но о том, сколько ему остается еще. И мы будем помышлять не о том, сколько совершили добрых дел, но о том, сколько еще остается нам (совершить). Что пользы от того, что мы сделали, когда еще остается что-либо не доделанным? И (апостол) не сказал: не помышляю, не помню, но: "забывая", чтобы сделать нас внимательнее, так как мы тогда делаемся ревностнейшими, когда все усердие прилагаем к тому, что еще не сделано, когда сделанное предаем забвению. «Простираясь», – говорит, мы стараемся взять что-либо прежде, нежели достигли. Кто простирается, тот старается предупредить свои ноги, еще бегущие, остальными частями тела, протягиваясь вперед и вытягивая свои руки, чтобы как-нибудь выгадать в беге. Но это происходит от великого усердия, от сильного желания. Так-то подлежит стремиться тому, кто стремится, с таким-то тщанием, с таким-то усердием, а не на боку лежа; насколько различается лежащий на боку от стремящегося сказанным образом, столько различаемся и мы от Павла. Он каждодневно умирал, каждодневно приобретал славу; не было случая, не было времени, когда бы его стремление не увеличивалось; он хотел восхитить, а не получить награду, потому что таким образом можно и получить ее. На небе пребывает Тот, Кто дает награду; на небе уготована награда.

2. Смотри, какое пространство: его-то нужно пробежать; смотри, какая высота: туда-то нужно взлететь на крыльях духа; а иначе нельзя пролететь на эту высоту. Туда должно перейти с телом; и это возможно: «Наше же жительство – на небесах» (Флп.3:20). Там наша награда. Видишь ли, как правильно живут те, которые состязаются в беге? Как они не позволяют себе ничего, что ослабляет их силы? Как они каждодневно упражняются в палестре под руководством учителя и с соблюдением правил? Подражай им и ты, а лучше – покажи усердие еще большее, так как награда неодинаковая и много препятствующих; живи по закону, так как есть много такого, что ослабляет силы; укрепи голени ног твоих, так как это возможно, и зависит не от природы, но от свободной воли. Облегчим движение, чтобы остальной груз не препятствовал быстроте ног. Приучи ноги твои ступать твердо: много ведь мест скользких, и если ты упадешь, то много потеряешь. Впрочем, если и упадешь, вставай, потому что и в таком случае можно победить. Никогда не ступай на предметы скользкие, и ты не упадешь; беги по местам твердым, головой к небу, глазами к небу, как советуют и наставники упражняющимся в бегании: таким образом укрепляется сила. Если же наклонишься, то упадешь,

ослабеешь. Вверх гляди, – туда, где находится награда: самый вид награды усиливает решимость, боязнь поражения не дает чувствовать усталости, и делает то, что долгий путь представляется коротким. Какая же это награда? Не финиковая ветвь, но что? Царство небесное, вечный покой, слава со Христом, наследие, братство, бесчисленные блага, каких невозможно выразить. Нельзя изъяснить красоты этой награды: постигает ее только тот, кто получил ее, и тот, кто имеет получить ее. Она не из золота, не из драгоценных камней, но гораздо драгоценнее их: золото пред этой наградой – грязь, драгоценные камни пред красотой награды – кирпичи. Если ты, удостоившись ее, отойдешь на небо, то великой честью будешь пользоваться там; с такой наградой будут почитать тебя и ангелы, с великим дерзновением ты будешь обращаться со всеми. «Во Христе Иисусе» (Флп.3:14).

Смотри, как хорошо рассуждает (апостол). «Во Христе Иисусе», – говорит, я делаю это (т. е. стремлюсь к почести). Без Его содействия нельзя пройти такого пространства: для этого потребна великая помощь, великое содействие. Богу угодно, чтобы ты подвизался на земле, а венец получил на небе, не так, как здесь: земной венец дается на месте подвига, а тот венец дается в месте светлом. Да не видите ли, что и здесь тех борцов и наездников, которых особенно отличают, не увенчивают на зрелище, внизу; но наверх призвав, там царь венчает их. Подобным образом и ты получишь награду на небе. «Итак, кто из нас совершен, – продолжает (апостол), – так должен мыслить; если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет» (Флп.3:15). Что такое – "это"? То, что заднее должно забывать, почему свойство совершенного – не считать себя совершенным. Как же ты говоришь: «Кто из нас совершен»? Так ли мы рассуждаем, как ты рассуждаешь, скажи мне? Если ты не достиг и не усовершенся, то почему же совершенным повелеваешь мудрствовать то же, что сам мудрствуешь, не будучи еще сам совершенным? Потому, говорит, что это и составляет, совершенство. «Если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет», т. е., если кто думает (и иначе), что он совершил все добродетели. (Апостол) предостерегает (филиппийцев), но сказал не так, – а что? «Если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет». Смотри, как он скромно сказал это. Бог вас научит, т. е. Бог вас уверит, а не просто научит, потому что учил Павел, но вразумлял Бог; впрочем (апостол) не сказал – вразумит, но: "откроет", чтобы показать, что дело происходит преимущественно от неведения. Это сказано не о догматах, но о совершенстве жизни, и о том, чтобы не считали себя совершенными, так как кто думает о себе, что он уже достиг всего, тот не имеет ничего.

«Впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить» (Флп.3:16). «Впрочем, до чего мы достигли»: что это значит? Это значит: а между тем будем держаться того, что мы совершили, т. е. любви, единомыслия, мира. Это мы совершили. «Впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить». «Впрочем, до чего мы достигли», т. е. это мы уже совершили. Видишь ли, что он свое учение хочет поставить правилом? Правило не терпит ни прибавления, ни убавления: иначе оно перестает быть правилом. «и по тому правилу», т. е. той же верой, тем же наставлением. «Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас» (Флп.3:17). Вышесказанными словами: «Берегитесь псов», (апостол) отклонял (филиппийцев от злых людей), а теперь обращается к тем, кому они должны подражать. Если кто хочет, говорит, подражать нам, если кто (хочет) идти тем же путем, то помните следующее: хотя я и не с вами, но вы знаете образ моего хождения, т. е. препровождения жизни. Он учил не словами только, но и делами, – подобно тому, как в хоре и в войске все должны последовать правящему хором или войском, и таким образом действовать стройно; а стройность может нарушиться и от остановки.

3. Итак, апостолы были образцом, заключая в себе черты, служащие как бы некоторым первообразом. Подумайте, как строга была жизнь их, когда они поставлены первообразом и примером и одушевленными законами! То самое, что говорило Писание, они показывали всем своими делами. Вот наилучший способ учения: таким образом учитель может наставить своего ученика. Но если он говорит и рассуждает хорошо, а делает худо, то он еще не учитель: рассуждать на словах легко может и ученик, потребно же наставление и руководство делами. Это и учителя делает почтенным, и ученика располагает к послушанию. Каким образом? Когда (ученик) заметит, что (учитель) только рассуждает на словах, то скажет, что он требует невозможного, а что (требует) невозможного, сам же учитель первый доказывает своим неисполнением; но если ученик увидит, что добродетель совершается на деле, то уже не может этого сказать. Впрочем, хотя бы жизнь учителя была и небрежна, нам должно быть внимательными к себе и слушать пророка, который говорит, что будут все «будут научены Господом» (Ис. 54:13); и: «И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого» (Иер. 31:34). Ты не имеешь добродетельного учителя? Но имеешь Учителя истинного, Кого одного и должно называть учителем. От Него учись. Он сказал: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток» (Мф. 11:29). Так, не тому учителю внимай, но Этому

и Его наставлениям. С Него бери пример, – вот тебе прекрасный образец, – с Ним соображайся. В Писании есть множество образцов добродетельной жизни, – перейди, если угодно, от учителя и к ученикам: иной прославился нищетой, другой богатством, – нищетой, напим., Илия, богатством Авраам. Какая жизнь тебе кажется легче и удобнее, той и следуй. Еще, иной прославился супружеством, другой девством, Авраам, напим., супружеством, а тот (Илия) девством. Иди каким угодно путем: тот и другой ведет к небу. Иной прославился постом, напим., Иоанн, другой и без поста, как Иов. Сверх того последний заботился и о жене, и о сыновьях, и о дочерях, и о доме, и имел великое богатство, а первый не имел ничего, кроме волосяной одежды. И что я говорю о доме, о богатстве и деньгах, когда, и будучи царем, можно стяжать добродетель? В царском дворце дел гораздо более, нежели во всяком частном доме; однако ж Давид прославился и будучи царем, порфира и Диадема нисколько не расстроили его. Другой прославился и управляя целым народом – я разумею Моисея, – что еще труднее, так как здесь было больше власти, а потому больше и трудности. Ты видел, что прославлялись и при богатстве и в бедности, и в супружестве и в девстве; теперь посмотри и на противоположную сторону, на погибавших и в супружестве и в девстве, и в богатстве и в бедности. Так, в супружестве погибли многие люди, напим., Самсон, не от супружества впрочем, но от своей воли; в девстве – пять дев; в богатстве – тот богач, который презирал Лазаря; в бедности и ныне погибают весьма многие нищие. Могу показать многих, которые погибли в царском достоинстве и управляя народом. Но ты хочешь видеть, спасаются ли и в воинском звании? Посмотри на Корнилия. Спасаются ли домоправители? Посмотри на евнуха ефиоплянки. Таким образом из всех примеров видно, что когда мы пользуемся богатством, как должно, то оно нас не погубит, а если иначе, то все будет служить к гибели – и царское достоинство, и бедность, и богатство. Кто осторожен, тому ничто не может сделать вреда. Скажи мне, в самом деле, сделал ли какой вред плен? Нет. Припомни, что Иосиф, и находясь в рабстве, сохранил добродетель; припомни, что Даниил и три отрока были в плену, и между тем прославились еще более. Добродетель во всяком состоянии славна и бывает непобедима, и ничто не может быть для нее препятствием. Что я говорю о бедности, плене и рабстве? Добродетели не могут причинить вреда ни голод, ни язва, ни болезнь, – а болезнь тяжелее и рабства. Таков был Лазарь, таков Иов, таков Тимофей, который был одержим частыми недугами.

Видишь ли, что ничто не может победить добродетели – ни богатство, ни бедность, ни власть, ни подчиненность, ни управление делами, ни

болезнь, ни бесславие, ни ссылка, что она, оставив все это долу, на земле, поспешает на небо. Только имей благородную душу, и не будет препятствия быть добродетельным; когда действующий силен, то ничто внешнее не препятствует ему. И в искусствах, когда художник опытен, терпелив и совершенно знает искусство, то хотя бы постигла его болезнь, искусство при нем, хотя бы он впал в бедность, искусство при нем, хотя бы он имел в руках инструмент, хотя бы не имел, хотя бы работал, хотя бы не работал, оно нисколько не умаляется, потому что знание находится в нем самом. Так и добродетельный и преданный Богу человек равно является добродетельным, находясь и в богатстве и в бедности, и в болезни и в здравии, и в славе и в бесславии.

4. Не через все ли это прошли апостолы? "В чести, – сказано, – и бесчестии, при порицаниях и похвалах» (2Кор.6:8). Готовность на все – вот что делает подвижником. Таково и свойство добродетели. Если же ты скажешь, что не могу управлять многими, что я должен жить в одиночестве, то ты оскорбил добродетель. Она может все употреблять в свою пользу, и во всяком случае обнаружиться, только пусть она будет в твоей душе. Случается ли голод, случается ли обиды, – она равно оказывает свою силу, как говорит Павел: «Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии» (Фил.4:12). Нужно ли было трудиться? Он не стыдился, но два года трудился. Нужно ли было терпеть голод? Он не ослабел, не колебался. Надлежало ли умереть? Не унывал, во всех обстоятельствах показывал благоразумие, благородство и искусство. Будем же подражать ему и мы, – и для нас не будет причины печалиться. Да и что, скажи мне, может опечалить такого человека? Ничто. Доколь никто не отнял у нас добродетели, мы будем блаженнее всех людей и здесь, не только там. Кто добродетелен, тот хотя имеет и жену, и детей, и деньги, и великую славу, при всем этом равно остается добродетельным; отними у него это, он также пребудет добродетельным, от несчастья не упадет, и от счастья не возгордится; как скала и во время морского волнения и во время тишины одинаково стоит непоколебимой, ни волнами не сокрушается, ни от тишины ничего не терпит, – так и душа твердая остается непоколебимой и во время тишины и во время волнения. И хотя дети, плывя в лодке, и пугаются, но кормчий сидит улыбаясь и спокойно, смотрит и забавляется их страхом: так и душа любомудрая, при благоразумии, как бы на корме и у руля, пребывает непоколебимой, тогда как все остальные мнутся, или же, при перемене обстоятельств, нехоти смеются. Что, скажи мне, может возмутить благоразумную душу? Смерть? Но (такая душа) знает, что смерть есть начало лучшей жизни. Бедность?

Но бедность помогает ей в добродетели. Болезнь? Но она считает ее за ничто. И что я говорю о болезни? То же – и расслабление, и скорбь: ведь еще прежде она сама себя подвергла скорби. Бесславие? Но для нее распялся весь мир. Потеря детей? Но (такая душа) чужда страха: если она уверена в воскресении, то что может сокрушить ее? Ничто совершенно. Быть может, богатство надмевает? нет: она знает, что деньги – ничто. Так слава? Но ей внушено, что «Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой» (Ис. 40:6). Так удовольствия? Но она слышала слова Павла, что «сластолюбивая заживо умерла» (1Тим. 5:6). Когда же она не возносится, не унижается, то что может сравниться с ее благосостоянием? Другие души, однако же, не таковы но меняются чаще моря и хамелеона. Потому-то и бывает весьма смешно, когда видишь, что один и тот же то смеется, то плачет, то через меру занят, то рассеян. И когда Павел говорит: «Не сообразуйтесь с веком сим» (Рим. 12:2), то не по другой какой-нибудь причине, а по той, что наше жительство на небе, где нет изменения (Фил.3:20).

Нам обещаны неизменяемые награды: будем же проводить такую жизнь, за которую бы получить нам вечные блага. Зачем нам бросаться в эту пучину, в эти волны, в бурю и вихрь? Пребудем в тишине. Это вовсе не зависит ни от богатства, ни от бедности, ни от славы, ни от бесславия, ни от болезни, ни от здоровья, ни от немощи, но (зависит) от души нашей. Если она тверда и хорошо наставлена в наук добродетели, то для нее все будет легко. Она и здесь уже увидит покой и тихое пристанище, а перешедши туда, получит бесчисленные блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Фил.3:18–21. Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова. Их конец – погибель, их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном. Наше же жителство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, *которой Он действует и покоряет Себе все.*

Знамение креста в крещении и рукоположении.

1. Всего неприличнее и несвойственнее христианину – искать праздности и покоя; ничто так не противно призванию нашему и воинствованию, как сильная привязанность к настоящей жизни. Твой Владыка был распят, а ты ищешь покоя? Твой Владыка был пригвожден, а ты предаешься удовольствиям? Это ли дело благородного воина? Потому и Павел говорит: «Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова». Так как были люди, которые лицемерно держались христианства, а жили в праздности и неге, – что противно кресту, – поэтому (апостол) и говорит таким образом. Крест составляет принадлежность души, выступившей на борьбу, готовой на смерть, и вовсе не ищущей покоя; а они живут совсем напротив. Итак, хотя они называют себя Христовыми, но они враги креста: иначе, если бы они любили крест, то старались бы проводить и жизнь свойственную Распятому. Не распят ли был твой Владыка? Если ты не можешь так же (распяться), можешь другим образом подражать ему: распинай самого себя, хотя бы и никто не распинал тебя; распинай, говорю, себя, не для того, чтобы умертвить себя, – отнюдь нет, это и незаконно, – а по слову Павлову: «Для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6:14).

Если ты любишь твоего Владыку, умри Его смертью: познай, как велика сила креста, какие благотворные производил он и производит действия, какое он прибежище в жизни. Им совершается все: крещение – крестом (так как должно принять печать), рукоположение – крестом, и вообще бываем ли на пути, или дома, или в другом каком месте, – крест великое благо, спасительное оружие, непреодолимый щит, неприязненный дьяволу. Итак, когда ты ратуешь против него, то уже несешь крест, но просто напечатлевая (на себе знамение креста), но претерпевая страдания креста. Христос крестом обыкновенно называет страдания, когда говорит: «Возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16:24), т. е., если кто не

готов на смерть. А люди чувственные, любящие жизнь и плоть, являются врагами креста; да и всякий, преданный удовольствиям и земному спокойствию, есть враг креста, которым Павел хвалится, который объемлет и с которым он старается тесно соединиться, как это видно из слов его: «Для меня мир распят, и я для мира». «Теперь даже, – говорит, – со слезами говорю». Почему? Потому что зло усилилось, потому что таковые (люди) достойны слез. В самом деле достойны слез те, которые проводят жизнь в удовольствиях, которые одежду своей души, т. е. тело, утучняют, а вовсе не помышляют о наказаниях в будущей жизни. Вот ты живешь в удовольствии, вот упиваешься сегодня и завтра, и десять, и двадцать, и тридцать, и пятьдесят, и сто лет, – это невозможно, однако ж допустим, если угодно. Какой же конец? Какая польза? Никакой. А потому не достойна ли слез и плача такая жизнь? Бог поставил нас на это поприще, чтобы увенчать нас, а мы сходим с него, не сделавши ничего доблестного. Итак, Павел плачет о том, чему другие смеются, чем другие наслаждаются: столько-то он сострадателен, так-то он заботится о всех людях! "Их, – говорит, – бог – чрево». Потому бог у них – «Станем есть и пить» (1Кор. 15:32). Видишь ли, как худо удовольствие? У одних бог деньги, а у других – чрево. Таковые не идолопоклонники ли, даже не хуже ли их? "И слава их, – говорит, – в сраме". Некоторые говорят, что этими словами указывается на обрезание; а я говорю совсем другое, именно вот что значат эти слова: они величаются тем, чего бы надлежало им стыдиться. То же говорит (апостол) в другом месте: «Какой же плод вы имели тогда? *Такие дела*, каких ныне сами стыдитесь» (Рим. 6:21)? Делать постыдное – тяжкий грех; грех наполовину уменьшается, если делающий стыдится; а когда кто еще хвалится постыдным, то это верх бесчувствия. Но об них ли одних сказано это? Не подлежит ли кто из присутствующих здесь с нами тому же обвинению? Или никто из вас не заслуживаете его? Никто не почитает чрева богом? Не поставяете славы своей в студе? Желая, сильно желаю, чтобы подобного ничего нельзя было приложить к нам, желал бы даже не знать такого, кому бы сказанное можно было поставить в упреке, но боюсь, не к нам ли более, нежели к своим современникам, говорит (апостол). Ведь если кто всю жизнь тратит на то, чтобы пить и есть, нищим уделяет мало, а больше издерживает на чрево, – то не прилично ли к такому отнести сказанное?

2. Ничто не может более побудить стыд, и быть укорительнее этого изречения: «Их бог – чрево, и слава их – в сраме». Кто это такие? Те, которые «они мыслят о земном», которые говорит: мы построим дома. Где? На земле. Говорит: купим поля, – опять на земле; получим власть, –

опять на земле; достигнем славы, – тоже на земле; разбогатеет, – все на земле. Вот те, «их бог – чрево»! Те, которые не думают о духовном, которых все заботы и помышления ограничиваются землей, поистине имеют богом чрево, говоря: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем!» (1Кор. 15:32). И после того ты еще сетуешь, что тело твое из земли, хотя это нисколько не вредит тебе по отношению к добродетели; между тем, скажи мне, ты смеешься и забавляешься, низводя удовольствиями душу до праха, и вовсе не думая об этом? Какое же прощение получишь ты, повергнув себя в такую бесчувственность, тогда как и самое тело должно сделать духовным? И это возможно, если бы ты пожелал. Тебе дано чрево для того, чтобы питать, а не расширять его; чтобы управлять им, а не подчиняться ему; чтобы оно тебе служило для питания прочих частей, а не ты ему служил, – не для того, чтобы ты выходил из границ. Не столько зол причиняет выступившее из берегов море, сколько желудок вредит телу нашему и вместе душе. Море потопляет всю землю, а желудок (обременяет) все тело. Положи ему пределом довольство, как Бог оградил море песком. И если он волнуется, если свирепствует, – запрети ему властью тебе данной. Смотри, как Бог почтил тебя разумом, чтобы ты подражал Ему; а ты не хочешь, но, видя желудок переполненным и расстраивающим всю твою природу, и обращающимся в болото, не смеешь сдержать и сделать умеренным. "Их бог, – говорит, – чрево". Посмотрим, как Павел служил Богу; посмотрим, как и чревоугодники (служат) чреву. Не подвергаются ли они бесчисленным смертям? Не боятся ли отказать ему в каком бы то ни было требовании? Не раболепствуют ли ему даже в невозможном? Не хуже ли они невольников? Но Павел не таков, потому он и сказал: «Наше же жительство – на небесах». Не будем же и мы искать покоя здесь (на земле); пожелаем сделаться славными там, где и житие наше. "Откуда, – говорит, – мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его». Постепенно возводит нас: с неба, говорит, Спаситель наш, доказывая величие местом и лицом. «Который униженное тело наше, – говорит, – преобразит». Тело наше ныне много терпит; его вяжут, бьют, оно претерпевает бесчисленные беды. Но и тело Христово только же терпело. На это он намекает, говоря: «что оно будет сообразно славному телу Его». Потому, хотя тело то же самое, но облачается в бессмертие. «Преобразит», – говорит. Следовательно (оно будет иметь) и другой образ; или же он так назвал изменение в несобственном смысле. Сказал же – «униженное тело наше» потому, что оно ныне унижено, подвержено тлению, болезни; ныне оно кажется

ничтожным и ничем не лучше прочих (тел). «Что оно будет сообразно, – говорит, – славному телу Его». Увы! Это тело будет сообразно тому телу, которое сидит одесную Отца, которому поклоняются ангелы, которому предстоят бесплотные силы, которое превышает всякого начальства, власти и силы, – вот какому оно сообразно будет.

Итак, если вся вселенная будет слезно оплакивать (людей), потерявших эту надежду, то оплатит ли она достойно, что и при данном нам обещании – «что оно будет сообразно» тело наше отходит вместе с демонами? Я не упоминаю уже о геенне; что бы ты ни сказал – все почитаю за ничто в сравнении с такой потерей. Что ты говоришь, Павел? Тому ли сообразно будет? Да, говорит. А для удостоверения приводит и доказательство: "Силою, – говорит, – которой Он действует и покоряет Себе все". Христос имеет силу, говорит (апостол), покорить Себе все, следовательно и тление и смерть, и преимущественно той же самой силой Он сделает и это. И для чего, скажи мне, потребно больше силы: покорить ли ангелов, и архангелов, и херувимов, и серафимов, и демонов, или сделать тело нетленным и бессмертным? Без сомнения гораздо более для первого, нежели для последнего. Он показал большие дела Своей силы, чтобы ты и последнему поверил. Итак, хотя вы видите (миролюбцев) в радости, хотя видите в славе, – стойте, не соблазняйте их примером, и не страшитесь. Надежда (на прославление тела) сильна возбудить самого ленивого и сонливого. «Итак, братия мои возлюбленные и вожденные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные» (Флп. 4:1). "Так" – каким образом? Как вы стояли непреклонными. Смотри как он после увещания присовокупляет похвалы: «радость и венец мой». Не только радость, но и слава; не только слава, но и венец. Той славе ничего нет равного, – когда они составляют венец Павла. «Стойте так в Господе, возлюбленные», т. е. в надежде на Бога. «Умоляю Еводию, умоляю Синтихию мыслить то же о Господе. Ей, прошу и тебя, искренний сотрудник, помогай им» (Флп.4:2, 3).

3. Некоторые говорят, что (апостол) этими словами – «искренний сотрудник» просит жену свою; но это несправедливо: он просит какую-то жену, или мужа одной из них. «Помогай им, – говорит, – подвизавшимся в благовествовании вместе со мною и с Климентом и с прочими сотрудниками моими, которых имена – в книге жизни». Видишь ли, как он свидетельствует об их добродетели? Что Христос сказал (апостолам): «Однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны в книге жизни» (Лк. 10:20), то же свидетельство он дает им (филиппийцам) словами: «которых имена – в

книге жизни». Мне кажется, что эти жены были важны в церкви (филиппийской), и он препоручает их мужу, конечно – достойному удивления, которого и называет сотрудником, – которому, быть может, он обыкновенно поручал как споспешнику, сподвижнику, соучастнику и брату. Это он делает и в послании к Римлянам, говоря: «Представляю вам Фиву, сестру нашу, диаконису церкви Кенхрейской» (Рим. 16:1). «Сотрудник». Так он называет или какого-нибудь брата их, или мужа одной из них; как бы так сказал: ныне ты искренний брат, ныне ты истинный муж, потому что сделался членом. «Подвизавшимся в благовествовании вместе со мною». Твоя честь в тебе, не в дружбе, но в добрых делах. «Подвизавшимся вместе со мною». Что ты говоришь? Жены подвизались вместе с тобою? Да, говорит; немало и они помогали. Хотя у него и много было сотрудников, но в числе многих содействовали и жены. Следовательно, церкви тогда возрастали немало, и то, что такой честью от других пользовались почтенные мужи и жены, производило много добра, во-первых, потому, что и прочие возбуждались к равной ревности, во-вторых, через почтение они получали пользу, в-третьих, и сами они делались ревностнее и усерднее. Потому ты видишь, что (Павел) везде старается об этом, и поставляет таковых на вид; об этом он говорит и в послании к Коринфянам: «Что оно есть начаток Ахаии» (1Кор. 16:15). А некоторые говорят, что имя – «сотрудник» есть собственное. Но какое бы это имя ни было, нет нужды со всей точностью изыскивать; а должно удивляться, что он повелевает воздавать им великое почтение.

4. Все для нас на небесах, и Спаситель, и град, и – что ни сказал бы кто. "Откуда, – говорит, – мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа». И это – дело Его человеколюбия. Сам опять грядет к нам, а не нас туда влечет, и таким образом, взявши нас, отходит: и это великая честь для нас. Если Он пришел к нам, когда мы были Его врагами, то тем более (придет), когда мы сделались (Его) друзьями. Не поручает этого ни ангелам, ни рабам; но сам грядет на облаках, чтобы призвать нас в царство Свое. А может быть и те, которые Его почитают, восхищены будут на облаках: и "мы", – сказано, почитающие Его «восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1Фес. 4:17). Кто же окажется верным и мудрым рабом? Кто те, которые удостоятся таких благ? Как жалки отпавшие! Если бы мы и всегда оплакивали потерявших царство, оплачем ли достойно (участь их)? Если бы ты насаждал и тысячи геенн, то не скажешь ничего равного тому мучению, какое будет терпеть душа тогда, когда потрясется вся вселенная, и прозвучат трубы, – когда будут предходить ангелы первого чина, потом

второго, затем третьего, после того бесчисленные сонмы сойдут на землю, потом херувимы, которые также многочисленны и бесконечны, далее серафимы, – когда наконец придет сам (Христос) в той неизреченной славе, – когда пришедшие вперед будут поспешно выводить избранных на средину, – когда потом Павел и все прославившиеся подобно ему, пред лицом всего небесного воинства, будут увенчаны от Царя, провозглашены и почтены. Даже если бы не было геенны, каково бы и тогда было одним получить честь, а другим бесчестие? Нестерпима геенна, признаюсь, весьма нестерпима; но лишение царства нестерпимее ее. Скажи мне, если бы какой царь, или сын царя, отправившись, окончивши множество войн и заслужив себе удивление, в сопровождении всего войска вошел в какой-нибудь город на колесниц с трофеями, с бесчисленными полками (воинов) покрытых золотом, с телохранителями, имеющими золотые щиты, и весь город был бы украшен, и при нем находились бы все властители вселенной, а за ним следовали бы всякого возраста чужеземцы, заключенные в оковы, с эпархами, сатрапами, ипатами, тиранами и архонтами, – если бы при всей этой славе он одних из встречающих его граждан и принимал и приветствовал, и подавал им руку, и позволял им говорит с полной откровенностью, или даже со всеми стоящими разговаривал как с друзьями, говорил, что весь этот путь он совершил для них, но затем одних ввел в свои царские чертоги, а других оставил, – то какому бы наказанию не было это равносильно, хотя бы (оставленные) и не были наказываемы? Если же столь горько лишиться такой славы от человека, то тем более от Бога, когда все горние силы будут с Царем, а демоны связаны и унижены, и когда сам дьявол и вся сила вражья поведется в узах, когда силы небесные, когда сам (Христос) придет на облаках. Поверьте мне, что от скорби, угнетающей мою душу при этом повествовании, я не могу докончить слова. Подумаем, какой великой славы мы лишаемся, тогда как можно бы не лишиться. Мучительно то, что мы, при всей возможности с нашей стороны не терпеть этого, терпим. Когда (Христос) одних примет и поведет к Отцу на небеса, а других оставит; и когда этих последних против их воли, плачущих и поникших долу, некоторые ангелы взявши повлекут в огонь гееннский, наперед обличив пред целой вселенной, – какая тогда, полагаешь ты, будет скорбь?

Итак, постараемся, пока есть время, и с великой ревностью позаботимся о своем спасении. Сколько можем мы сказать такого, что говорил богатый? Если бы кто теперь позволил нам, то мы надавали бы полезных советов; но никто не позволяет. А что мы (много) наговорили бы, это известно не от одного (богача) того, но и от многих других. Или ты

не знаешь, сколько было таких, которые находились в горячке и говорили: если бы нам выздороветь, то уже не подвергнемся таким (мучениям)? Много такого наговорим мы тогда; но подобно тому богачу услышим, что есть пропасть, что мы здесь "получили... добро..." (Лк. 16:25). Итак, умоляю вас, будем горько вздыхать; или лучше, не вздыхать только, но и жить добродетельно. Будем теперь плакать для спасения, чтобы не плакать тогда тщетно, рыдать теперь, и не рыдать тогда о нечестии. Нынешний плач (происходит) от добродетели, а будущий от бесполезного раскаяния, – будем же скорбеть ныне, чтобы не скорбеть тогда. Не все равно скорбеть здесь, или там: здесь ты скорбишь кратковременно, или лучше вовсе не чувствуешь скорби, зная, что скорбишь о благе; а там скорбь ужаснейшая, так как безнадежна, непрерывна, бесконечна и вечна. О, если бы все мы, избегши такой скорби, получили успокоение! Но так как для того, чтобы не лишиться этого, потребно усиленное старание и непрестанные молитвы, то прошу вас, будем стараться. Если мы стараемся и молимся, то достигаем; если будем прилежно молиться, то Бог подаст. Если же не просим Его и не делаем чего-либо такого, и вовсе остаемся в бездействии, то как можно спящим сделать доброе когда-либо? Никак. Довольно, что текущие, стремящиеся и сообразующиеся смерти Его, как сказал Павел, могут получать, а спящие отнюдь не могут. "Чтобы, – говорит, – достигнуть» (Фил.3:11). Если же Павел говорил: «чтобы достигнуть», то что скажем мы? Спящие вовсе не могут совершать и мирских дел, тем более духовных; спящие никогда ничего не могут получить и от друзей, не могут и от Бога; спящих и отцы не почитают, также и Бог. Потрудимся немного, чтобы всегда наслаждаться покоем. Скорбеть совершенно необходимо, и если не поскорбим здесь, то будем скорбеть там. Для чего не решаемся скорбеть здесь, чтобы там успокоиться? О, если бы всем нам, прожившим достойно Христа, и сообразовавшимся смерти Его, сподобиться неизреченных благ во Христе Иисусе, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Фил.4:4–7. Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе.

О непамятозлобии.

1. «Блаженны плачущие», и: «Горе вам, смеющиеся» (Мф. 5:4; Лк. 6:25), говорит Христос. Почему же Павел говорит: «Радуйтесь всегда в Господе»? (Апостол) не противоречит Христу, – несколько. Христос сказал: «Горе вам, смеющиеся», разумея смех этого мира в отношении к делам настоящим; а блаженными назвал не тех плачущих, которые оплакивают только потерю собственности, но тех, которые скорбят и плачут о своих неправдах, размышляя о грехах своих, или о чужих. Этому плачу не противна та радость; даже более – от этого плача она и происходит, потому что оплакивающий и исповедующий свои неправды радуется. Иначе (сказать), можно плакать о грехах своих, а радоваться о Христе. И вот, так как (филиппийцы) томились под бременем страданий, – «потому что вам дано, – сказано, – не только веровать в Него, но и страдать за Него», – то он и говорит: «Радуйтесь всегда в Господе». Слова эти значат не иное что, как – ведите такую жизнь, чтобы радоваться. Поэтому, когда дела для Бога совершаются у вас беспрепятственно, – радуйтесь. Итак, или это говорит (апостол), или предлог о (έν) употреблен (вместо с (συν)); как бы так сказал: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь». Так говорит свойственно крепко уверенному, и показывающему, что пребывающий в Боге всегда радуется. Скорбит ли такой, терпит ли что, – всегда он радуется. Послушай, что повествует Лука об апостолах: «Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (Деян. 5:41). Если бичи и узы, которые по-видимому всего тягостнее, производят радость, то что другое может причинить нам печаль? «И еще говорю: радуйтесь». Кстати он повторил слово. Так как обстоятельства были таковы, что рождали печаль, то через повторение слова показывает, что точно должно радоваться. «Кротость ваша да будет известна всем человекам». Выше он сказал: «Их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном». А так как представлялось вероятным, что (филиппийцы) отнесутся недружелюбно к

злым (людям), то (апостол) и увещевает, чтобы они, не имея ничего общего с таковыми, в то же время с великой кротостью обходились бы не только с братьями, но даже с врагами и неприятелями. «Господь близко. Не заботьтесь ни о чем». Отчего, скажите мне, вы унываете? Оттого, что восстают против вас? Оттого, что вы видите их веселую жизнь? «Не заботьтесь ни о чем». Уже настал суд; скоро они дадут ответ в делах своих. Но вы в скорби, а они в веселии? Это скоро кончится. Но они коварствуют и угрожают? И это не надолго будет им попущено; уже близок суд, когда все будет напротив. «Не заботьтесь ни о чем»: уже настало (время) возмездия. Будете ли обходиться кротко с теми, которые готовят вам бедствия, постигает ли вас нищета, смерть, или другое какое-либо зло, – все прекратится. «Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом».

Итак, первое утешение – в том, что «Господь близко», и в обетовании: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20). Вот и другое утешение, которое и в скорби, и в несчастии, и во всех горестных случаях служит облегчительным лекарством. Какое же это? Молитва, и благодарение за все. Потому Он желает, чтобы в молитвах мы не только просили, но и благодарили за то, что имеем. Да и как станет просить о будущем тот, кто не умеет благодарить за прошедшее? Но "всегда", – говорит, т. е. во всякой вещи, «в молитве и прощении». Итак, должно благодарить за все, даже и за то, что кажется прискорбным: это – свойство истинно благодарного. Первого (благодарения за все) требует самое существо вещей; а последнее (благодарение за прискорбное) происходит от души благодарной и сильно преданной Богу. Таковые молитвы приятны Богу, а другим Он не внемлет. Потому молитесь о том, что угодно Ему. Он все устраивает к нашей пользе, хотя мы и не понимаем. Даже то самое, что мы не понимаем, весьма полезно. «И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе». Что это значит? "Мир Божий" т. е. мир, который устроил Бог с людьми, превосходит всякий ум. Кто в самом деле мог ожидать, кто мог надеяться на такие блага? Они выше не только всякого слова, но и всякого ума человеческого: за врагов своих, за тех, которые ненавидят Его, отвращаются от Него, – за них Он не пощадил предать Единородного Сына, чтобы примириться с нами. Этот-то мир, т. е. примирение и любовь Божья, «соблюдет сердца ваши и помышления ваши».

2. Дело учителя не только увещевать, но и молиться и молитвой помогать (ученикам), чтобы они не пали под тяжестью искушений, и не были обмануты; как бы так сказал он: кто избавил вас таким

непостижимым для ума образом, Тот да сохранит и утвердит вас, чтобы вы ничего не потерпели. Итак, или это объясняет (апостол), или понимает тот мир, о котором сказал Христос: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Иоан. 14:27), – он да сохранит вас. Этот именно мир превосходит всякий ум человеческий. Если же ты спросишь: каким образом? – то слушай. Когда Господь заповедует иметь мир с врагами, которые обижают, вооружаются против нас и ненавидят нас, – не выше ли это ума человеческого? Но обратим особенное внимание на первые слова: «Мир, который превыше всякого ума». Если мир (превосходит всякий ум), то тем более сам Бог, податель мира, превосходит всякий ум, не только наш, но даже ум ангелов и горних сил. А что значит – «Во Христе Иисусе»? В Нем да сохранит, говорит, чтобы вы были непоколебимы и не отпали от веры в Него. «Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо» (Флп.4:8). Что значит: "Наконец"? То есть, все уже нам сказано. Это выражение свойственно тому, кто поспешает и нисколько не останавливает внимания на настоящем. «Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне» (Флп.4:9). Что значит – «что любезно»? Любезное верующим, любезное Богу. «Что только истинно». Совершенно истинное то же, что добродетель, а ложь то же, что порок, так как и удовольствие порока ложь, и слава его ложь, и все, что в мире, ложь. "Что чисто" – сказано в противоположность выражению: «они мыслят о земном». «Что честно» – в противоположность: «Их бог – чрево». «Что справедливо, что достославно» – вот о чем, говорит, («помышляйте»). «Что только добродетель и похвала». Здесь он внушает им попечение и в отношении к людям "О том", – говорит, – «помышляйте». Видишь ли, что он хочет изгнать из душ наших всякое злое помышление? Ведь от (злых) помыслов происходят злые дела. «Чему вы научились, что приняли».

Вот прекрасное учение – при всех увещаниях (апостол) представляет в образец самого себя, как и в другом месте говорит: «Которые поступают по образу» (Фил.3:17); и здесь опять: «Чему вы научились, что приняли», т. е. наставлены, «и слышали и видели во мне» – и из слов, и из действий, и из образа жизни. Видишь ли, что заповедь эта касается всего? Так как невозможно было подробно говорить о всем, и о входах, и об исходах, и о словах, и о наружном виде, и о дружестве, – а христианину о всем этом следует заботиться, – то он кратко и вообще сказал: «и слышали и видели во мне», т. е. в присутствии моем; как бы так сказал: я руководствовал вас

и делами и словами. «То исполняйте, – не только говорите, но и делайте, – и Бог мира будет с вами», т. е., если вы так это соблюдете и будете иметь мир между собою, то пребудете в спокойствии и великой безопасности, не испытаете ничего неприятного, и ничего противного вашим желаниям. Если мы имеем мир с Богом, – а имеем его через посредство добродетели, – то тем более. Он пребудет с нами. Тот, Кто столько возлюбил нас, что пришел и к нежелавшим (пришествия Его), – не гораздо ли более покажет Свою любовь, если увидит обращающихся к Нему? Нет ничего настолько враждебного нашей природе, как порок. А каким образом порок враждебен, а добродетель дружественна, – это видно из всего. Если угодно, рассмотрим это сперва относительно одного порока – блуда. Блуд делает людей бесчестными, нищими, смешными и презренными у всех, – делает то, что свойственно делать врагам; а часто он ввергал в болезни и опасности; многие же и погибли от блудниц, и получили раны. Если же блуд производит это, то тем более прелюбодеяние. Ужели таковы следствия и милостыни? Никак; напротив она, как чадолюбивая мать, делает свое детище весьма скромным, благонравным, истинно славным, побуждает заниматься необходимым, не оставляет нас, не отвлекает от нужных дел, и делает душу разумнейшею. Ничего нет безрассуднее блудников. Впрочем не угодно ли тебе видеть любостяжание? И оно производит то же, что сделал бы для нас враг. Каким образом? И оно делает нас ненавистными для всех; оно производит то, что все нас проклинают – и обиженные и не обиженные, – последние о первых соболезнают, а за самих себя боятся; все смотрят на них (любостяжателей), как на всеобщих врагов, как на диких зверей, как на демонов; везде бесчисленные упреки, коварства, зависть, – все, что свойственно врагам. Правда же напротив всех делает нам друзьями, всех приятелями и доброжелателями: все молятся за нас; вследствие того положение наше становится совершенно безопасным, вовсе не бывает беды, подозрения, мы засыпаем безбоязненно, спокойно, ни о чем не тревожимся, ничем не терзаемся.

3. Видишь ли, что она гораздо лучше? Что ж, скажи мне, лучше – завидовать, или сорадоваться другому? Исследуем все это, и найдем, что добродетель, как истинно чадолюбивая мать, делает безопасными; а порок, ввергая в опасности, есть вещь ненадежная и опасная. Послушай, что говорит пророк: "Господь – сила боящихся Его и завет Его (это) явит им" (Пс. 24:14). Тот никого не боится, кто не сознает в себе никакого зла: а порочно живущий ни на кого не надеется, но трепещет даже пред рабами и смотрит на них подозрительно. Что я говорю пред рабами? Он не может

сносить суда совести. Не только внешние, но и внутренние помыслы тревожат его, и не позволяют ему быть спокойным. Итак что же, скажешь? Для похвал должно жить? (Павел) не сказал: взирай на похвалу, но – делай и похвальное, впрочем не для похвалы. «Что только истинно»: а похвалы – ложь. «Что честно, что чисто»: честным означает внешнее, пречистым душевное достоинство. Не полагайте, говорит, претыкания и не давайте повода (2Кор. 6:3). Так как он сказал: «Что достославно», то чтобы ты не подумал, что говорит просто об отношении к людям, присовокупил: «Что только добродетель и похвала, о том помышляйте, то исполняйте». Желает, чтобы непрестанно в этом пребывали, об этом старались, об этом помышляли. Если мы будем иметь мир между собою, то и Бог будет с нами: а если поднимем войну, то Бог мира не будет с нами. Ничто так не враждебно для души, как порок; и наоборот, ничто столько не делает ее безопасной, как мир и добродетель. Потому должно начать с того, что до нас касается, и тогда привлечем Бога к себе. Бог не есть Бог вражды и войны. Потому оставь вражду и войну и с Богом и с ближним, живи мирно со всеми. Подумай, кого спасает Бог: "Блаженны, – говорит Он, – миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9). Такие непрестанно подражают Сыну Божью, и ты подражай Ему: живи мирно. Чем более враждует против тебя брат, тем большая ожидает тебя награда. Послушай, что говорит пророк: «Долго жила душа моя с ненавидящими мир» (Пс. 119:6). Вот это добродетель, это выше ума человеческого, это приближает к Богу.

Нет ничего так приятного Богу, как непамятозлобие. Оно освобождает тебя от грехов, изглаживает твои вины; а когда бранимся и деремся, то удаляемся от Бога. От препирательства происходит вражда, а от вражды памятозлобие. Подсеки корень, и не будет плода; таким образом научимся презирать житейское. Не бывает, истинно не бывает борьбы из-за предметов духовных; но все, что – ты видишь – ни случается, борьба ли, зависть ли, и что бы кто ни назвал, случается из-за предметов житейских: всякая борьба имеет свое начало или в любостыжании, или в зависти, или в тщеславии. Потому, если мы будем жить мирно, то научимся и презирать земное. Похитил ли кто-нибудь твое имение? Он нисколько не обидел тебя, лишь бы не похитил богатства горнего. Воспрепятствовал ли твоей славе? Лишь бы не славе у Бога, а славе ничтожной, которая собственно и не слава, а только имя славы, или лучше – бесславие. Похитил ли честь у тебя? Не у тебя (похитил), а у себя. Как обидчик обижает не другого, а себя, так и коварствующий против ближнего прежде всего губит себя, потому что кто копает яму для ближнего, тот сам падает в нее. Итак, не

будем коварствовать против других, чтобы не причинить вреда себе. Когда станем ниспровергать славу других, припомним, что вредим себе, что коварствуем более против себя. И действительно, хотя преодолевши (врага) повредим ему пред людьми, за то самих себя обидим пред Богом, раздражив Его. Итак, не будем вредить себе. И как, обижая ближних, мы обижаем себя, так, благодетельствуя им, благотворим себе. Потому, когда враг причинил тебе вред, в таком случае, размысливши, что он оказал тебе благодеяние, ты, если благоразумен, не только не плати ему равным злом, но еще благотвори. Но ты скажешь: удар весьма ощутителен. Подумай же о том, что ты не только не делаешь добра врагу твоему, но еще наказываешь его, а себе благодетельствуешь, – и ты тотчас начнешь благодетельствовать. Что ж? Ужели, скажешь, с таким намерением должно делать (добро)? Не с таким намерением должно делать; но когда сердце твое не может перенести (обиды), то хотя таким образом преклони его, и ты скоро решишься оставить вражду; после же того будешь благотворить врагу, как другу, – и таким образом Получишь будущие блага, которых все мы и да сподобимся достигнуть во Христе Иисусе (Господе нашем, Которому со Отцом и Святым. Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Фил.4:10–14. Я весьма возрадовался в Господе, что вы уже вновь начали заботиться о мне; вы и прежде заботились, но вам не благоприятствовали обстоятельства. Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе. Впрочем вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби.

Милостыня введена не для принимающих, а для подающих. – Смирение ап. Павла. – Польза от скорби. – Бедствия царей.

1. Часто я говорил, что милостыня введена не для принимающих, а для подающих, так как последние приобретают наибольшую пользу. Это самое и здесь показывает Павел. Каким образом? Филиппийцы, спустя много времени, послали ему нечто, поручив это Елафродиту. Потому (апостол), намереваясь отправить его обратно с этим посланием, смотри, как и хвалит их, и показывает, что присланное принесло пользу не принимающим, но дающим. Делает же это для того, чтобы благодетельствующие не надмевались, и были ревностнее в благотворении, так как через это они приносят более пользы самим себе, а принимающие (благодеения) не без страха бы спешили принимать, чтобы не подвергнуться осуждению, так как сказано: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20:35). Итак, что показывает он словами: «Я весьма возрадовался в Господе»? Я возрадовался, говорит он, не тому, чему радуются в мире и в настоящей жизни, но "в Господе" (возрадовался) не тому, что я успокоился, но тому, что вы преуспели, – а в этом и состоит мое спокойствие. Поэтому также сказал: "весьма", – потому что радость его была не плотская, и не о покое своем радовался он, а об их преуспейнии. И смотри, как он, упрекнувши их немного за прошедшее время, тотчас это прикрыл, поучая непрестанно и всегда пребывать в благотворении. «Что вы уже вновь», – говорит. Выражением: "уже вновь" – он показывает продолжительное время. "начали" (ἀνεδάλετε, процвели) – говорит как бы о деревьях, которые дали ростки, потом засохли, и опять дали ростки. А этим показывает, что они прежде, процветши, увяли, потом, увядши, опять дали побеги; потому в слове – "начали" заключается и укоризна и похвала, так как немаловажное дело – процвети увядшему. Этим он показывает, что все случилось с ними от нерадения. «Заботиться

о мне; вы и прежде заботились». Здесь разъясняет, что они и прежде в подобных случаях обыкновенно отличались щедростью, – почему и присовокупил: «Заботиться о мне; вы и прежде заботились». И чтобы ты не подумал, что их прежняя великая ревность и в других отношениях увяла, но лишь в одном этом (в отношении благотворения), – для этого смотри, как он предостерегает, говоря: «Что вы уже вновь начали заботиться о мне»; как бы так сказал: я говорю – "уже вновь" относительно к этому только, потому что в других отношениях вы не таковы.

Может быть здесь спросит кто-нибудь: каким образом тот, который говорит: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян.20:35), и: «Нуждам моим и *нуждам* бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян.20:34), и который опять к Коринфянам написал: «Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою» (1Кор. 9:15), – (каким образом он) теперь не видит, что уничтожает похвалу свою? Как? Принявши (посланное). Ведь если похвала состояла в том, чтобы ничего не принимать, то как теперь он принимает? Что же должно сказать? Там справедливо он не принимал по причине лжеапостолов. «Дабы они, чем хвалятся, – говорит, – в том оказались *такими же*, как и мы" (2Кор. 11:12). Апостол не сказал – суть (бескорыстны), но – "хвалятся", показывая через это, что они брали, только тайно. Вот почему сказал: «чем хвалятся». И он принимал, хотя не там. Потому он же говорил: «Похвала сия не отнимется у меня» (2Кор. 11:10). И не просто сказал: «не отнимется», – но что? «в странах Ахаии»; и еще: «Другим церквам я причинял издержки, получая *от них* содержание для служения вам» (2Кор. 11:8). Из этого видно, что он принимал. Впрочем, Павел, если где и принимал, правильно принимал, имея столь важное дело; а как могут брать те, которые ничего не делают? Но я скажешь, молюсь? Это еще не дело: можно и молиться и дело делать. Но я пощусь? И это не дело. Смотри, как этот блаженный во многих местах и проповедует, и работает. "Но вам, – говорит, – не благоприятствовали обстоятельства». Что значит: «Но вам не благоприятствовали обстоятельства»? Это зависело, говорит, не от вашего нерадения, но от необходимости; вы не имели в руках, сами были небогаты. Вот что значат слова: «Но вам не благоприятствовали обстоятельства». Это заимствовано от общего обыкновения; так говорит большая часть людей, когда житейские потребности текут к ним не обильно, а скудно. «Говорю это не потому, что нуждаюсь», т. е. я сказал: "уже вновь", и этим укорил (вас) не по желанию собственной пользы, и не жалуясь на скудость, будто я беден, – так как не этого искал. Откуда видно, Павел, что ты не тщеславишься? «И мы пишем вам не иное, –

говорит он к Коринфянам, – как то, что вы читаете или понимаете» (2Кор. 1:13). И к филиппийцам не сказал бы так, чтобы не быть обличенным (во лжи). Не сказал бы этого, если бы тщеславился, потому что говорил знающим (его), и от них было бы стыднее слышать обличение (во лжи). "Ибо я, – говорит, – научился быть довольным тем, что у меня есть». Значит это – дело научения, упражнения и старания; это не легко, напротив, весьма трудно и весьма утомительно. «Довольным тем, – говорит, – что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем», то есть, я умею и малым пользоваться, и сносить голод и бедность. «жить в скудости, и жить в изобилии». Да, скажут; но «жить в изобилии» не есть искусство, равно как и не добродетель. И очень даже добродетель, так же как «и жить в скудости». Каким образом? Таким, что как скудость располагает делать много зла, так и изобилие.

2. Многие, разбогатевши, часто делались нерадивее, и не умели быть счастливыми. Для многих богатство послужило поводом к праздности. Но Павел поступал иначе: принимая, он употреблял на других, издерживал на других. А в этом и состоит умение – хорошо пользоваться имуществом. Он не веселился и не радовался о своем изобилии, но был одинаков и в скудости и в изобилии, – и первой не стеснялся, и последним не надмевался. "Умею, – говорит, – насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке». Многие не умеют «насыщаться», как израильтяне, которые "разжирели и отвергли» (Втор. 32:15). Но я, (говорит апостол), всегда остаюсь в том же расположении духа. Этим показывает, что он и теперь не веселился, и прежде не печалился; если же и скорбел, то не о себе, а об них; сам он всегда был одинаков. "Научился, – говорит, – всему и во всем», т. е. в течение столь долгого времени я испытал все, и во всем этом усовершенся. Но так как речь (апостола) могла показаться преувеличенной, то смотри, как он тотчас делает поправку, и говорит: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе». Это, говорит, не мое совершенство, но Давшего крепость. Но с другой стороны, так как благодотворители, видя в принимающем не доброе расположение, а пренебрежение к подаванию, делают нерадивее (так как они тогда щедро дают, когда вызывают благодарность и доставляют успокоение), то чтобы этого не случилось, и чтобы кто-нибудь не сказал – Павел пренебрегает успокоением, поэтому они по необходимости сделались нерадивее, – смотри, как он и это предотвращает. Предыдущими словами разрушил их мечтание, а следующими возбуждает их усердие, говоря: «Впрочем вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби». Видишь ли, как он и

отделил себя, и опять соединил? Это знак искренней, духовной дружбы. Не подумайте, говорит, будто я не имею нужды в вашем пособии потому, что не терплю нужды; я терплю нужду ради нас. Как же они были участниками его скорбей? Так, что он, будучи даже узником, говорил: «Вас всех, как соучастников моих в благодати» (Фил.1:7), – потому что пострадать за Христа есть благодать, как и сам говорит в другом месте: «Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Фил. 1:29). Слова эти, отдельно сказанные, могли опечалить (филиппийцев); поэтому (апостол) утешает, принимает их, и опять хвалит, впрочем умеренно. Именно не сказал – давши, но – «потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него», чтобы показать, что и они получили пользу, потому что сделались участниками в наградах. Не сказал – облегчая скорби мои, но – «приняв участие в моей скорби», что важнее.

Видишь ли смирение Павлово? Видишь ли его благородство? Он, после того как показал, что для себя не имеет нужды в их подаянии, уже безбоязненно произносить и слова уничиженные, какие употребляются и бедными: как ты обыкновенно подаешь. Он ни от чего не отказывается, ни от дел, ни от слов, только бы совершить желаемое. Что ж это значит? Не думайте, говорит, будто мой упрек и слова – «уже вновь начали» происходят от бесстыдства и от моей нужды. Нет, я говорю это не от нужды, – но почему? По особенной надежде на вас, и вы сами виновники этой надежды. Видишь ли, как он заботится о них, и как говорит им: вы виновники, вы прежде других приступившие к этому делу, и подавшие нам смелость напомнить вам об этом? Заметь и важность (апостола): (филиппийцы) не посылают, он не укоряет их, чтобы не показалось, что он заботится о самом себе; а когда послали, тогда он укорил за прошедшее время, и они перенесли (укоризну), так как нельзя уже было думать, что он заботится о себе. "Вы знаете, – говорит, – Филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних» (Фил. 4:15). О, какая похвала! Коринфяне и римляне побуждаются тем, что слышат об этом от него; а филиппийцы, прежде чем началась какая-нибудь церковь (потому что говорит – «в начале благовествования»), показали столько усердия к этому святому, что, не имея вовсе примера, сами первые начали такое плодоношение. И нельзя сказать, будто они так делали потому, что Павел пребывал у них, или потому, что получили от него какое-нибудь благодеяние. "Когда, – говорит, – я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и

принятием, кроме вас одних». Что значит – «принятием»? И что значит – "участия"? Почему не сказал, что ни одна церковь мне не подавала, но – «участия подаванием и принятием»? Потому что в том именно и состоит общение. «Если мы посеяли в вас духовное, – говорит, – велико ли то, если пожнем у вас телесное?» (1Кор. 9:11)? И еще: «Ныне ваш избыток в *восполнение* их недостатка» (2Кор. 8:14). Видишь ли, как они имели общение – подавая телесное, а принимая духовное? Как продавцы и покупатели имеют взаимное общение, друг от друга получая и друг другу отдавая; – это и есть общение, – так точно и здесь. И нет, ничего нет полезнее этой купли и этого торга; он производится на земле, а оканчивается на небе. Покупающие находятся на земле, а покупают и заключают условие о небесном, полагая цену земную.

3. Впрочем ты не смущайся: не за деньги продаются блага небесные, не деньгами покупают их, а свободным решением дающего деньги, любомудрием, возвышением над вещами житейскими, человеколюбием и милостью. Если бы на серебро покупались, то жена, положившая две лепты, немного получила бы; но так как не серебро, а доброе намерение имело силу, то она, показавши всю готовность, получила все. Итак, мы не должны говорить, что царство (небесное) покупается за деньги: не за деньги, но за свободное решение, обнаруживаемое через деньги. Деньги однако ж нужны, скажешь? Не деньги нужны, а решение. Имея это последнее, ты можешь и за две лепты купить небо; а без него и за тысячу золотых талантов не купишь того, что можешь купить за две лепты. Почему? Потому что, когда ты от многого дал меньшее, то хотя сотворил милостыню, но не такую, какую вдова; ты подал не с таким усердием, с каким она; она сама себя лишила всего, или лучше – не лишила, а все себе даровала. Бог обещал царство не за таланты золота, но за чашу студеной воды, за усердие, не за смерть, которая не есть что-нибудь великое, но за намерение. Что в самом деле значит отдать одну душу? Отдается один человек; а один человек не равноценен царству). «Вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду» (Флп.4:16). Опять великая похвала, – потому что он, находясь в главном городе, получал содержание от города малого. И смотри: чтобы, всегда представляя себя вполне довольным, не сделать их, как я прежде сказал, беззаботными, он многократно показал, что не терпит нужды, а здесь выразил одним только словом: "На нужду", не прибавив даже – в мое, но просто (в требование), сохраняя свою важность; и не только здесь, но и в следующих словах. Так как (апостол) находил это выражение весьма унижительным, то и делает после поправку, говоря: «Не потому, чтобы я искал даяния» (Флп.4:17). Этими словами он

выражает то же самое, что и вышесказанными: «Говорю это не потому, что нуждаюсь» – хотя первое (выражение) сильнее последнего. Иное ведь дело – при бедности не искать, и иное – находясь в нищете, даже и не считать себя бедным. "Не потому, – говорит, – чтобы я искал даяния; но ищу плода, умножающегося в пользу вашу», не в мою. Видишь ли, что плод произрастает для них? Не для себя, говорит, я это сказываю, но для вас, для вашего спасения. Принимая от вас, я ничего не приобретаю; благодать принадлежит дающим; дающим сохраняется там награда, а принимающим расточается здесь даяние.

Опять, говоря и о нужде, хвалит их, и выражает свое сочувствие. Так как сказал – «не потому, чтобы я искал», то, чтобы опять не сделать их беззаботными, говорит: «Я получил все, и избыточествую» (Флп. 4:18), т.е. через это даяние вы восполнили и прежние опущения, – что особенно возбуждало в них ревность. Ведь известно, что благотворящие чем добрее бывают, тем более желают благодарности от облагодетельствованных. «Я получил все, и избыточествую», т. е. вы не только восполнили то, что было опущено в прошедшее время, но еще сделали более. Потом, чтобы это не показалось обличением, смотри, как он подтверждает (прежние слова). Так как сказал: «не потому, чтобы я искал даяния», и: "уже вновь", и показал, что это была обязанность (это не значит "получил"), то опять показывает, что они сделали более, нежели сколько обязаны были, и говорит: "получил". Говорю это не просто, и не по пристрастию, – но что? «получив от Епафродита посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоуходную Богу». О, как он превознес их дар! Не я, говорит, принял, – не я, но через меня Бог. Потому, хотя я не терплю нужды, вы однако ж на это не смотрите; и Бог не имел нужды, однако ж принял, так что Божественное Писание не уклонилось сказать: «И обонял Господь приятное благоухание» (Быт. 8:21), а это значит, что Ему приятно было. Вы знаете, хорошо знаете, в какое расположение приводится наша душа, сколько радуется, и сколько наслаждается благоуханиями. Итак, Писание не уклонилось сказать о Боге по-человечески и столь уничижительно, чтобы показать людям, что их дары приятны были: делали же их приятными не запах и не дым, по намерение приносивших. Иначе и дары Каина были бы приятны. Потому (апостол) сказал, что Бог наслаждается, и как наслаждается; без этого люди не поняли бы. Итак, Он, не имеющий нужды, говорит, что столько наслаждается (дарами), чтобы люди не сделались нерадивыми, узнав, что Он не имеет нужды. Когда же они впоследствии вознерадели о другой добродетели, понадеявшись только на жертвы, то смотри, как Он опять исправляет их, говоря: «Ем ли

Я мясо волов и пью ли кровь козлов?» (Пс. 49:13). Подобно и Павел говорит: «Не потому, чтобы я искал даяния» «Бог мой да восполнит всякую нужду вашу, по богатству Своему в славе, Христом Иисусом» (Флп. 4:19).

4. Смотри, как он и молится подобно нищим. Если же Павел молится о дающих, то тем более мы, принимая (благодаяния), не должны стыдиться поступать таким образом. Мы не должны принимать, как будто сами имеем нужду, не должны и радоваться о самих себе, но о дающих. Таким образом, если мы радуемся о них, нам будет награда и тогда, как принимаем. Равным образом не будем негодовать, когда не дают, но лучше будем скорбеть о них. Таким образом сделаем и их усерднее, вразумив, что мы делаем это не для себя. "Бог мой, – говорит, – да восполнит всякую нужду вашу», – или всякую благодать, или всякую радость. Но если понимает всякую благодать, то говорит не об этой только земной милостыне, но о всяком добром деле; если же понимает всякое требование (а об этом более, по моему мнению, и говорится), то он хочет объяснить следующее: так как прежде он сказал: «Но вам не благоприятствовали обстоятельства», то здесь присовокупляет то же, что и в послании к Коринфянам, говоря: «Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей» (2Кор. 9:10). Он молится им, чтобы им быть в изобилии, и иметь что сеять, – и молится не просто о том, чтобы быть в изобилии, но – «по богатству» Божью. Следовательно и это сделал применительно (к их состоянию). Если бы они были подобны (Павлу), столько же любомудры, и столько распяты (миру), то он не сделал бы этого. Но так как они были люди ремесленные, бедные, имели жен, воспитывали детей, управляли домами, и из малого давали ему, и при том еще имели некоторую привязанность и к вещам настоящим, – то он молится, снисходя (к их состоянию). Нет ничего неприличного молиться о том, чтобы люди, так пользовавшиеся (богатством), имели довольство и обилие. Итак, смотри же, о чем он молится: не сказал – (Бог) да делает вас богатыми и пребогатыми, – но что? «Да восполнит всякую нужду вашу», так чтобы вам не быть в нужде, но иметь все потребное. Просить об этом заповедал и Христос в данной Им молитве, научал нас говорит: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день» (Мф. 6:11). «По богатству Своему». Что это значит? По щедродательности, т. е. поскольку для Него удобно и возможно сделать, и при том в скором времени. И так как сказал – "Нужду", то чтобы не подумали, что он намерен ограничить их, присоединил: «По богатству Своему в славе, Христом Иисусом». Вы будете, говорит, столько

изобиловать во всем, сколько употребляете во славу Его. Итак, он говорит или то, что вы не будете иметь нужды ни в чем («И великая благодать, – сказано, – была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося») (Деян. 4:33, 34), или побуждает их – все делать во славу Его, – как бы так сказав: пользуйтесь вашим достатком во славу Его. «Богу же и Отцу нашему слава во веки веков! Аминь» (Флп.4:20). А эта слава принадлежит не Сыну только, но и Отцу. Когда славится Сын, то славится и Отец. И так как он сказал, что это бывает во славу Христа, то, чтобы кто-нибудь не представлял (славы) Его одного, прибавил: «Богу же и Отцу нашему слава», т. е. та самая, которая воздается Сыну.

«Приветствуйте всякого святого во Христе Иисусе» (Флп.4:21). Немаловажно и это: и через послания приветствовать их есть знак великой любви. «Приветствуют вас находящиеся со мною братья». Но ты говорил: «Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас»: как же теперь говоришь: «Находящиеся со мною братья»? Он или говорит о находившихся с ним братьях, показывая, что из них ни одного нет единомысленного, не касаясь тех, которые находились в городе (да и какая им была нужда брать на себя дела апостольские?), или же он не отказывается называть и их братьями. «Приветствуют вас все святые, а наипаче из кесарева дома. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами» (Флп.4:23). Ободрил и одушевил их, показав, что проповедь дошла и до царского дома. Если находившиеся в царском дворце все презрели для Царя небесного, то гораздо более надлежало сделать это им. И то было доказательством любви Павловой, что он рассказывал и говорил о них многое и важное, чем и в царедворцах возбудил желание приветствовать их, хотя никогда их не видали. Велика была любовь между верующими в особенности вследствие того, что они тогда находились в угнетении. Каким образом? Так, что жившие в отдалении друг от друга были взаимно соединены, и находясь вдали, точно близ живущие, приветствовали друг друга и каждый был расположен к другим, как членам своим. Бедный был расположен к богатому, так же как и богатый к бедному; и никакого не было преимущества, потому что все равно были ненавидимы и гонимы за одно и то же. Подобно тому, как какие-либо пленники, вышедшие из различных городов, собравшись в один город, тесно между собою сдружаются, потому что общее бедствие соединяет их, – так точно и (верующие в то время, когда их соединяли общие страдания и скорби, имели великую друг к другу любовь.

5. Скорбь есть какая-то неразрывная связь, усиление любви, условие сокрушения (сердечного) и благомыслия. Послушай, что говорит Давид:

«Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим» (Пс. 118:71); и еще другой пророк говорит: «Благо человеку, когда он несет иго в юности своей» (Плач. 3:27); и еще: «Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи» (Пс. 93:12); и некто иной говорит: «Наказания Господня не отвергай» (Притч. 3:11); и в другом месте: «Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению» (Сир. 2:1). Также и Христос говорил ученикам Своим: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь» (Иоан. 16:33); и еще: «Вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется» (Иоан. 16:20); и еще: «тесны врата и узок путь» (Мф. 7:14). Видишь ли, что скорбь повсюду восхваляется, повсюду представляется необходимой для нас? Действительно, если и при внешних подвигах без нее никто не получает венца, – без того, чтобы укрепить себя трудами, отречением от пищи, правилами воздержания, бдениями и бесчисленными другими средствами, – то тем более здесь. Кого желаешь ты (представить)? Царя ли? Но и он ведет жизнь не беззаботную, напротив, полную многих скорбей и забот. Ты смотри не на Диадему, а на бурю беспокойств, от которой рождается для него смятение, не на порфиру, а на душу его, затуманившуюся более этой порфиры. Не столько венец охватывает голову, сколько беспокойство душу. Смотри не на множество телохранителей, но на множество печалей, – нельзя ведь найти ни одного частного дома, который был бы исполнен таких забот, каких (исполнены) царские чертоги. Различные роды смерти каждодневно там ожидаются от своих же, и кровь видится и пред трапезой, и пред напитками. А в ночное время, как они часто вскакивают и вспрыгивают тревожимые мечтаниями, – этого и сказать нельзя! И это бывает в мирное время; а если настает война, то заботы еще более увеличиваются. Итак, что может быть жалостнее этой жизни? А сколько беспокойства от своих – разумею подчиненных?

Верно также и то, что царский помост всегда напитан бывает родственной кровью. Если угодно, я кое-что расскажу, – и вы тотчас узнаете, что это (действительно) так бывает. В особенности я скажу о (событиях) древних, впрочем хорошо сохранившихся в памяти, и о некоторых, случившихся в наши времена. Некто, говорят, подозревая жену в прелюбодеянии, привязал ее нагую к горам и предал зверям, тогда как она была уже у него матерью многих царей. Какую же, вы думаете, он вел жизнь? Если бы он не истаивал от сильной страсти, то не употребил бы такого наказания. Он же самый умертвил и сына своего; к тому же брат его умертвил сам себя с детьми своими. А говорят, что он умертвил и брата своего. Еще – один сам себя лишил жизни, будучи схвачен тираном,

а другой умертвил своего племянника, имевшего с ним участие в царстве, которое сам ему предоставил. Иной видел жену свою погибшей от лекарств: она не рождала, и какая-то несчастная и бедная женщина (подлинно несчастная и бедная, потому что своим искусством надеялась доставить дар Божий), давши лекарства, и царицу погубила, и сама вместе погибла. Другой опять после того умерщвлен ядовитыми лекарствами, и чаша была уже для него не питьем, но смертью. Сыну же его, не сделавшему никакого преступления, по страху будущего, был выколот глаз. Иной – нехорошо и сказать, насколько жалостно кончил жизнь! А из бывших после, один, как бы какой бедный и несчастный, сожжен был с лошадьми, домами и всеми другими вещами, жена же осталась вдовой. Невозможно и высказать, какие жизненные огорчения он принужден был претерпеть в то время, когда поднял оружие. И этот ныне царствующий не с того ли времени, как украшен диадемой, находится в трудах, опасностях, скорбях, печалях, напастях, и среди козней? Но царство небесное не таково: с приобретением его – мир, жизнь, радость и веселие. А (здешняя) жизнь, как я сказал, не может быть безбедной. Если состояние царское, в отношениях житейских блаженнейшее, исполнено таких несчастий, то что же сказать о состояниях частных? А сколько других зол, – и пересказать нельзя. Сколько и басен из этого составилось? Все почти трагедии, представляемые на сцене, взяты от царей, равно и мифы, в которых тоже большая часть заимствована из того, что в действительности было, почему они и доставляют удовольствие, каковы, напр., Фиестовы пиршества, и (миф о том) как весь этот дом погиб от несчастий.

6. Но это мы знаем из сочинений светских. Если же хотите, то мы скажем и от Писания. Саул первый царствовал, но вы знаете, как и он погиб, испытавши бесчисленные бедствия. После него Давид, Соломон, Авия, Езегая, Осия – также, потому что невозможно пройти настоящую жизнь без скорби, без трудов и без печали. Но мы скорбим не о том, о чем цари, а о том, от чего получаем великую пользу. «Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению» (2Кор. 7:10). Об этом надлежит печалиться, об этом скорбеть, об этом сокрушаться. Так Павел сокрушался о согрешающих, о них он плакал: «От великой скорби, – говорит он, – и стесненного сердца я писал вам со многими слезами» (2Кор. 2:4). Так как он не имел причины скорбеть о своих грехах, то скорбел о чужих, и так скорбел, что считал их собственными. другие соблазнялись, и он воспламенялся; другие были немощны, и он сочувствовал немощам (2Кор. 11:29). Такая печаль – благо, она лучше всякой мирской радости. Кто сетует таким образом, того я предпочитаю

всем людям; даже и сам Господь уболажает этих плачущих, сострадательных. Не столько я удивляюсь Павлу, подвергавшемуся опасностям, или лучше, не менее удивляюсь ему по причине бедствий, от которых он умирал ежедневно, чем сколько это меня восхищает (т. е. что он скорбел за других). Это происходило от души боголюбивой и любвеобильной, от любви, какой сам Христос желал, от сострадания братского и отеческого, или даже гораздо большего, чем то и другое (сострадание). В таком должно быть расположении, так должно плакать; такие слезы преисполнены великого веселья; такое рыдание есть условие радости. И не говори мне: какая польза от моих слез тем, о которых я плачу? Хотя мы нимало не поможем оплакиваемым, но самим себе без сомнения принесем пользу. Кто столько скорбит о (грехах) чужих, тот тем более будет скорбеть о собственных; кто так оплакивает чужие, тот и своих согрешений не оставит без слез, а вернее – даже не скоро и согрешит. Но, что всего ужаснее, мы, которым заповедано плакать таким образом о согрешающих, не показываем никакого раскаяния и в собственных (грехах); напротив, погибая (в беззакониях), не обнаруживаем ни малейшей скорби, и о всем заботимся более, о всем помышляем более, чем о своих согрешениях. Потому-то мы радуемся бесполезной мирской радостью, которая скоро исчезает и рождает бесчисленные горести.

Итак, будем скорбеть скорбью, рождающей радость; не станем услаждаться радостью, рождающей скорбь. Прольем слезы, посевающие великое удовольствие, и не станем смеяться смехом, рождающим для нас скрежет зубов. Будем печалиться печалью, от которой происходит отрада, и не будем искать увеселений, от которых рождается великая скорбь и болезнь. Потрудимся на земле мало, чтобы вкушать непрерывное веселье на небесах. Будем подвергать себя скорби в этой тленной жизни, чтобы в вечности получить покой. Не будем веселиться в кратком веке, чтобы не воздыхать в вечности. Или не видите, как многие скорбят здесь о вещах житейских? Подумай, что и ты один из таковых, и переноси скорбь и болезнь, укрепляясь надеждой на будущие (блага). Ты не лучше Павла, не лучше Петра, которые никогда не имели покоя, но провели всю жизнь в голоде, жажде и нагоде. Если ты хочешь получить то же, что и они, то для чего идешь противоположным путем? Если хочешь достигнуть того града, которого удостоены они, то иди путем, ведущим туда. А ведет туда путь не отрады, но скорби; первый пространен, последний тесен. Пойдем же этим последним, чтобы нам получить вечную жизнь во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и

присно, и во веки веков. Аминь.

Примечания

¹ - Слова ἔλαιον елей и ἔλεον милость св. Златоуст употребляет как тождественные.

² - Перевод П.Юнгера – Редакция «Азбуки Веры»

Содержание

Беседы на послание к Филиппийцам святитель Иоанн Златоуст	1
Примечания	137